18+

МОНИКА **МЕРФИ**

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Моника Мерфи создала очень чувственный роман!
История Оуэна и Челси тронула мое сердце!

Annotation

Может быть, мне нужно принять это и быть готовой к тому, что в конце концов он бросит меня и пойдет дальше. Это в его стиле. У него никогда не было постоянной девушки; он сам не раз об этом говорил. Что же мне делать? Нужно запереть свое сердце. Не впускать туда его. Но боюсь, уже слишком поздно. Он там, и мне не изменить это. Во всяком случае, в ближайшее время. Да я и не хочу.

- Моника Мерфи
  -
  -
  - Глава 1
    -
    - Оуэн
    - Челси
  - Глава 2
    - Челси
    - Оуэн
  - Глава 3
    - Оуэн
    - Челси
  - Глава 4
    -
    - Оуэн
    - Челси
  - Глава 5
    - Челси
    - Оуэн
  - Глава 6
    - Челси
    - Оуэн
  - Глава 7
    -
    - Оуэн
    - Челси
  - Глава 8

        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 9
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 10
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 11
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 12
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 13
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 14
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 15
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 16
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 17
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 18
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 19
        - Челси
        - Оуэн
    - Глава 20
        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 21

        - Оуэн
        - Челси
    - Глава 22
        -
        - Оуэн
        - Челси
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23

Моника Мерфи
Четыре года спустя

Monica Murphy
FOUR YEARS LATER

Copyright © 2016 by Monica Murphy
© Вакуленко Н., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018
Все права защищены.

*** * ***

«Люди плачут не потому, что они слабые, а потому, что были сильными слишком долго».

– Джонни Депп

Глава 1

«Неважно, что люди думают о тебе. Важно лишь то, что ты сам о себе думаешь».

– Неизвестный

ЧЕТЫРЕ ГОДА СПУСТЯ

Оуэн

Я жду в коридоре, сидя в кресле с опущенной головой, и разглядываю свои потертые черные кеды. Закрытая стеклянная дверь слева от меня совсем непрозрачная, но я знаю, кто находится внутри. До меня доносится низкий гул голосов, а я не могу разобрать ни единого слова.

Неважно. Я знаю, они говорят обо мне.

Мой куратор. Мой тренер. Моя сестра. Мой зять. Они все там, внутри, говорят о моем будущем или его отсутствии.

Запрокинув голову, я смотрю в потолок, удивляясь тому, что, черт возьми, я здесь делаю. Еще буквально пару лет назад жизнь была хороша. Да уж, а прошлым летом она была просто прекрасна. Я был в команде. Мчался по полю, словно пятки горели огнем; меня было не остановить. Тренер был мной доволен, с широкой улыбкой он говорил мне, что *я прямо как Дрю.*

Так-то. Я чертовски гордился этим. Я просто боготворю зятя. Рядом с ним я чувствую себя защищенным. Он понимает меня так, как никогда не смогла бы понять Фэйбл. Не то чтобы она не пытается, но она все же девушка, и у нее не очень-то выходит.

От мысли о девушках мое сердце словно каменеет. Оно становится твердым, глухим и непробиваемым. Я не был с девушкой уже… не знаю. Несколько недель? Как мне не хватает их улыбок, смеха, прерывистого дыхания, когда я погружался в их гладкие глубины и целовал их. Я скучаю по нежной девичьей коже и тому, как легко все было: одежда сброшена на пол, руки и ноги переплетены в порыве страсти.

Быть в футбольной команде означало получать все, что только можно пожелать. Но без хороших оценок мне не видать места в команде. Если не брошу курить травку, то вылечу из нее. Если еще хоть раз меня заметят со спиртным в баре, пока не достигну совершеннолетия, то я определенно распрощаюсь с этой треклятой командой навсегда. Никаких поблажек, детка.

Никто из нас не следует предписанным командой правилам.

Стеклянная дверь распахивается, и выглядывает мой студенческий куратор. Она мрачнее туче, и, скользнув по мне отсутствующим взглядом, она говорит, что теперь я могу войти.

Я молча встаю и, еле волоча ноги, вхожу в комнату; я не в силах поднять глаза из страха прочесть на их лицах разочарование.

Единственный, на кого я могу посмотреть, – это Дрю, в его взгляде столько сочувствия, что я почти готов кинуться ему на шею и умолять все исправить.

Но это невозможно. Я уже здоровый парень – по крайней мере, так говорит мама.

Черт. Это мой самый большой секрет. Мне трудно даже думать о ней, тем более когда рядом сидит Фэйбл. Она бы сошла с ума, если бы узнала правду.

Но она не знает. Никто не знает, что мама вернулась в город и умоляет меня помочь ей. Она просит раздобыть травку, и я достаю. За это она платит мне пивом, от которого я не отказываюсь. Я отдаю ей все свои свободные деньги.

Я подрабатываю официантом в «Квартале», когда нет занятий и тренировок или я не занят уроками, которые, черт возьми, должен делать. У меня приличный заработок, плюс футбольная стипендия; Дрю играет в Национальной футбольной лиге, и, слава богу, у них с Фэйбл нет никаких проблем. Они живут в Бэй Ареа[1], он играет за «Фотинайнерз»[2], в общем, все при всем.

Но я не беру у них денег, кроме как на оплату учебы и дома, который делю с другими ребятами, спасибо большое, эта помощь здорово облегчает мне жизнь. Мама вновь объявилась в городе прошлой весной, когда я оканчивал первый курс в колледже. Она как никто знала о моей слабости к ней и о том, как легко мной манипулировать.

Твоя сестра богачка, говорила она мне. *Эта маленькая стерва и гроша ломаного мне не даст, но ты-то не такой, я знаю. Ты мой драгоценный мальчик, помнишь? Тот, кто всегда присматривал за мной. Ты ведь хочешь меня защитить, правда? Ты нужен мне, Оуэн. Пожалуйста.*

Она говорит мне «пожалуйста», и я как последний дурак отдаю ей все свои деньги.

– Мы всесторонне обсудили твое будущее, Оуэн, – говорит куратор. Голос хриплый, словно она выкурила пятьдесят тысяч пачек сигарет или даже больше; я пытаюсь сосредоточиться на ней, чтобы не видеть разочарование на лице Фэйбл. – На некоторые вещи мы готовы закрыть глаза. Ты молод. Ты сбился с пути. В твоей команде немало тех, кто совершил те же ошибки.

Черт, да, есть такие. Эти ребята – мои друзья. Мы *ошибались* вместе.

– Оценки становятся все хуже и хуже. Твоя сестра боится, что ты слишком много работаешь, поэтому она позвонила твоему боссу.

Вот те раз! Не могу поверить, что она это сделала. Блин, владелец – ее друг и бывший босс, Колин. Он сдаст меня в два счета, хоть уже и не работает там. Они с Джен переехали сразу же после того, как я окончил старшую школу. Они обосновались в Южной Калифорнии, повсюду открывая новые ресторанчики, один за другим.

– Что же сказал мой босс? – злобно огрызнулся я. – Работа – это мое дело, то единственное, что дает мне ощущение свободы, немного карманных денег, заработанных собственным трудом, а не подачки от Дрю и не пособие, позволяющее иметь крышу над головой и оплачивать телефонные счета.

Это мои деньги, потому что я сам их заработал.

– Ты работаешь больше тридцати часов в неделю, – отвечает Долорес. Так зовут моего куратора. У нее голос как у мужчины, хотя сама она – древняя старуха. Вероятно, она работает в этом колледже со времен основания, а это было где-то на рубеже двадцатого века; эта женщина стара как мир. – Это слишком много, Оуэн. Когда же ты учишься?

Хочется сказать: *никогда*, но я держу язык за зубами.

– Твои оценки хуже некуда, и ты не сдал письменный экзамен по английскому. Вот на чем тебе сейчас нужно сосредоточиться, – вещает Долорес.

– В голове не укладывается, – заговорила Фэйбл, и я невольно перевел на нее взгляд. Вот черт, да она злится! Ее зеленые глаза – точь-в-точь как мои – сверкают от гнева, а губы так сильно поджаты, что, боюсь, она себя едва сдерживает. – Ты всегда делал успехи в английском. Когда-то тебе даже нравилось сочинять самому.

Когда-то у меня было полно свободного времени. Ну, может быть, не полно, но вполне можно было выкроить немного на сочинительство. Это было своего рода терапией. Сначала я просто повторял за Дрю. Этот малый постоянно строчил всякую милую чушь, от которой моя сестра едва не теряла сознание, и мне хотелось того же. Нет, не хлопнуться в обморок или заставить сестру лишиться чувств, но уметь касаться людских душ словами.

Поэтому я стал подражать Дрю Каллахану: играл в футбол, сочинял стихи, хорошо учился и изо всех сил старался поступать правильно. И все же я зашел дальше, чем Дрю. Девочки – это по моей части, а также друзья, пиво и – да – травка!

Так что от намерения совершать правильные поступки осталось одно лишь название.

Я пытался бросить наркотики, как они это называют, и мне удалось.

Но потом вернулась мама, и теперь у меня есть с кем покурить.

Вот такая вот история.

– Мне не хватает времени, – говорю я, пожав плечами.

– Правильно. Ты пропадаешь на работе, в которой вовсе не нуждаешься, гаденыш. – Фэйбл буквально прошипела последнее слово, и оно жжет, как удар кнутом. Дрю кладет ей руку на плечо, и в его взгляде ясно читается: «Успокойся!».

И это сработало. Он умеет на нее повлиять. Эти двое просто созданы друг для друга. Даже противно! Я так скучаю по ним. Я тут совсем один! Просто плыву по течению в городе своего детства, потому что именно этого я и хотел. Независимости.

Теперь жалею, что не уехал с ними и не пошел в Стэнфорд, как они мне советовали. Ну, так хотела Фэйбл. Дрю просил ее не давить на меня. Чем больше она наседает на меня, тем сильнее я упираюсь.

И я пошел на принцип: и со Стэнфордом, и с переездом вместе с сестрой и ее мужем в громадный особняк. Да вообще со всем, на любое предложение отвечал «нет».

Ну не болван ли я?

– Мы нашли тебе репетитора, – сказала куратор, делая вид, что не заметила, как моя сестра вспылила. – Ты встретишься с ней через час.

– Через час я должен быть на работе, – начал я, но Фэйбл перебила меня.

– Нет, не должен. Ты на испытательном сроке.

– Испытательном чем? – я развернулся к ней, не веря своим ушам.

– Пока ты не научишься держать свое дер… держать себя в руках, ты не работаешь. Ты должен сосредоточиться прежде всего на учебе, – говорит Фэйбл. Когда я открываю рот, чтобы возразить ей, она недобро прищуривается, и я замолкаю на полуслове. – А в команде ты сядешь на скамейку запасных. Берись за ум, иначе потеряешь все. Я не шучу.

Засада.

Челси

В классе тихо, пахнет старыми книгами и меловой пылью, хотя могу поклясться, что самой классной доски здесь нет уже много лет. Встреча назначена в одном из старых зданий университетского городка, где воздух еще дышит прошлыми поколениями студентов, везде гуляют сквозняки и все выглядит старым и разбитым, с претензией на собственную историю.

Я чувствую себя очень яркой и обновленной, а я давно себя так не чувствовала. И почти забыла, на что это похоже. Вчера я подстриглась, немного разорившись на новую прическу, зато волосы теперь спадают на плечи идеальными волнами, хотя обычно я не утруждаю себя укладками, потому что мои волосы безнадежно прямые. На мне новые джинсы и кардиган, приобретенный вчера с тридцатипроцентной скидкой по купону, который мне прислали по электронной почте. Мама гордилась бы моим новым способом сэкономить.

У меня нет выбора. Быть бережливой – мой образ жизни.

Теперь я жду нового студента, чьим репетитором буду до конца семестра. Уже октябрь, так что у нас не так много времени, чтобы исправить его оценки; но я не волнуюсь. Я хорошо справляюсь с работой, даже отлично, хотя мне достаются сложные ребята, а это, кажется, сверхтяжелый случай.

Я начала подрабатывать репетитором еще на первом курсе. Учитывая, что школу я окончила на год раньше, а сейчас учусь на предпоследнем курсе, то занимаюсь этим я уже три года. Опыт немалый. Я вовсе не хвастаюсь, когда говорю, что умна. Некоторые даже сочли бы меня одаренной.

Или, скорее, сказали бы, что я слишком умна – себе во вред.

Все, что я знаю об этом парне, – это то, что он футболист и завалил английский. А если брать в расчет то, что я не слежу за успехами ни одной спортивной команды в колледже, то, кроме имени, ничего о нем не знаю. Я думаю, что он самоуверенный осел, которому претит сама идея, что его будет учить кто-то вроде меня.

Без разницы. Я не допущу, чтобы меня это беспокоило. Просто буду забирать свой чек каждые две недели и отправлять столько, сколько смогу, маме. Раньше я уже встречалась с тупоголовыми спортсменами, возмущенными тем, что им нужно в первую очередь заботиться об учебе. Многие из них ныли: «Кому нужны мои оценки? Я просто хочу гонять

мяч».

Они думают, что могут просто гонять мяч, и все. Неважно, какой мяч: футбольный, бейсбольный, баскетбольный… Если им это удается, они уверены, что непобедимы, и считают, что больше им никогда ничего не понадобится.

Нельзя полагаться на одну-единственную вещь, составляющую твое счастье, затраты и вообще жизнь. Мама является живым доказательством этого.

И я – тоже.

Взглянув на телефон, я вижу, что мой новый ученик опаздывает почти на десять минут. Что ж, я смогу уделить ему лишь пятьдесят. Затем мне нужно бежать на другую работу, у меня нет времени ждать его. Я работаю несколько ночей и по выходным в дурацкой маленькой закусочной в центре города, мне там не очень-то по душе. Босс – высокомерный осел, а клиенты – ворчуны. Хотя чаевые там приличные, а мне важен каждый доллар, который я могу заработать.

Мы – две сломленные девочки, мама и я, отец оставил нас ни с чем.

Ненавижу его. Похоже, я всех парней ненавижу. Однажды, когда мне было почти четырнадцать и я страдала в старшей школе, как всякий подросток, которого никто не любит и у которого почти нет друзей, я прошла через стадию, в которой верила, что лесбиянка. Я сказала нескольким своим друзьям, родителям, всем, кто слушал, что мне нравятся девушки. И никогда не называла причину, почему решила, что я лесбиянка.

Как-то на дикой вечеринке по случаю дня рождения шестнадцатилетний Коди Кертис засунул язык мне в горло так, что я чуть не подавилась, а его грубые, неопытные руки шарили по моему телу. И вот тогда-то я и решила, что если это и есть то, что происходит между мальчиками и девочками, то лично я пас. Лучше уж быть всеми отвергнутой лесбиянкой, чем иметь дело с парнями, которые, чуть что, пытаются облапать меня и засунуть мне в рот свой язык.

Забавно, но никто не верил мне: ни родители, ни друзья. Все думали: это пройдет. Особенно моя лучшая подруга, Кэри, *знавшая* про тот случай с Коди и как сильно я возненавидела это.

Они были правы, это и правда скоро прошло, но мне никогда не было по-настоящему комфортно с парнями. Стоит им оказать мне хоть малейший знак внимания, как я уже думаю, что у них скрытые мотивы. Они хотят от меня чего-то, что я не хочу им дать.

Свое тело, разум и душу.

Они возьмут все, а затем уничтожат меня. Уйдут, не оглянувшись.

Посмотрите на папу: он поступал так снова и снова. Он уходил, а мама плакала. Потом он возвращался, и она принимала его. Он рвал ей душу кусочек за кусочком, пока она не превратилась в груду осколков, а потом он ушел.

И на этот раз навсегда.

Я осталась единственной, кто мог принять на себя ответственность, собрать осколки воедино и сказать ей, что она сильная, крепкая и не нуждается в нем. Мы *обе* не нуждаемся в нем.

Но это ложь. Я думаю, он нужен ей. Да и мне – тоже, но только чтобы поддерживать ее. Я не люблю его, больше не люблю. Он растоптал все мои чувства, обидев меня.

То, как он поступил с мамой, заставило меня по-настоящему хотеть быть лесбиянкой. Или, может быть, вообще стать асексуальной. Тоже вариант. Мне нравится жить в моем маленьком мирке, заполненном учебой, репетиторством и планами на получение степени магистра. Я стану тем, кем захочу. Мне не нужен мужчина, чтобы принимать за меня решения. Кэри боится, что я не захочу окончить колледж, потому что слишком сильно люблю учиться. Она думает, со мной что-то не так.

Трудно признаться, как сильно пугает меня реальность.

Скрипящий звук прервал мои мысли, дверь в класс распахнулась. И вот с важным видом входит парень – нет слов, чтобы описать его появление. Он движется изящно и плавно. Высокий, крепкий, с грозным выражением лица. И это лицо… вот это да, оно красивое!

Все мысли о возвращении к моему так называемому гомосексуализму вылетают в трубу. Если я на самом деле такая умная, как заявляю, то мне следует отправиться за ними в погоню в надежде вернуть их. Я притворюсь, что этого великолепного парня не существует.

– Ты мой репетитор? – Он останавливается прямо перед столом, где я сижу, и я вскакиваю, отталкиваясь от стула так сильно, что он падает на бок с громким стуком.

Щеки горят, но я игнорирую упавший стул, как будто не роняла его. Я самое жалкое существо на планете.

– Ага. Ты Оуэн? – я вздрагиваю. «Ага»?! Я должна преподавать английский, а сама даже не могу произнести «да» надлежащим образом.

– Ага. – Он вздергивает подбородок: твердый, покрытый золотистой щетиной, которая не соответствует цвету волос на голове, богатого, золотисто-коричневого оттенка, однако с намеком на то, что он может быть почти блондином, если пробудет на солнце достаточно долго. – У меня нет времени на это дерьмо. Я должен идти на работу.

Ну вот. Не прошло и минуты, а он уже не выносит меня и ругается. *Вот придурок*.

– Ты опоздал.

– Я знаю. Я уже сказал, у меня нет времени.

– Не думаю, что у тебя есть выбор. – Обернувшись, я наклоняюсь и хватаю стул, поднимая его. Когда я снова разворачиваюсь к нему, его взгляд быстро поднимается к моему лицу, как если бы он рассматривал мою задницу, и, клянусь, мои щеки горят.

На самом деле мне понравилось подловить его на том, что он рассматривал меня.

Что со мной *не так*?

– Мне вообще не нужна твоя помощь, – говорит он, встречаясь со мной взглядом. – Обычно у меня все в порядке с английским.

Я не знаю, что сказать, и просто смотрю на него. Должно быть, я выгляжу жалкой, но его глубокие ярко-зеленые глаза такие красивые, что в них почти больно смотреть. В этих глазах можно потеряться. Держу пари: тысячи девушек до меня уже пропали в них.

– Правда? – спрашиваю я голосом, полным презрения. – Если верить твоему учителю, ты провалил экзамен.

Его великолепный рот сжимается в твердую линию, губы такие полные, что их можно было бы счесть женственными, если бы не все эти резкие линии лица, мгновенно сглаживающие подобные намеки.

– Да все это фигня, – бормочет он, проводя рукой по волосам, спутывая их.

Ему идет. За эту мысль мне хочется стукнуть себя. Куда подевались мои лесбийские планы? Или планы об асексуальности? Отброшены в сторону из-за красивого парня, вошедшего в комнату с предвзятым отношением и твердым намерением уйти от меня?

Нет, я не одна из тех девушек. Я умная. Мальчики меня не интересуют, и мне это подходит. У меня есть защитная оболочка, спасавшая меня столько лет, но я и не подозревала, что она настолько тонкая.

Он пробил в ней брешь одним лишь взглядом своих ярко-зеленых глаз и даже не подозревает об этом. Я отказываюсь подчиняться его власти.

– Почему бы нам не присесть и не обсудить это? – предлагаю я, устраиваясь на стуле и пододвигая его поближе к столу.

Он не последовал моему примеру. Он возвышается надо мной, высокий и широкоплечий. Он все, что я могу видеть. Я поднимаю голову, и мне совсем не по душе, что он контролирует ситуацию. Неприятно то, что он смотрит на меня сверху вниз, как на пустое место, словно он может уйти

прямо сейчас и просто забыть о моем существовании.

Вероятно, так и есть.

– Разве мы не можем просто сказать, что я прихожу к тебе каждую неделю, ты получаешь деньги, и мы делаем вид, что все в порядке? Ты строчишь свои жалкие отчеты, а я возвращаюсь к своим заданиям, набираю минимальный проходной балл, и все? – спрашивает он, протягивая руку и сжимая спинку стула, стоящего перед ним. Его длинные пальцы хватаются за край стула так сильно, что костяшки белеют. Он напряжен.

Отлично. Я – тоже.

– Хм, это ложь и мошенничество.

Я говорю медленно, с нажимом на каждом слове.

– Да ну? А мне это подходит. Мне просто нужно подтянуть предмет, не так ли? – По его словам, все так легко.

– Ты завалил уже три теста, – подчеркиваю я, не потрудившись даже взглянуть на лист, свидетельствующий о его эпическом провале по английскому. Я все прочла это до его прихода и даже запомнила. – Также ты ходишь на занятия по литературному творчеству и там тоже очень близок к провалу.

– Я думал… – он замолкает и выдыхает, слегка раздувая ноздри, – это будет легко.

– Очевидно, что нет, – я поднимаю бровь и горжусь своим внешним спокойствием и хладнокровием. Внутри же нервы скрутились в тугой комок.

– Я заплачу тебе больше, – выпаливает он. – Я не могу… мне нужно работать.

Его предложение ошеломляет меня, и все, на что я способна, – это хлопать глазами.

– Может быть… – я делаю глубокий вдох. – Может быть, мы могли бы встречаться в другое время? В этом проблема? Это время тебе не подходит?

– Никакое не подходит, – он качает головой. – Я не хочу заниматься. Без обид, но у меня совсем нет времени на эту ерунду.

И, словно подведя итог, он разворачивается и уходит.

Глава 2

«Самое безопасное – ничего не чувствовать, не позволять миру коснуться тебя».

– Сильвия Плат[3]

Челси

Ненавижу работу в закусочной. Она находится в центре города, хоть и не в лучшей его части, по соседству с баром, где студенты колледжа определенно не тусуются. Но, учитывая круглосуточный режим работы, последние из гуляк, как правило, заваливаются посреди ночи, голодные и пьяные.

У меня нет утренних занятий, поэтому я работаю до четырех утра и, вернувшись домой, могу несколько часов поспать. Кэри, лучшая подруга и соседка по комнате, редко там появляется. У нее, как и у меня, плотный график, а раньше еще и парень был. Она часто оставалась у него, они курили травку, занимались сексом дни и ночи напролет, а потом он ее бросил.

Думаю, это лучшее, что могло с ней случиться. Тот парень был неудачником. Эта история повторяется снова и снова. Складывается впечатление, что она предпочитает именно плохих ребят, тех, кто заставляет ее чувствовать себя невероятно сексуальной.

Я это знаю, потому что она любит в красках рассказывать мне обо всех своих сексуальных приключениях. Думаю, ей нравится шокировать меня, ну и пусть. На самом деле я впитываю все подробности и задаюсь вопросом, что же такое секс.

Звучит ужасно. Неловко. Болезненно. И даже унизительно. Я рада, что предпочла быть одной.

Маме не по душе моя работа в закусочной, и она старается при каждом удобном случае убедить меня бросить ее, но я не могу. Мне нужна работа, чтобы оплачивать дополнительные расходы, которые не покрывает стипендия. Вот и работаю в двух местах и полностью посвящаю себя учебе. В следующем году я окончу колледж, а затем хочу получить степень магистра в области образования. Но не здесь.

Жду не дождусь, когда смогу покинуть этот город. Он не для меня. Я могу поступить в университет поближе к дому, к Уолнат-Крику[4]. Ну, мы раньше *жили* там, пока не потеряли почти все, что имели. Сейчас мама живет в Конкорде[5]. Она заставила меня остаться здесь, чтобы каждый день я не сталкивалась со скандалами.

Это ее слова.

Сегодня в закусочной тихо, но для среды это нормально. Я перехожу от столика к столику, подавая студентам гигантские тарелки с картофелем

фри или начос. Завтрак для двух пожилых дядек, закончивших смену на электростанции, бесконечные чашки кофе для двух парней, пришедших пораньше, чтобы подготовиться к какому-то сложному тесту, который начнется менее чем через шесть часов.

Все как обычно.

Вот почему я так потрясена, когда примерно за час до конца смены дверь распахивается и входит Оуэн Макгваер с двумя парнями, такими же крупными, как и он, но не такими красивыми.

Блин. Ненавижу себя за такие мысли.

Раньше я его здесь не замечала. Да и могла ли? Обычно я не думаю о горячих парнях, а просто… работаю.

Но с ним все иначе. Встретила его и теперь не могу забыть. Его вызывающее поведение раздражает, но лицо, глаза…

– Хорошо, испытаем вас.

Его голос привлек мое внимание, я поднимаю голову, и наши взгляды встречаются. Он ухмыляется мне, слегка шатаясь на ногах, очевидно, он пьян. Учитывая, что ему всего девятнадцать, а он все-таки вошел в бар, вероятно, у него поддельные документы.

– Привет, – я коротко улыбаюсь трем пьяным парням, прежде чем снова стать серьезной. – Нужен столик?

– Ну а то! – говорит Оуэн, ухмыляясь все шире.

Так и хочется врезать ему. Или поцеловать. Не обращая внимания на тревожные мысли, я провожаю их к столу, чуть отступая, когда Оуэн оказывается слишком близко ко мне.

– Миленькая униформа, – пробормотал он, прежде чем занять место.

Почувствовав запах пива в его дыхании, я морщу нос. На мне неприглядная черная полиэстеровая форма официантки, пожалуй, самая непристойная на планете. Я никогда ни на кого не пыталась произвести впечатление, поэтому проблем с комплиментами и не возникало.

Но теперь мне хочется сбросить этот наряд, как змее – кожу. Просто стащить с себя это безобразное, нелепое платье и выкинуть в мусор. Бесит, что он видел меня такой.

Но рада, что он здесь.

– Что будете пить? – спрашиваю я, обводя взглядом всех троих, стараясь не задерживаться на Оуэне. Он может это неправильно истолковать, а мне нужно его уважение, если я действительно буду с ним заниматься. Чувствую, что не сработает, но надежда умирает последней.

Да и не на что тут надеяться. Лучше бы вообще не иметь с ним никаких дел.

Вот лгунишка.

Его друзья заказывают колу, а Оуэн – кофе, вот так неожиданность. Оставив их, я направляюсь к стойке, чтобы приготовить напитки, и при этом стараюсь унять предательскую дрожь в коленях; похоже, я переволновалась.

Я одновременно хочу, чтобы он ушел и чтобы остался.

Я начинаю злиться на себя за такие мысли. Парни меня не интересуют. Меня не заботит, что он думает и чего хочет. Так почему же он вызывает у меня дрожь и неловкость? Я разговаривала с ним всего десять минут, а потом его как магнитом притягивает туда, где я работаю. Улыбается так, словно это забавно, что он обнаружил меня. Делает двусмысленные комплименты а-ля «*миленькая униформа*» своим низким хрипловатым голосом, отчего по спине у меня бегут мурашки.

Веду себя как самая обычная девчонка и начинаю себя за это ненавидеть.

Делая вид, что его присутствие мне безразлично, я занимаюсь своей обычной работой: приношу им напитки, затем принимаю заказ, передаю его повару, возвращаюсь в зал, чтобы вытереть пустые столы, добавить салфетки и рассчитать уходящих клиентов. Кафе постепенно пустеет, пока не остается никого, кроме меня, повара, еще одной официантки – Паулы и Оуэна с друзьями.

Приношу им еду, мысленно отмечая, что Оуэн любит кофе с большим количеством сливок. Почему мне хочется запомнить это, словно я – белка, запасающая орехи на зиму, не знаю. Глупо! Он заставляет меня чувствовать себя глупой.

А я его даже не знаю. Ему плевать на меня. Для него я как заноза в заднице, и, чтобы улучшить свои оценки, он вынужден проводить со мной не менее часа дважды в неделю. Он предлагал мне деньги, чтобы я «позанималась» с ним и ему вообще не пришлось бы со мной видеться.

Придурок.

– Что-нибудь еще? – спрашиваю их, кладя чек на стол.

Оуэн забрал чек и посмотрел на него.

– Думаю, достаточно.

– Отлично, – я улыбаюсь, но выходит так себе. – Могу рассчитать вас здесь, но если хотите, можете заплатить на кассе.

– Эй, а что еще ты можешь сделать для нас, а? – спрашивает один из друзей Оуэна, заставляя второго засмеяться.

Я заливаюсь краской и стою, открыв рот, как выброшенная на берег рыба, но, к счастью, Оуэн поспешил мне на помощь.

– Заткнись, Дез. – Он взглянул на меня: от глупого захмелевшего мальчишки не осталось и следа. – Он пьян и не понимает, что говорит.

– Прекрасно понимаю, – бормочет пьяный Дез, но замолкает, когда Оуэн бросает на него сердитый взгляд.

– Все в порядке, – говорю я, слегка попятившись. – Не торопитесь.

Я поворачиваюсь, чтобы сбежать подальше от их столика, слышу, как кто-то резко вскакивает с места, чувствую, как сильные пальцы сомкнулись на моем предплечье, не давая мне уйти. Он стоит прямо позади меня, я замираю, чувствуя, как тепло его тела проникает в мое. Я приказываю себе сохранять спокойствие, не ляпнуть какую-нибудь глупость и не выставить себя в дурацком свете.

Только посмотрите, что он делает со мной одним лишь прикосновением. Такого со мной не бывало. Парни меня не волнуют. Да я и целовалась-то всего раза три. Один раз с Коди Кертисом, хотя он со своим языком определенно не в счет.

Значит, два. Лишь дважды я целовалась, и я девственница. Да, девственница! У Оуэна Макгваера на лбу написано: «Бабник». До меня ему нет никакого дела.

Так почему он трогает меня? Говорит со мной хриплым низким шепотом, обволакивающим словно тягучий теплый мед?

– …нужно поговорить. О занятиях, – говорит он; я вырываюсь из его крепкой хватки, раздраженная тем, что совсем не слышала, что он говорил вначале.

– Просто приходи по расписанию, в понедельник днем, и мы позанимаемся.

С фальшивой улыбкой я поворачиваюсь к нему, секунду он смотрит на мои губы: бесконечно долгую, перехватывающую дыхание секунду, прежде чем поднять свои бездонные зеленые глаза.

Губы покалывает, словно он поцеловал меня. *О господи.*

– Я даже не знаю твоего имени, – бормочет он.

Оуэн

Что я делаю? Какая мне разница, как ее зовут? Я ее не знаю. Да и не *хочу* знать. Сегодня я увидел ее первый раз в жизни. Мы ненадолго пересеклись днем, и она здорово разозлила меня своим «нет». И вот снова она.

На ней дурацкая, бесформенная черная униформа, способная обезобразить кого угодно. У нее темные волосы, темно-русые, а глаза – огромные, невинно-синие. Она выглядит совершенно недоступной, не похожей на девушек, которыми я обычно интересовался, и я вот спрашиваю ее имя, словно мне это нужно.

– Челси, – отвечает она, и я мысленно повторяю его снова и снова.

Вновь и вновь. Еще и еще.

Челси. Челси. Челси.

– Ладно, надеюсь, смогу встретиться с тобой завтра и получить задания.

Боже, как это все некстати. Мы стоим посреди убогой закусочной, где Дез и Уэйд могут услышать все, что я говорю Челси, невинной репетиторше с синими-синими глазами и розовыми-розовыми губами. Они понятия не имеют, что происходит. Как только мы уйдем отсюда, на меня выльется бездонный ушат дерьма.

– Завтра? В пятницу? – Она слегка хмурится, отчего выражение лица становится несколько напряженным и смущенным одновременно. Это выглядит так мило. Она вся такая милая.

Хей, приятель! Заканчивай уже с этой «милой» чушью.

– Завтра четверг, – напоминаю я.

– Нет, четверг сегодня, учитывая, что почти четыре утра.

– Верно. – Теперь я чувствую себя тупым, и мне это не нравится. – Тогда можем мы встретиться сегодня днем? Мне нужны задания, особенно если до понедельника мы больше не увидимся.

До понедельника многое может произойти. Блин, всего и не перечислить. Я словно иду по канату, ловя равновесие в ожидании, что в любую минуту предательский порыв ветра сбросит меня вниз, и я разобьюсь насмерть.

Вот во что превратилась моя жизнь. Меня разрывает на части. Хочу поступать правильно, а вместо этого продолжаю идти по кривой дорожке. Хочу рассказать Фэйбл правду. Хочу сказать маме оставить меня в покое.

В глубине души я знаю, что ничего не изменится. Я продолжу вести двойную жизнь, притворяясь, что могу отличить хорошее от плохого. С одной стороны, я хороший брат, который поступает так, как хотят Дрю и Фэйбл, а с другой – «хороший» сын, который подбрасывает мамочке денег, стоит ей лишь попросить, а еще вместе с ней курит травку и просит ее купить ему пиво.

Иногда я себя просто ненавижу.

– Днем у меня занятия, – отрезает она, задирая подбородок; вся из себя такая неприступная принцесса-девственница. Понятия не имею, так ли это, но все в ней просто кричит об этом. – А в пять у меня репетиторство.

– А если после? – Оглядываюсь через плечо на своих товарищей, наблюдающих за мной, их пьяные усталые лица полны любопытства. Снова поворачиваюсь к Челси и вижу, что она рассматривает меня, словно пытаясь понять.

Удачи! Я *сам* себя не понимаю.

Она глубоко вздыхает, ее грудь приподнимается, привлекая мое внимание. Выглядит очень недурно, хотя не могу сказать наверняка из-за этой дурацкой униформы. Да и при первой встрече не обратил на нее внимания, хотя засмотрелся на ее задницу.

И было на что. Она выглядела прекрасно в тех узких джинсах.

– Но если ненадолго, то я не против. Скажем, в шесть пятнадцать в той комнате, где мы уже встречались.

Я почувствовал облечение, а заодно ощутил себя настоящим слабаком. На оценки мне плевать, но Фэйбл убьет меня, если не вернусь на путь истинный.

– Да, давай.

– Хорошо. – Она отступает назад, готовая развернуться и уйти. – Тогда увидимся.

– Увидимся, – говорю я ей в спину и, не двигаясь с места, провожаю ее взглядом, пока она не исчезает за дверью кухни.

Я слышу хихиканье Уэйда и Деза и, повернувшись, вижу, как они встают со своих мест, путаясь в собственных ногах. Даже прилично поев, эти пьяные задницы не успокоились, и это почему-то дико меня разозлило. Я и с самого начала не был сильно пьян, а уж обнаружив Челси, работающую в этом кафе, и вовсе протрезвел.

Сперва было *алкогольное* опьянение. Но затем, посмотрев на нее, прикоснувшись к ней, пусть даже на мгновение, я снова захмелел, и такого *опьянения* я бы предпочел избежать.

– И что же это за цыпочка? – Сначала ко мне подгребает Уэйд, а затем

уже и Дез.

Я молча бросаю на них сердитый взгляд, и мы выходим из закусочной в промозглую осеннюю ночь. Наш с Уэйдом дом находится не слишком далеко от центра и довольно близко к кампусу, так что мы уже добрались до боковой улицы нашего квартала. Дез, как всегда, вырубится на диване в гостиной.

– Помнишь, я говорил, что мой куратор хочет встретиться? – спрашиваю я, пряча руки в карманы джинсов. Я вижу облачко пара от своего дыхания и вжимаю голову в плечи, чтобы немного согреться.

– Ну, – с сомнением начинает Дез. – Что, черт возьми, это значит? Зачем это куратору встречаться со студентом?

– Она привлекательная? – спрашивает Уэйд. – Только не говори, что маленькая сексапильная официантка и есть куратор. Просто бомба!

Чувствую, что от раздражения в венах начинает закипать кровь.

– Нет, это не официантка, недоумок. Куратора зовут Долорес, и я почти уверен, что ей лет двести.

– А официантка была так себе, – говорит Дез, пиная камень. Тот отскочил от разбитого тротуара и приземлился на другой стороне дороги. – Ты видел, во что она была одета? Черный полиэстер – это полный отстой.

– Откуда, черт возьми, тебе знать, что это полиэстер? Следишь за модой? – усмехается Уэйд.

Блин. Эти двое любят подкалывать друг друга. Уэйд – мой старинный друг, а Дез – один из новых. Они уверяют, что им нечего делить, но иногда… я сомневаюсь.

– Заканчивайте, – говорю им. Я совсем не в настроении слушать их перебранки, собственно, как и всегда.

– Ну и кто же она, – спрашивает Дез, – несоблазнительная официантка в полиэстере?

Я бы не назвал ее соблазнительной. Она определенно не страшненькая. Она… милая. Такая чистая, сама невинность. Бьюсь об заклад, что подойди я к ней еще ближе – смог бы разглядеть веснушки у нее на носу.

– Я встречался с куратором, и там также были тренер, Дрю и Фэйбл.

– Твой зять был там? – У Деза даже челюсть отвисла. Он в восторге от Дрю. А Уэйд – нет, потому что всегда его знал, а с Дезом мы дружим только с начала учебного года. То, что мой зять играет за «Фотинайнерз», лишает большинство ребят дара речи.

– Я провалился по нескольким предметам, – говорю я, мой голос глух. – Они нашли мне репетитора. Та самая официантка…

– …твой репетитор, – закончил за меня Уэйд, покачав головой. – Парень, тебе придется воздержаться на какое-то время. Никакой травки!

Травка… Моя давняя проблема. Я начал курить еще в средней школе, когда мы жили с мамой и ей не было до нас никакого дела. После ее ухода Фэйбл стала главой семьи, и она вынудила меня бросить. Дрю заставил меня за*хотеть* бросить.

Но потом… я вернулся к пагубной привычке. Ничего не могу с собой поделать, мне нравится быть под кайфом. То прекрасное чувство, когда ничто не тревожит, неприятности не лежат тяжким камнем на сердце, а ведь они у меня есть, эти самые неприятности! Хотя большинство из них – моя заслуга.

А некоторых лучше бы не было вовсе. Мама… Она как назойливая муха вьется вокруг, и сколько ее ни отгоняй, она возвращается. И жужжит еще громче, чем раньше.

Да, она такая. Надоедливая, жирная, выносящая мозг муха.

– Тебе, пожалуй, не стоило тусоваться с нами сегодня вечером, – говорит Дез.

С каких это пор эти два придурка стали такими ответственными?

– Слушайте, мне нужно временно залечь на дно. Займусь уроками, пересдам несколько тестов и повышу свои оценки. – Прямо не верится, что говорю это. Сперва я был против. Но только потому, что занятия с репетитором пересекались с рабочим расписанием, а мне нужны деньги, ведь Фэйбл не знает, что большую часть я отдаю маме.

Перед тем как пойти в бар, я поговорил с боссом. Мы подкорректировали мое расписание, и теперь я могу все успеть. Нет проблем. В любом случае дополнительные занятия закончатся, как только я получу нужные оценки, и мне больше не нужна будет помощь Челси.

– Будешь занят, – говорит Уэйд. – Не останется времени на цыпочек.

– А когда у меня было на них время?

– Пару недель назад, когда ты заявился домой с той девицей. Ты, видимо, думал, что я спал, но я слышал, как вы там развлекались, – смеется Уэйд.

Тупой, пронырливый извращенец.

– Ты подслушивал? – Она была шумной. Много всяких «*ох, прикоснись ко мне здесь» и «да, так мне нравится»*. Жалкое притворство. Устроила целый спектакль и думала, что именно это мне и нужно. Ну я и подыграл. Но, несмотря на все эти грязные разговорчики, которых она так жаждала, мне не понравилось. Долго я не продержался и, как только все закончилось, быстро спровадил ее.

Я даже не помню ее имени.

– А у меня не было выбора, она ж орала, – Уэйд слегка ткнул Деза под ребра, и они взорвались дружным смехом.

Вот уроды.

– Да у меня больше девчонок, чем у вас вместе взятых, – говорю я с раздражением, потому что тут нечем гордиться.

– Учитывая, что Дез – гей, это мало что значит. – Ой! – Уэйд потирает руку, по которой его треснул Дез.

Каждый раз одно и то же: напиться и по пути домой подкалывать друг друга и хвастаться девчонками.

Мне начинает надоедать собственная жизнь. Я *сам себе* надоел. Мне нужны перемены. Надо измениться.

Завтра поговорю об этом с Фэйбл.

Глава 3

«Нет, ты не дурное семя. Ты просто цветок в ожидании расцвета».

– Челси Симмонс

Оуэн

– Ты же знаешь, как мне хотелось бы, чтобы ты приехал, но Дрю постоянно в разъездах: тренируется с командой, и я еду с ним, – говорит Фэйбл с сожалением.

Сильнее сжимаю в руке мобильный и закрываю глаза. Я все еще в кровати, хотя уже час дня, а в два у меня начинаются занятия. Пора уже пошевеливаться.

– А как же ребенок?

Моя племянница Отэм – центр их мира. Ей три с половиной месяца, и она самое прелестное создание, которое мне доводилось видеть. Она мило агукает всякий раз, когда видит меня, хоть это случается нечасто. Она просто маленькая копия Фэйбл. Больше всего Дрю любит появляться на публике, держа свою любимую дочурку на руках. Фотки папарацци тут же появляются в Интернете, вызывая всеобщее умиление.

Даже Фэйбл не может остаться равнодушной к этим снимкам. Что за безумие! Кто бы мог подумать, что женщины тают при виде мужчины с ребенком на руках?

– *Разумеется,* я возьму ее с собой. Ты же знаешь, как быстро летит время. Не успеешь оглянуться, как Отэм пойдет в школу, и я уже не смогу всюду сопровождать ее. Нет, я не упущу возможности побыть с ней вместе. – Фэйбл тихо причмокивает; думаю, она укачивает ребенка, потому что слышу детское хныканье.

– Боже, она просто ненасытна.

Даже не хочу представлять, что прямо сейчас делает Фэйбл.

– Я напортачил на встрече с репетитором, – признаюсь я.

Она вздыхает.

– Как?

Я рассказал ей о случившемся и добавил в конце, что встречаюсь с Челси сегодня вечером. Это несколько успокоило Фэйбл, уставшим голосом она просит меня больше так не делать, ведь мне уже давно пора взяться за ум, и, конечно, ее неизменное «проблемы сами собой не решаются, Оуэн» и бла-бла-бла.

Было ошибкой думать, что я могу позвонить и запросто попросить пожить у нее некоторое время. Я быстро заканчиваю разговор и бросаю телефон на тумбочку. Закрываю глаза и позволяю мыслям свободно течь… к репетиторше.

К голубоглазой Челси с длинными русыми волосами. Она ненавидит меня. А мне следует ненавидеть ее. Она из породы заумных богатеньких девчушек, а я всего лишь один из местных балбесов, получивших стипендию. Да, Дрю богат, и да, черт возьми, он позаботился о нас. Теперь, играя в НФЛ, он зарабатывает больше денег, чем когда-либо было у его отца. Да и мне немало перепадает с этого, но я все же не могу забыть, кто я есть на самом деле.

Внезапно объявляется мама и снова напоминает мне, откуда я родом.

Для такой девушки, как Челси, я всего лишь парень из трущоб. Хм, связаться с плохим парнем и хранить в тайне этот маленький грязный секретик. Готов поспорить: она ни разу не бывала в бедном квартале. Я, наверное, до смерти ее пугаю.

А разве мне этого не хочется?

О да! Хотя не следует. Она не для меня. Не мой тип.

Телефон загудел, оповещая об эсэмэске, я хватаю его и не могу сдержать стон, когда вижу, что это мама.

Я у вашего дома. Ты тут?

Дьявол! Она последний человек, с кем я хочу говорить сейчас.

Да и вообще когда-либо.

Сползая с постели, натягиваю футболку и джинсы, иду к двери, открываю и вижу ее идущей по тротуару. Выглядит издерганной.

Отлично.

– Оуэн, – она улыбается, но так неискренне. Было ли когда-нибудь иначе? – Ты только встал? Не следует спать так долго.

Ее попытки быть матерью *бесподобны*. Просто курам на смех.

– У меня скоро занятия.

Хочу, чтобы она поскорее ушла. Все кончится тем, что она попросит больше, больше и больше. Ей всегда мало.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я в ответ на ее молчание.

Мама вздрагивает и вздыхает.

– Хорошо, давай сразу к делу! Мне нужны деньги.

Еще бы! Они ей всегда нужны. Ее подработки приносят ей лишь жалкие гроши. Мне даже не верится, что она вообще работает, с ее-то послужным списком. Когда она бросила нас, то долго сидела без дела, все время проводила со своим дружком-неудачником Ларри, жила в основном у него и частенько зависала в своем любимом баре. То было четыре года назад.

И вот она здесь. Словно и не уходила. Мы лишь поменялись ролями, и теперь я тот, кто заботится о ней, что забавно, учитывая, что она-то никогда

не заботилась о нас с Фэйбл.

– Сколько?

– Двести. – Она вздрагивает, словно ей стыдно просить подаяние, но это притворство. Для нее не проблема просить деньги, ведь она думает, что я бездонный денежный мешок благодаря «Дрю-треклятому-футболисту-Каллахану». Это ее слова. Я был ошарашен, когда осознал, сколько в ней яда и желчи.

Да, мама и Фэйбл *не совсем ладят*. Ну ладно-ладно, они *совсем не ладят*! Даже не разговаривают. Дрю никогда не встречался с мамой, а мама никогда не видела внучку, хотя знает о ней.

Вообразите себе любую возможную проблему – и вы найдете ее в моей семье.

– У меня столько нет, – говорю я.

Ее потускневшие зеленые глаза удивленно распахиваются. Я смотрю на ее секущиеся пережженные краской волосы и не могу не признать, что выглядит она убого. Фэйбл бы с ума сошла, если бы узнала, что я разговариваю с ней и, более того, снабжаю ее деньгами вот уже несколько месяцев.

– Как это нет? Муж твоей сестры – треклятый игрок НФЛ! У него полно денег!

Я поджимаю губы. Ну, приехали! Она прекрасно знает, что Фэйбл не в курсе нашего общения.

– Дрю не дает мне денег.

– Он снял для тебя дом, купил новенькую машину, оплатил учебу…

– Я получил стипендию. А этот дом – настоящая нора, но я не позволю Дрю платить за дорогое жилье, которое мне не нужно. А машина – подарок на восемнадцатилетие. – Я скрещиваю руки на груди. Меня бесит, что я вынужден оправдываться. Ей нужны не мы с Фэйбл, а наши деньги.

– Но мне очень нужно, – скулит она. – У тебя правда нет двух сотен?

– До зарплаты нет, – говорю я, и это правда. Я обеспечиваю себя как могу. Дополнительные расходы покрываются деньгами, заработанными в ресторане, а вовсе не банковским чеком Дрю. Я сам должен встать на ноги.

– И когда же она?

– В пятницу.

Она уставилась на бордюр и пинает его своими потрепанными кедами, видавшими лучшие дни. Их пора было выбросить на помойку еще лет пять назад.

– Завтра? Могу я зайти за деньгами завтра?

– Да, – резко отвечаю я. – И захвати немного пива, ладно?

– На что я его куплю, если у меня нет денег?

Она смотрит на меня. Тусклые глаза полны гнева, а тонкие губы сжаты в тугую линию. Она самый несчастный человек, которого я когда-либо встречал. И самый жалкий. Эгоистичная и глупая женщина, постоянно делающая наихудший выбор из возможных.

Черт возьми! Боюсь, меня ждет то же самое. Мой выбор ужасен. Я все прекрасно понимаю, но не могу остановиться.

Яблочко от яблоньки…

– Приходи завтра днем, я дам тебе чуть больше, чтобы хватило на пиво, – говорю я. Так у меня не будет соблазна пойти в бар. Останусь дома и выпью несколько банок с Уэйдом и Дезом. Возможно, позвоню по одному из сохраненных в телефоне номерочков. И так, чуть захмелевший, часок-другой полежу с девушкой, затем шлепну ее по заднице и выставлю за дверь.

Черт. Ну и свинья же я.

– Взамен на косячок, – она снова смотрит на меня.

Дез – мой поставщик этой дряни. Он притащит мне целый мешок, если я попрошу.

– Ладно, – я слегка поморщился. – Раз ты так хочешь.

– Покурим вместе? Поговорим, как раньше? – В ее голосе звучит надежда, и мне хочется поддаться ее идее вернуться к прежним временам, когда мы вдвоем курили травку и ловили кайф.

Мы делали так пару раз, когда мне было тринадцать, еще до того, как она нас бросила. Это наш маленький секрет. Разумеется, Фэйбл не знает.

Она бы просто умерла. А хуже того, захотела бы прибить маму.

– Может быть, – я пожимаю плечами, и ее глаза тускнеют еще сильнее, если это вообще возможно. – Мне пора на занятия.

– Занятия?! – она усмехается. – Повеселись там!

– Обязательно. – Я еще долго стою на пороге и смотрю ей вслед.

Как все запуталось. Терпеть не могу секреты. Эта тайна уничтожает меня изнутри. Хочется рассказать Фэйбл, но она придет в ярость. Если доверюсь Дрю, он скажет ей. Ему придется, ведь она его жена. Он так предан Фэйбл, что не раздумывая умрет за нее, если потребуется, и, конечно, сделает все, чтобы защитить их отношения.

Я просто не могу так с ним поступить. Нельзя заставлять его хранить *мою* тайну. Это слишком жестоко.

Поэтому я держу все в себе. Как ядовитый сорняк, эта тайна прорастает во мне, укрепляясь своими длинными цепкими усиками, порабощая мои руки, ноги, внутренности и крепко сдавливая сердце и мозг.

Пока этот секрет во мне, я ни о чем другом не могу думать.

Мне просто необходимо отвлечься! И поскорее.

Челси

Я оделась для него. Самой не верится, но я тщательно перебрала весь свой гардероб. Просмотрела каждую вещь, вслух комментируя все, что о ней думаю. Стесняться нечего, ведь я, как обычно, одна, и никто не спросит, чем это я занята.

Старое. Некрасивое. Дешевое. Цветастое. Старомодное. Этот наряд меня полнит, в этом я выгляжу болезненно, а в том и вовсе как шлюха.

Последнее, что я достаю, – блузка, достойная гардероба проститутки. Я надевала ее на свой восемнадцатый день рождения. Это была идея Кэри. Я повелась на ее уговоры, поскольку полагала, что могу позволить себе легкомысленные покупки, но менее чем через месяц нас накрыл финансовый кризис.

Черная блузка с закрытой шеей, вырезом на груди, приоткрытыми плечами и полностью оголенной спиной. Я была в ней той ночью в ресторане, куда Кэри привела меня и нескольких своих друзей. Я чувствовала себя такой смелой и взрослой. Мы долго ели, потом пошли к кому-то домой и напились там дешевого алкоголя. Там-то я и поцеловалась второй раз в жизни. Классические «обнимашки» с парнем, чей язык был не так отвратителен, как у Коди, но который тоже едва знал, как им пользоваться.

По крайней мере, не думаю, что у него все вышло как надо. Хотя мне почти не с чем сравнивать.

Боже. Я такое ничтожество, что мне даже жаль себя.

Я засунула блузку подальше в шкаф и продолжила поиски. Нельзя выглядеть нарочито нарядно и заявиться на занятия в колледж в таком виде. Да ладно, серьезно? М-да, нужно обновить свой гардероб; сейчас он состоит в основном из футболок. Скукота.

Останавливаюсь на симпатичной бледно-желтой футболке, которую выщепила на распродаже прошлым летом, сверху набросила любимый черный кардиган, плюс удобные выцветшие джинсы. Как завершение купленные в супермаркете серые кеды, так что они *не фирменные*, но очень на них похожи. Весь день была как на иголках, томясь ожиданием.

Если бы он только узнал, то точно посмеялся бы надо мной.

Мое первое индивидуальное занятие сегодня превратилось в кошмар. Я витаю где-то в облаках, и мой ученик, старшекурсник Уес, у которого

накопились проблемы с английским аж с первого курса, конечно, заметил это. Поэтому возится, отвечает невпопад, тянет время, невнимательно слушает, пока я наконец не заканчиваю занятие на десять минут раньше.

Большая ошибка. Теперь мне ждать Оуэна Макгваера двадцать пять минут вместо пятнадцати. А учитывая, как поздно он явился вчера, ожидание, вероятно, затянется.

Почувствовав, как говорят первокурсники, потребность вздремнуть, я сложила руки на столе и, закрыв глаза, опустила на них голову. Прошлой ночью поспать не удалось, поэтому я очень устала. Сомневаюсь, что смогу сейчас заснуть, я редко сплю днем, ну а что еще прикажете делать? Ходить туда-сюда по комнате? Ждать у дверей, пока он наконец не появится?

Сущая пытка.

И я отпускаю разум в свободное плавание. Думаю о маме и о том, как она хочет, чтобы я вернулась домой. Она скучает по мне. Я единственный ребенок, и без меня она очень одинока. Друзья ее не навещают, ведь она живет в Конкорде, а папа сидит в тюрьме. У нее никого нет. Она постоянно повторяет это, когда мы разговариваем, ведь я – ее единственный источник общения.

Но я не могу приезжать каждый раз, когда ей хочется меня увидеть, мне нужно скопить деньги ко Дню благодарения. Будет неделя выходных, и тогда имеет смысл поехать к ней. А ей это почему-то не кажется очевидным.

Но как же получить неделю отпуска в закусочной? Индивидуальных занятий на каникулах не будет, но работу в кафе никто не отменял. Я еще не осмелилась заговорить с начальником о выходных, что весьма глупо, ведь надо позаботиться об этом заранее. И вообще давно пора уже стать смелее…

Нужно перестать думать о мальчиках с красивыми зелеными глазами, которые считают меня посмешищем. В кафе я заметила искры веселья в его взгляде. Наверное, он с друзьями смеялся надо мной, когда они ушли. Возможно, они спросили, кто я, и он честно ответил: *никто*.

Никто.

Я всегда была никем.

Почему я не могу быть кому-то нужной? Это не более чем жалкий самообман, будто я могу быть фригидной, или гомосексуальной, или еще какой невидалью. На самом деле мне хочется нравиться парню с мягкой кошачьей походкой и яркими зелеными глазами. Хочется, чтобы он шептал мне на ухо нежные, вызывающие сладкую дрожь слова. Хочется его прикосновений. Хочу узнать, каково это – быть любимой. Хотя бы раз…

– Привет.

Это он! Я узнаю его даже по одному коротенькому слову. Ну вот, он уже пробрался в мои сны. От его низкого урчащего голоса по телу бегут мурашки. Я тихонько вздыхаю. Вздох переходит в едва слышное хныканье, когда он касается моей головы и ласково треплет волосы.

– Проснись, соня. – Я слышу веселые нотки в его голосе и понимаю, что это не сон.

Голос вполне реальный. Пальцы на моих волосах… реальны.

Господи!

Резко поднимаю голову и вижу его прямо перед собой. Он смотрит на меня с улыбкой, все еще не отнимая руку от моей головы. Могла ли я такое представить?

– Ч-что ты здесь делаешь?

– Мы же должны были с тобой встретиться, помнишь? – Он смотрит на меня как на сумасшедшую.

И его можно понять.

– Который час? – Я убираю волосы с лица. Спросонья взгляд еще затуманен, а голова словно свинцом налита.

– Восемнадцать пятнадцать. На этот раз я пришел вовремя. – Он садится на краешек стола, и его улыбка становится еще шире. – Надеялся, ты оценишь.

Он не опоздал, чтобы *угодить* мне. И знаете что? Я более чем довольна. Как меня, однако, легко завоевать.

– Я заснула.

– Очевидно.

Я потираю лоб.

– Обычно я так не делаю.

– А может, напротив, стоит спать почаще? Думаю, ты крепко спала.

От его слов я почувствовала, как меня накрывает волна беспокойства.

– Почему?

– Ну, на твоей щеке вмятинки. – Он протягивает руку и чуть поглаживает их; кончики пальцев нежно касаются кожи, отчего меня охватывает дрожь.

Не верится, что он дотронулся до меня.

Он убирает руку и садится на стул рядом с моим, словно тут и есть его место. То есть не напротив, как это делают другие ученики, а именно рядом. Он так близко, что я ощущаю его опьяняющий запах. Он пахнет дымом и специями, свежим воздухом и хрустящими яблоками. Он пахнет осенью.

Это мое любимое время года.

– Так у тебя есть задания?

Его вопрос возвращает меня к действительности. Я вытаскиваю папку с надписью «*Оуэн Макгваер*» из стопки, возвышающейся рядом со мной, открываю ее и протягиваю ему заранее подготовленный список. Это перечень не выполненных им заданий, а также тех, что он успешно сдал, хотя их не много.

– Вот, пожалуйста.

Насупившись и поджав губы, он сосредоточенно изучает список, в то время как я открыто рассматриваю его. Вполне могу себе это позволить, ведь я его репетитор. Мне нужно следить и за ним, и за происходящим, не так ли?

– Могу я пересдать тесты? – Его бархатный голос словно обволакивает меня теплом, я киваю, глядя в его чарующие глаза.

– Да.

Он смотрит на меня в ожидании, что я скажу что-нибудь еще, и я понимаю, что чувствую намного больше, чем могу выразить словами.

– Вот тут задания, предшествующие трем тестам, которые ты пропустил. Их все нужно выполнить. – Чуть наклонившись, указываю ему на четыре пропуска перед первым тестом. – Как только закрываешь их, сможешь сдать тест.

– Как насчет этих? – Он постукивает указательным пальцем по пропускам чуть ниже первого теста. Его палец так близко к моему, что почти касается его.

Я задерживаю дыхание, считая до пяти, чтобы успокоиться. Внутри меня все трепещет, оттого что наши пальцы так близко друг к другу.

– То же самое. Отрабатываешь задолженность, затем сдаешь тест. – Звучит очень по-девчачьи, словно я пытаюсь флиртовать, хотя это не так.

Просто не могу вести себя иначе в присутствии Оуэна Макгваера.

– Хм. – Он поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Прядь волос упала ему на лоб, мне хочется убрать ее, ощутить ее мягкость. Почему он так смотрит на меня? В его взгляде нет ни насмешки, ни издевательства, ни гнева. Он смотрит на меня так, будто я… нравлюсь ему.

Ты определенно лишилась рассудка!

– Поможешь мне?

– Это ведь моя работа, – киваю я.

– Будем заниматься дважды в неделю? Скажем, в понедельник и среду?

Снова киваю.

– Да. – Откашливаюсь и выпрямляюсь. – Да, будем.

Он улыбается. Мне нравится его улыбка. Зубы такие ровные, а губы – чистый мед.

– Тогда договорились, Челси. До понедельника.

До того как я успеваю попрощаться, он встает со стула и поспешно выходит из комнаты. И мне кажется, что его вообще тут не было.

Кажется.

Глава 4

«Найди свет в других людях и относись к ним так, словно это единственное, что видишь».

– Д-р Уэйн Даейер[6]

Понедельник № 1

Оуэн

Выходные, казалось, никогда не закончатся. В пятницу, как только перечислили зарплату на счет, я сгонял в банк и снял наличные, а затем встретился с мамой. Она жадно вцепилась в деньги, широко раскрыв глаза и скривив губы в подобии улыбки.

Позже она принесла пару упаковок пива, и мы раскурили с ней косячок, хотя я сделал всего одну затяжку. Мне не нравится, что мы делаем это вместе. Я сыт этим по горло. Курю с ней, только когда мы совсем одни, чтобы не испытывать чувство вины и не ловить на себе удивленные взгляды приятелей. Уэйд знает про мои непростые отношения с матерью, а Дез – нет. Он думает, моя жизнь легка и прекрасна.

Раздраженный тем хаосом, в который превратилась моя жизнь *с легкой руки* моей мамочки, я вскоре спровадил ее. Она ушла без малейшего протеста, пребывая под кайфом, который только усиливался от мысли о полном кармане хрустящих купюр.

Мысленно я поспорил сам с собой, что она вернется через неделю за новой порцией денег.

В выходные, когда была не моя смена в ресторане, мы шатались без дела с Уэйдом и Дезом, а учитывая, что босс сократил мои рабочие часы по просьбе владельца, я вообще рад, что сохранил работу. Мы пили пиво, смотрели глупые фильмы и болтали о всякой ерунде. Все как обычно. Хотелось забыть о проблемах. Мне не давало покоя, что я пропускаю игру в эти выходные, но я старался об этом не думать. Все же я здорово разозлился, когда Уэйд ушел на стадион без меня.

Чтобы как-то развлечься в пятницу вечером, мы с Уэйдом пригласили пару девиц. Но мне быстро расхотелось с ними общаться. Я даже не помню их имен, хотя одна из них сидела у меня коленях, ерошила мне волосы и шептала, как сильно она меня хочет. Я не сопротивлялся, но и не поощрял ее попытки соблазнить меня, делая вид, что увлечен тупым фильмом, который мы смотрели. Вскоре она оставила меня и пересела на колени к Уэйду.

Готов поспорить, что он-то ее не продинамил.

В субботу вечером я работал. Толпа посетителей рвала меня на лоскутья, не давая сосредоточиться на своих проблемах, что было мне только на руку. Моя смена длится до одиннадцати, но было так много дел в ресторане, что я задержался, чтобы помочь. Чаевые оказались приличными,

так что я спрятал часть наличных в своем тайнике в шкафчике, в кармане старой куртки. Как-то Фэйбл научила меня этому трюку.

Надеюсь, что так смогу выкроить для себя хоть что-то и не отдать все маме.

По ночам я подолгу не мог заснуть, думая о своей репетиторше. Челси. Вспоминал, как нашел ее, спящую на парте. Чуть приоткрытые розовые губы, ровное тихое дыхание… Она выглядела как темноволосый ангел. Она была само умиротворение. Я залюбовался ею. Просто стоял и смотрел, словно переживая нечто, частью чего не являлся.

А когда я коснулся ее… Даже не знаю, что на меня нашло. Ее темно-русые волосы выглядели как шелк, и мне хотелось узнать, так ли это.

Так.

Когда она пошевелилась, я отдернул руку как от огня. Не хотел, чтобы она знала, что я ее трогал. Вероятно, она разозлится. Не думаю, что нравлюсь ей.

Скорее, наоборот. Я только доставляю ей неудобство: веду себя как придурок и при этом тащусь от этого. В прошлый четверг я намеренно провоцировал ее. Хотел посмотреть на ее реакцию, увидеть, как порозовеют щеки, опустятся ресницы, пряча невероятно синие глаза. У нее густые темные ресницы и россыпь веснушек, как я и думал.

Вот уж не знал, что мне нравятся веснушки, но, видимо, они меня заводят.

Ты и саму девушку не знаешь. Какое тебе до нее дело?

А когда для меня было важно *знать* девушку?

В воскресенье я отдыхал. Сперва выспался, затем валялся в постели, пока наконец Уэйд не спросил, не хочу ли я заказать пиццу на ужин. Я согласился и, чтобы как-то скрасить ожидание, достал задания, которые дала Челси. Не так уж сложно будет наверстать пропущенное, надо лишь поднапрячься. Ответить на вопросы о прочтенных книгах, которые я в глаза не видел, а также вопросы, требующие собственного мнения по теме. Что ж, с этим я вполне могу справиться. Я уже купил по дешевке одну из нужных книг и загрузил в телефон.

Уничтожив добрую половину пиццы, я немного позанимался и увидел плоды своих трудов, только когда смог закончить два из них. Я подумал, что это понравится Челси; и решил сделать еще одно задание, быстро просмотрев другую книгу из списка, которую я в итоге обнаружил под кроватью.

В переполненном коридоре проталкиваюсь сквозь толпу студентов, торопясь добраться до аудитории, где меня ждет Челси. На мне джинсы,

новенькая черная футболка (я купил сразу целую упаковку) и поверх нее одна из старых, но любимых фланелевых рубашек, потому как на улице чертовски холодно. Небо мрачное и серое; наверное, будет дождь. Мне интересно, сколько еще осталось погожих дней до конца лета.

Наконец я добрался до кабинета и увидел, что дверь закрыта. Чем ближе я подходил, тем сильнее волновался. Что со мной происходит? Почему я с таким нетерпением жду встречи? Она ничего из себя не представляет. Она никто. Она даже не привлекательна.

Лжец!

Ладно. Она милая, но не более. Не понимаю, что со мной творится.

Надавливаю на ручку, открываю дверь и захожу внутрь. Она сидит за столом, уткнувшись носом в мобильник. Наверняка переписывается с кем-то. Интересно, с кем?

С друзьями, с семьей, с парнем?

Мне неприятна мысль, что у нее может быть парень. Я даже представить себе такое не могу. Согласен, звучит грубо, но она выглядит такой неприступной, что другой мысли не остается. Такие девчонки меня обычно не интересуют. *Хочешь, чтобы я не прикасался к тебе, а только смотрел? Нет проблем.*

Но почему-то мне хочется прикоснуться к Челси всякий раз, как я ее вижу.

Ладно, держи себя в руках, парень!

– Эй. – Мягкий голос прерывает мои мысли, я поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядом. Она улыбается мне. Ее улыбка сражает наповал, но я стараюсь держаться. – Ты пришел.

Кивнув в ответ на ее приветствие, я сажусь на стул напротив нее, а не рядом, как в прошлый раз. Тогда я хотел подразнить ее, и это сработало. Сегодня нам нужно вести себя как положено: она – репетитор, я – ученик.

– Я выполнил несколько заданий, – говорю я, копаясь в рюкзаке в поиске листков с упражнениями, которые сделал вчера вечером.

– Вот, держи. – Протягиваю их ей.

Лицо Челси светится радостью. Наши пальцы касаются друг друга, когда она забирает у меня листки. Пробежав взглядом каждую страницу, она хвалит меня.

– Ты ходил на занятия? – спрашивает она, закончив чтение.

Я утвердительно кивнул. Было нелегко, ведь я сильно отстал, и теперь трудно работать наравне со всеми, но я старался как мог.

– Еще я ходил на занятие по творческому письму.

– Это как раз то, над чем мне бы хотелось с тобой поработать.

Слышала, у тебя скрытый талант, – говорит она, убирая телефон в рюкзак, и открывает мой учебный план.

– У меня много разных талантов.

Она нахмурилась, я же удивленно вскинул брови, с видом самодовольного болвана.

Она закатывает глаза.

– Не сомневаюсь, – с сарказмом отвечает она, слегка покраснев от моей грубой шутки. *Милота.* Другие девушки повелись бы на флирт или стали бы задирать меня.

– Итак, что мне нужно для занятий по творческому письму? – Думаю, что смогу во всем разобраться. Чем быстрее я исправлю оценки, тем быстрее избавлюсь от нее и продолжу жить своей жизнью.

– Начни с более коротких заданий. Они несложные, и ты с ними быстро справишься. – Она протягивает мне лист с заданиями и требованиями к ним. Я беру его и перед началом работы бегло просматриваю.

Отлично. Мне нужно подготовить портфолио письменных работ за весь семестр. Учитывая, что я отстаю от плана уже на шесть недель, придется многое наверстать, иначе мне никогда не вернуться в футбольную команду.

Проклятье!

– Могу я спросить?

От удивления она чуть приоткрыла рот.

– Хм, конечно.

– Ты действительно думаешь, что я быстро смогу наверстать упущенное и отыграть оставшуюся часть сезона, вернувшись в команду? – С замиранием сердца жду ее ответа.

Избегая смотреть мне прямо в глаза, Челси закусывает нижнюю губу.

– Я… не знаю. У тебя так много долгов.

– Поможешь мне? – Мне противно слышать, с какой надеждой и мольбой звучит мой голос. Не стану клянчить. Не получится – брошу все. Но я не могу пустить все на самотек. Учеба, футбол, уважение сестры… Мне это нужно. Я этого хочу.

– Уже *помогаю*. – Я вижу ее теплую улыбку, искорки в глазах, слышу мягкий голос… Завораживающее зрелище.

– Да, это так, но можешь помочь еще больше? С портфолио и прочим? Можем мы заниматься чаще, чем дважды в неделю?

Она моргает, глядя на меня, словно я обезумел, предложив подобное.

– Не знаю…

– Я заплачу, – прерываю я.

– Конечно, заплатишь, – парирует она, вызывая у меня улыбку. Хм, мой репетитор слегка задирист. Замечательно. Я надеялся, что у нее есть характер. – Просто у меня довольно плотный график.

– Занимаешься с учениками круглосуточно, да? – Я откидываюсь на спинку стула; интересно, чем же она так занята.

– Да нет. Не совсем.

– Большая загруженность по учебе? – продолжаю допытываться я.

– Именно, – она кивает.

– В твоем календаре больше событий, чем дней? – И где я только беру эти тупые идеи?! – Погоди, знаю! Ты член женского клуба! Я угадал?

Она смеется, наморщив нос.

– С календарем у меня все в порядке, и я точно не состою в женском сообществе.

– Ну тогда все дело в ревнивом парне, неустанно следящем за тобой? – Что ж, я выбросил свой козырь, потому как мне нужно это услышать: есть ли у нее кто-то. Может, временно? Хотел бы я знать. Хотя сам не знаю, зачем, ведь у меня нет на нее планов; просто любопытно.

Она опускает голову, внимательно изучая мои файлы, хотя в них нет ничего интересного, но мне все равно видно, что она покраснела.

– Нет. Парня нет.

Ура! Именно это я и хотел услышать. Я веду себя просто нелепо! Мне же все равно.

– А как насчет тебя? – спрашивает она. – Девушка есть? – На последнем слове ее голос дрогнул. Я смотрю на нее, желая увидеть ее глаза, но она не поднимает головы.

– Нет. Девушки нет, – отвечаю ей в тон. Она поднимает на меня глаза, и я тут же теряюсь в ее взгляде. Как глупо. – Почему вдруг спрашиваешь? Надеешься воспользоваться шансом? – Ухмыляюсь как полный кретин, потому что не могу удержаться.

Она поморщилась.

– Ну а то!

М-да. Бьюсь об заклад, она смотрит на меня как на клоуна, хотя отчасти так и есть. Ей, наверное, нравятся тощие очкастые ботаники, которые учатся дни напролет и даже не помышляют о сексе. Уж с ними-то она в полной безопасности.

Со мной она в такой безопасности не будет, ведь каждый раз, когда я смотрю на нее, не могу отделаться от мысли, как же она выглядит без одежды.

Черт возьми, Макгваер, остынь! Девчонка не в твоем вкусе.

– У меня есть другая работа, плюс я взяла шестнадцать учебных курсов в этом семестре, да и учеников у меня сейчас больше, чем когда-либо, – поясняет она. – Так что довольно трудно найти время для дополнительных занятий. Уверена, ты тоже очень занят.

Был занят. Но не сейчас, когда мне сократили рабочие часы и временно отстранили от тренировок.

– Уже не так, как на прошлой неделе. Послушай. – Наклонившись вперед, я положил руки на стол, чтобы оказаться поближе к ней и звучать убедительней. – Мне нужно интенсивней заниматься, чтобы вернуться в команду. Я…

– Зачем?

Я откидываюсь назад.

– В смысле?

– Зачем тебе возвращаться в команду?

Потому что я хочу вернуть расположение сестры. Не хочу, чтобы она тревожилась обо мне. И, наверное, если свободного времени совсем не останется, мама наконец сдастся и перестанет преследовать меня. Хотя едва ли это возможно. Моя самая заветная мечта сейчас – чтобы она перестала клянчить у меня деньги.

– Я им нужен.

Она внимательно смотрит на меня, я едва сдерживаюсь, чтобы не отвести взгляд. Я почти уверен, что она мне не верит. Да и какая разница?

– Тогда напиши об этом.

– В смысле? – повторяю свой предыдущий вопрос как попугай.

– Напиши о том, как сильно нужен команде. Это будет первая часть твоего портфолио. – Челси улыбается, явно довольная собой. – И всегда пожалуйста.

Челси

Он *потрясно* выглядит. Сидит так близко и задает каверзные вопросы, а-ля есть ли у меня парень. В том смысле, что мне неловко об этом говорить. Зачем ему это? Но раз он начал эту тему, я должна ее поддержать, поэтому я задала ему встречный вопрос, якобы желая узнать, насколько он занят.

И вот, пожалуйста! Теперь мне до смерти интересно, есть ли у него постоянные отношения, поскольку он весьма привлекателен, чтобы не иметь девушки. Хотя по части мозгов у него недобор.

Ну ладно-ладно, это не так. Я просмотрела его академическую успеваемость. Столько раз, что уже, наверное, выучила наизусть. Он способный, но неусидчивый. Что-то постоянно отвлекает его, то ли футбол, то ли что-то еще, но он почти не посещал занятия. Пару минут назад он достал из рюкзака свой ноутбук и теперь увлеченно барабанит по клавиатуре. Это была удачная идея – предложить тему для эссе. Он пошел в наступление, пытаясь убедить меня заниматься с ним почаще, хотя ему всего лишь надо просто сосредоточиться и хорошенько поработать.

– Тебе не следует пропускать занятия, – неожиданно говорю я, заставляя его посмотреть на меня поверх ноутбука. – Это напрямую связано с твоей успеваемостью. Чем больше пропусков, тем хуже оценки.

– Мало просто посещать занятия, чтобы улучшить оценки и тем самым вернуться в команду, и ты это знаешь, – говорит он с досадой в голосе. – Однако спасибо за совет.

– Хорошо, – киваю я, вдруг почувствовав себя глупо. Такого раньше со мной не случалось, я же вроде как умная. Напротив, это я часто заставляю людей чувствовать себя глупыми рядом со мной. А вообще меня недолюбливают, считая чем-то вроде ошибки природы со слишком большим мозгом и с прохиндеем отцом.

Тяжело вздохнув, я отбрасываю мысли об отце и закрываю файл Оуэна, вытаскиваю из рюкзака учебник и со стуком кидаю его на стол.

Оуэн даже не отрывает глаз от экрана ноутбука, пальцы ритмично стучат по клавишам; я рада, что он так поглощен работой. Его всего лишь нужно подтолкнуть в нужном направлении, а там он сам осознает, что ему пора вернуться на путь истинный, пока он все не разрушил.

Он справится. Знаю, он может.

Я открываю учебник и погружаюсь в чтение. Мне неловко, что он все

делает сам. Но чем я могу ему сейчас помочь? Все, что ему нужно, – это выполнять задания, а мне – просто подождать, пока он закончит писать. Поэтому, коротая время, я могу делать свои уроки. Точнее, либо заниматься самой, либо без стеснения смотреть, как занимается он.

Я залюбовалась, глядя на него. Он так очарователен, что просто дух захватывает. Он сосредоточен на работе: брови нахмурены, губы поджаты, красивые зеленые глаза прищурены, когда он смотрит на экран, пальцы бегают по клавиатуре впечатляюще быстро. И тут он поднимает глаза, заметив, что я рассматриваю его. Он замер, а я торопливо опускаю взгляд в книгу, хотя не могу теперь разобрать ни строчки, сердце колотится как сумасшедшее.

Некоторое время стука по клавишам не слышно, и я понимаю, что он все еще смотрит на меня. Кажется, что кожа словно пылает огнем от давящей тяжести его взгляда. Нервно поерзав на стуле, я кладу локоть на стол, подпирая щеку кулаком и скрывая лицо от его глаз.

– Должно быть, действительно интересно… – говорит он, чуть растягивая слова. – то, что ты читаешь.

Спрятаться некуда, я как на ладони.

– Угу, просто не оторваться, – бормочу я, хотя понятия не имею, о чем читаю; взгляд затуманен так, что слов не разглядеть. Все, о чем я могу думать, – это Оуэн. И сейчас он наблюдает за мной и дразнит меня, а запах одеколона, мыла, шампуня и всего того, чем он пользуется, только обостряет чувства. При каждом новом вздохе этот пряный осенний запах все сильнее сводит меня с ума.

– О чем книга?

Я по-прежнему не смотрю на него.

– Ты бы лучше о своей книге подумал.

– Извини. – Теперь он раздражен. *Отлично*. – Просто пытался поддержать беседу.

– Разве тебе не хочется поскорее разделаться с долгами и вернуться в команду? – Наконец я опускаю руку и смотрю на него. Смотрю и вижу, что мои слова подействовали на него.

Ему не стоит тратить время на подтрунивание надо мной, он должен использовать его себе во благо.

– Ты права. – Тяжело вздохнув, он снова начинает печатать, пальцы выстукивают ровный ритм. – Не дай мне сбиться с пути, Челси. Направляй меня в течение нескольких следующих недель или месяцев. *Ты мне нужна*.

Эти слова затронули чувствительную струну в моей душе, не замолкающую потом до конца занятия. По дороге в свою крошечную

квартирку, которую я делю с Кэри, я чувствую, как они пульсируют в крови в такт шагам. Надеюсь, ее нет дома, потому что мне хочется побыть одной, в тишине и покое, наслаждаясь *его* словами.

Ты мне нужна.

Похоже, я сошла с ума. Парни для меня ничего не значат. От них одно зло. Взять хотя бы моего отца. Он только и делал, что заставлял маму страдать. От мысли, что она продолжает поддерживать его и остается его законной женой, несмотря на всю причиненную ей боль, мне хочется что-нибудь разбить.

Желательно о голову отца.

Я вовсе не драматизирую. Так уж я воспринимаю действительность. У всего есть причина и следствие. Нет никаких оснований для подобной реакции на Оуэна. Я почти ничего о нем не знаю, а то, что знаю, меня нисколько не впечатляет.

Но я хочу его. Хочу любоваться им, узнать его получше. Хочу, чтобы он прикоснулся ко мне. Хочу поцеловать его и узнать, такие ли у него мягкие губы на ощупь, как кажутся с виду. Хочу, чтобы он обнял меня и прижал к себе. Хочу…

Телефон начинает трезвонить, как только я подхожу к входной двери. Вытащив его из кармана, смотрю, кто звонит, и отвечаю.

– Ты дома?

– Нет, а скоро не будет и тебя. Я еду, чтобы забрать тебя, – весело говорит Кэри; по ее голосу я догадываюсь, что она готова к неприятностям.

– Что происходит? – спрашиваю я, отпирая дверь и входя в квартиру. Тут темно и тихо, идеальное место, чтобы наслаждаться воспоминаниями о встрече с Оуэном.

Кэри полностью рушит мои планы. А ее даже нет дома.

– Нас пригласили выпить. Я познакомилась с двумя милыми парнями в библиотеке, и они предложили встретиться сегодня вечером.

– Кэри, мне не продадут алкоголь, я же еще не совершеннолетняя. – Чувствую, как волна тревоги накрывает меня. Если они предлагают выпить, то, очевидно, они старше нас и, вероятно, уже через минуту общения со мной удерут с дикими воплями. Кэри легка на подъем и любит кокетничать, чего совсем не скажешь обо мне.

– Кто они?

– Не знаю, но они красавчики. Шикарные ребята! Они из братства. – Чувствуя мои сомнения и заранее зная, что я скажу «нет» или придумаю какую-нибудь отмазку, она идет в наступление. – Эй, да мы можем просто пить воду и есть закуски, Челси. Не нужно говорить им, что мы еще малы

для алкоголя. – Кэри бормочет что-то непонятное. – Нам нужны с тобой поддельные удостоверения личности, и побыстрее.

Последнее, что я хочу сделать, – это получить поддельные документы. Не хочу никаких проблем с законом.

– Куда они приглашают?

– В «Квартал». – Голос Кэри дрожит от возбуждения. А это заразно. Чувствую, как оно передается мне, несмотря на все мои опасения. – Я ни разу там не была, а ты знаешь, как сильно я хочу там побывать.

Кэри не преувеличивала. В «Квартале» тусуется весь местный бомонд. Кэри отлично туда впишется.

А я? Нет, конечно же, нет.

Я поставила рюкзак на кухонный столик и со вздохом села на диван.

– Не знаю. У меня много…

– Если скажешь, что у тебя много домашки, я побью тебя, – говорит Кэри, и я нисколько не сомневаюсь, что она на это способна. – Ты никогда никуда не ходишь. Ты состаришься и умрешь старой девой, если хотя бы разок не выйдешь в люди. Несмотря на слова твоей мамы и учитывая, что у нее есть основания так говорить, не все парни – вселенское зло. Ты поймешь, что это весело, если пообщаешься с парнем хоть раз в жизни. Пойдем, Челси. – Ее мольбы не пропали даром, я чувствую, что поддаюсь. – Пожалуйста! Ради меня. Будет весело.

Так хочется ей поверить. Я изгой с тех самых пор, как меня перевели из четвертого класса в шестой. Дети постарше попросту не замечали меня, а мои ровесники сочли меня предательницей и больше не хотели иметь со мной дела. С тех пор ничего не изменилось. Кэри единственная, кто общался со мной, даже когда мы были на разных курсах. Вот и сейчас она пытается помочь: устроить мне свидание.

– Хоть раз забудь о своей гиперответственности и просто общайся, веселись, целуйся… – Я начинаю протестовать, но она перебивает меня. – Серьезно. Нет ничего ужасного в том, чтобы познакомиться с парнем, пофлиртовать с ним, переспать, а после расстаться. Все нормально. Это называется молодость.

Проблема в том, что я не знаю, как быть молодой. Всю жизнь на мне лежит груз ответственности, если не за оценки, то за заботу о маме, потому что отец снова бросил ее.

Я словно сорокалетняя, застрявшая в теле подростка.

– Ладно, – говорю я без восторга. Да и чему тут восторгаться?! Я не хочу никуда идти, но и не хочу, чтобы Кэри на меня злилась. Я никогда не гуляю с ней, вечно либо учусь, либо работаю, либо избегаю реальной

жизни, чтобы спастись от лишних страданий. Я предпочла бы запереться в комнате и засесть за уроки, хотя особой нужды в этом нет, нежели пойти повеселиться.

Веселье… пугает меня.

– Ура! Обещаю, ты не пожалеешь. Через час я буду дома. Скажу им, что мы встретимся с ними около девяти. Мы подберем тебе что-нибудь из моего гардероба, и ты будешь выглядеть чертовски соблазнительно. Доверься мне. – Кэри болтает о макияже, прическе и о чем-то еще. Но я не слушаю. Все мои мысли об одном конкретном парне, на которого я действительно хотела бы произвести впечатление, но я для него – лишь пустое место.

Я просто некто, помогающий ему с учебой. Всего лишь безымянный, безликий мозг. Как только он получит желаемое, то тут же забудет обо мне.

Как и все остальные.

Глава 5

«Знайте, тело – всего лишь одежда. Добивайтесь владельца, а не наряда».

– Руми[7]

Челси

Зовут их Тэд и Брэд.

Хотелось бы, чтобы это было шуткой, но, увы, это так. Почему Кэри не предупредила меня? Серьезно? Тэд и Брэд? Совсем не похожи внешне, но члены одного братства. Большие крепкие парни с накачанными руками. Кажется, им даже нравится созвучность их имен, словно это некий трюк для знакомства с людьми, особенно с девушками.

Это так… глупо.

Кэри ведет себя так, словно все чудесно и эта мутная парочка – идеальная компания для нас. Мы нашли парней сидящими в общем зале «Квартала», неподалеку от бара. Кэри сразу подсела к Брэду как более симпатичному из них. Моего мнения никто не спрашивал, вот я и промолчала. У Брэда золотистые волосы, светло-голубые глаза и легкая улыбка (на мой взгляд, слишком легкая).

Мне же достался Тэд. Он был не такой «светлый», как его приятель, во всех смыслах этого слова: внешность, манера держаться, речь… Если яркий и жизнерадостный Брэд пытался всем понравиться, то Тэд был слишком серьезным, буравил всех тяжелым взглядом своих карих глаз и почти не улыбался. Даже спустя два часа «посиделок» он продолжает методично опустошать стакан за стаканом.

И чем больше пил, тем больше расслаблялся. О его «галантности» я вообще молчу. Он то и дело пытался прикоснуться ко мне: дотронуться пальцами до руки или положить ладонь мне на колени. Даже хотел ухватить меня за бедро, но я быстро оттолкнула его руку.

Мало того, что я уже вся издергалась оттого, что сижу в баре, будучи несовершеннолетней, хоть и не пью, так еще каждые пять минут вынуждена сражаться с Тэдом-Осьминогом.

Вечер начинался многообещающе. С Кэри очень весело собираться. Она подобрала мне симпатичную кремовою блузку с рукавом три четверти; передняя планка у нее из хлопка, а рукава и почти вся спина – из кружева. Надев под нее тоненькую маечку, я чувствовала себя смелой и свободной. Словно я – не я.

И мне это нравилось.

Но от моей уверенности не осталось и следа. В отличие от Кэри, которая определенно не собирается уходить, я готова сбежать в любую минуту. Она сидит в обнимку с Брэдом, тот что-то шепчет ей на ухо и

трется носом о щеку, заставляя ее хихикать. Он многократно предлагал Кэри пиво, и каждый раз она соглашалась, делая жадные глотки, чему он был страшно рад. Думаю, она уже навеселе.

Это мой козырь, чтобы вытащить нас отсюда.

– Точно не хочешь чего-нибудь покрепче? – спрашивает Тэд, глядя на меня и протягивая свой стакан. Он заказывал не пиво, а крепкие напитки, и я ни за что не стану пить из его стакана.

Я незаметно пытаюсь отодвинуться от него как можно дальше. Мы сидим на низких удобных кушетках в форме подковы. От Брэда и Кэри, сидящих напротив, нас отделяет стеклянный стол.

– Нет, спасибо, – отвечаю тихо; мне неловко отказывать ему, но при этом я дико злюсь, что притащилась сюда.

Никогда больше не поверю Кэри, если она скажет: «О, это будет весело!».

– Черт, – бормочет Тэд, делая большой глоток, и снова смотрит на меня. – Тебе нужно расслабиться.

Однако его замечание возымело обратный эффект. Я еще больше напряглась, сложив руки на коленях, как примерная ученица, коей я и являюсь.

– Думаю, ты уже много выпил, – робко говорю я.

Он усмехается.

– Господи, ты что, маленькая закомплексованная девственница?

Вздрогнув, я отворачиваюсь. Своей грубостью он почти попал в цель, да еще так громко, что это слышала половина зала. Несмотря на шум в баре, громкую музыку и непрерывный гул голосов, несколько человек обернулись в нашу сторону.

Он мне противен.

Игнорируя Тэда, я всеми силами пытаюсь привлечь внимание Кэри. Я вижу, как Брэд притянул ее к себе, обняв за шею, чтобы поцеловать. Если не предприму ничего прямо сейчас, я пропала, поэтому надо действовать быстро: я хватаю кусок льда из своего полупустого стакана и бросаю в нее.

Прямо в яблочко! Кубик льда попадает в грудь, она визжит и смотрит на меня.

– Что? – раздраженно спрашивает она.

Мне не за что ее винить. Я – пай-девочка, она – тусовщица. Я – закомплексованная девственница, она – из тех, кто позволяет едва знакомому парню лапать и целовать себя посреди переполненного людьми бара.

Долгое время нам как-то удавалось улаживать все разногласия, но

сегодня я настою на своем. Касательно этого вопроса мы с ней абсолютно несовместимы.

– Мы можем поговорить? – спрашиваю я, понижая голос. – Наедине.

Закатив глаза, она выскальзывает из объятий Брэда, шепнув ему что-то. Не глядя на Тэда, я встаю с места, и мы молча идем с Кэри в уборную.

К счастью, мы одни (просто чудо какое-то!), но я понимаю, что это ненадолго, поэтому быстро выкладываю ей, что собиралась.

– Я ухожу.

– Ни за что. – Она качает головой; гримаса раздражения искажает ее красивое лицо. У Кэри густые волнистые волосы насыщенного каштановые оттенка, карие глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения и одежды, безупречная кожа и идеальная фигура. Она настоящая красавица как внутри, так и снаружи. И она моя лучшая подруга.

Она хотела как лучше, но я ничего не могу с собой поделать. Мне нужно уйти.

– Понимаю, тебе весело и… понравился Брэд, – я понижаю голос, словно боюсь, что те двое в любой момент могут вломиться в дамскую комнату. Нелепо. – Но Тэд… он не в моем вкусе.

Кэри вздергивает брови:

– Почему это?

– Ну, во-первых, он назвал меня закомплексованной девственницей, – зеркально ей я тоже вздергиваю брови.

Кэри вздыхает, качая головой:

– Знаешь, похоже, он прав.

У меня отвисла челюсть. *Что-что?*

– Послушай меня, – она поднимает руки в примирительном жесте, словно боится, что я кинусь на нее. – Тебе действительно нужно расслабиться, Челси. Знаю, ты испытываешь некие трудности с общением в связи с тем, что ты рано окончила школу и поступила в колледж. Но Тэд прав. Ты действительно закомплексованная девственница.

Вот те раз! Не могу поверить, что Кэри говорит мне это.

– Большое спасибо, – бормочу я, скрестив руки на груди. Прямо как ножом по сердцу. Снова и снова прокручиваю в голове их слова.

Закомплексованная девственница.

Неужели я такая уж закомплексованная? Неужели все смотрят на меня и сразу думают: она *девственница*? Возможно. Но, наверное, это лучше, чем: она *ботаник*!

Понуро опустив плечи, признаю поражение. Нет, не лучше. Я достигла «вершины»: объединила в себе девственницу и заучку. Да обо мне можно

фильм снять. А еще отметить наличие папочки, который сидит в тюрьме за мошенничество. Да я просто ходячее реалити-шоу!

– Эй, – она хватает меня за плечи и крепко обнимает, прижимая к себе. Я не обнимаю ее в ответ, а просто стою в неудобной позе и жду, когда она меня отпустит. – Я не хочу обидеть тебя. За два года студенческой жизни ты ни разу не повеселилась и не выкинула чего-нибудь эдакого. Но сейчас я здесь, чтобы помочь тебе раскрепоститься. Ты заслуживаешь этого, Челси. Ты только притворяешься, что живешь, но теперь тебе и правда нужно *пожить*. Найди себе парня и развлекись с ним.

Но не с придурком по имени Тэд, который дает мне идиотские прозвища.

– С Тэдом ничего не выйдет. Я хочу домой.

Кэри отстраняется и выглядит несчастной.

– Ты не можешь оставить меня здесь одну.

Меня накрывает чувство вины. Когда-то мы с Кэри договорились, что никогда не бросим друг друга на вечеринках, в общежитии… нигде.

– Я надеялась, ты поедешь со мной домой.

Разве она не понимает, что делает? Она приехала сюда с парнем, с которым встречалась со старших классов, а затем он понял, что мир – нечто большее, чем он и Кэри, и расстался с ней. А теперь она сама спешит упасть в объятия первого встречного, который собирается просто развлечься с ней. Не понимаю.

Клянусь, порой я чувствую себя единственным разумным человеком во всем колледже.

– Ты серьезно? Еще и полночь не наступила!.. – Она разглядывает интерьер уборной, словно предпочитает смотреть на что угодно, только не на меня. – Пошли, Челси. Мне очень нравится Брэд, и похоже, что я нравлюсь ему. Я не собираюсь уходить так рано, ночь обещает быть интересной. Я хочу остаться.

Что ж, она не оставила мне выбора.

– Хорошо. *Я ухожу*. С Тэдом объяснишься сама.

Я вылетаю из уборной, не оглядываясь, даже когда слышу, что Кэри кричит мне вслед. Пробираясь через переполненный бар, двигаюсь к выходу по короткому коридору, ведущему в фойе в передней части ресторана. Справа обеденный зал, но он почти пуст, так как сегодня понедельник.

Но в студенческом городке день недели неважен, когда дело касается бара.

Он всегда полон.

Толкаю тяжелую дверь и выхожу в промозглую осеннюю ночь. Я совсем забыла о верхней одежде, и холод моментально пробирается под тоненькое кружево блузки. Дрожу всем телом, соображая, как бы вернуться домой.

Обычно мы с Кэри ходим пешком, даже на далекие расстояния. Знаю, что глупо, но вдвоем не так страшно, как одной. Но сегодня я *одна* и ни за что не решусь на пешую прогулку. Поездка на такси, конечно, ударит по карману, да и ждать его придется долго, но выбора у меня нет.

Только я достала телефон, чтобы заказать такси, как услышала, что кто-то зовет меня по имени. Оборачиваюсь и вижу Тэда.

Отлично.

– Эй. – Он подходит ко мне, я вижу беспокойство в его глазах. Может, я в нем ошиблась. – Ты в порядке?

Я натянуто улыбаюсь и лепечу что-то про то, как я устала и мне нужно домой.

– Хм, извини за то, что я сказал. Он переминается с ноги на ногу, избегая смотреть мне в глаза. – Вел себя как придурок.

– Ладно. Все в порядке. – Хочется врезать самой себе за такую наглую ложь. Конечно же, я *не в порядке*.

– Значит, уходишь?

Киваю и снова смотрю в телефон. Нужно вызвать такси, чтобы избавиться от Тэда. Теперь он ведет себя подозрительно мило, но я ему не доверяю.

Я никому не доверяю.

– Могу отвезти тебя домой, – предлагает он.

Поднимаю голову и пристально смотрю на него. Он выглядит искренним, но в его взгляде есть что-то нехорошее… что-то мрачное и опасное.

Хм, поехав с ним, мне не придется тратиться на такси, но я не хочу рисковать. Рядом с Тэдом мне не по себе. Он явно что-то задумал, это видно по его лицу.

– Спасибо за предложение, но я вынуждена отказаться.

В ответ на мою вежливую улыбку он только хмурится.

– Не хочешь поехать со мной?! Весь вечер относилась ко мне как к пустому месту, не сказала мне и десяток слов, а теперь отказываешься сесть со мной в одну машину? Да какого черта? Думаешь, ты слишком хороша для меня? – выдает мне Тэд.

Я в шоке. Слишком хороша для него? О чем он говорит?

– Не хотела тебя оскорбить…

– Поздно, – перебивает он, хватая меня за руку так сильно, что я вскрикиваю. – Но ты можешь все исправить, если позволишь отвезти тебя домой.

Ни за что! Не хочу, чтобы придурок знал, где я живу.

– Пусти меня, – говорю я, пытаясь вырваться, но он держит меня так крепко, что, боюсь, останутся синяки.

– Да ладно, Челси. Расслабься! Хватит уже строить из себя недотрогу. – Такой Тэд пугает меня даже больше, нежели тот, каким он был в баре. – Давай повеселимся.

Не о *таком* веселье мы договаривались с Кэри.

– Тэд, пожалуйста…

– Отпусти ее.

Знакомый бархатный голос звучит позади меня, я поворачиваюсь и с удивлением обнаруживаю Оуэна Макгваера, угрожающе смотрящего на Тэда. Пьянящее чувство облегчения накрывает меня теплой волной, потому что Тэд ослабляет свою мертвую хватку. Я чуть было не потеряла равновесие, когда он отпустил мою руку.

– Мне не нужны неприятности, – говорит Тэд, подняв руки в примирительном жесте и не сводя с Оуэна глаз.

– Проваливай, и у тебя их не будет, – прорычал Оуэн, приближаясь к нам и продолжая буравить Тэда тяжелым взглядом.

Ого. Никто никогда не бросался так рьяно на мою защиту. Оуэн просто воплощение угрозы: тело напряжено, кулаки крепко сжаты, губы стянуты в тугую нить, ледяной взгляд из-под нахмуренных бровей не сулит ничего хорошего. Тэд поворачивается и проворно уходит, к моей великой радости.

С облегчением вздохнув, я поднимаю глаза и понимаю, что Оуэн смотрит прямо на меня.

– Спасибо, – прошептала я, злясь на себя, потому что это прозвучало, словно я какая-то глупышка.

Впрочем, так и есть. Но едва ли я в этом признаюсь.

– Что ты здесь делала с этим парнем? – спрашивает он сердито. Это так возбуждает.

Ярко-зеленые глаза гипнотизируют, а когда он полностью разворачивается ко мне, его широкие плечи закрывают собой весь обзор. Боже, он такой высокий! Я откидываю голову назад, пытаясь подавить волну желания, возникающую, когда он рядом. Мой мозг отказывается работать всякий раз, когда я с ним.

– Э-э-э, он со своим приятелем пригласил меня и мою подругу выпить, – объясняю я и вижу, как его глаза округляются от удивления.

– Разве ты совершеннолетняя? – недоверчиво спрашивает он.

– А *ты*? – Я отклоняюсь назад. Боже, да он нервничает. Что же происходит?

– Я *работаю* здесь, а не пытаюсь незаконно проникнуть внутрь, чтобы выпить. – Он говорит с осуждением, но я вижу, что он взволнован. Держу пари, он не раз проделывал то же самое, хотя, очевидно, не здесь, раз, как он утверждает, он тут работает.

– И где же подруга?

– Внутри, – я машу рукой в сторону двери.

– Она не пошла с тобой? – он качает головой. – Странная подруга.

– Эй, полегче! Кэри – моя лучшая подруга. – Точнее, единственная.

– Да брось! Я думал, лучшие подруги заботятся друг о друге.

Этими словами он задел меня за живое.

– Сейчас в этом нет необходимости. – Резко выдохнув, я вскидываю голову. Может быть, мой отец и потерял все наши деньги, а затем бросил нас и угодил в тюрьму, но я все еще могу изображать из себя надменную богатую девицу, когда очень нужно.

Мне вспомнились слова Тэда. Не веду ли я себя так, словно слишком хороша для Оуэна? Я как будто защищаюсь от него. Почему он сильно волнует меня? Такой расклад меня просто бесит. Ни один парень никогда не имел надо мной подобной власти. И вот теперь я стою разгоряченная, обеспокоенная, трясущаяся мелкой дрожью из-за кого-то.

– Давай начистоту, – говорит он. – Как ты доберешься домой?

– Как-нибудь.

– Как? – он недоверчиво хмыкает, но я ничего не могу с собой поделать.

– Вызову такси. – Я снова открываю телефон и ищу такси. – Спасибо, что помог, – добавляю я. Ведь я всегда такая вежливая, правильная и никогда не совершаю недостойных или глупых поступков. Боюсь попасть в неприятности и не схожу с проторенной дорожки.

– Челси. – Он выхватывает телефон из моей руки, и я, охнув, поднимаю голову. Что он себе позволяет? Пытаюсь отобрать у него телефон, но он держит его над головой. Как глупый ребенок, я подпрыгиваю и пытаюсь выхватить трубку. Он смеется, и, учитывая обстоятельства, это звучит мрачновато. Да что со мной не так?!

Я чувствую… головокружение. Не подмешал ли Тэд что-нибудь в мою воду или колу? Все как-то неправильно. Когда Оуэн рядом, у меня кружится голова и по телу бегут мурашки. На нем белая чуть помятая рубашка: видимо, денек был не из легких – и черные брюки. Выглядит

мило.

Ладно-ладно. Не просто мило. Он великолепен. Сексуален. Никогда не думала, что парни могут быть сексуальны, но Оуэн именно такой.

И, возможно, именно в этом и заключается моя проблема.

Оуэн

Держу телефон над головой, потому что мне нравятся ее попытки заполучить его назад. Ее грудь соблазнительно подпрыгивает вместе с ней, и, хотя огромной ее не назовешь, она вполне прилично выглядит. На ней красивый кружевной наряд, не выставляющий кожу напоказ, а делающий ее невероятно привлекательной.

А попка – просто мечта. У меня внутри все трепещет от одного только вида: вверх-вниз, вверх-вниз, она плавно движется с каждым прыжком.

Да. Мне явно не хватает секса, раз уж меня заводит ее задница.

– Отдай телефон. – Она, кажется, чертовски зла, но при этом выглядит мило.

– Нет, пока не согласишься, чтобы я отвез тебя домой.

Я не собираюсь оставлять ее тут в ожидании такси, когда сам могу подвезти; и вовсе не потому, что хочу побыть с ней. Она – последний человек, которого я ожидал тут встретить, да еще в компании какого-то придурка с загребущими руками. Совершенно измотанный, я закончил смену и собирался вернуться домой и рухнуть в кровать, как появилась она, вся такая соблазнительная, в узеньких джинсах, подчеркивающих длинные ноги, и… Уф, я помотал головой. Мне нужно избавиться от мыслей о ее заднице.

– Ладно, я согласна. – Похоже, она всерьез рассержена. – И отдай телефон.

– Не раньше, чем отблагодаришь меня за поездку. – Мне нравится играть с ней. Со мной такого уже давно не было. Последнее время я словно комок нервов. Все от меня чего-то хотят, я просто разрываюсь. Порой просто не могу держать себя в руках.

Она уперла руки в бока:

– Да ты еще даже не подвез меня.

– Знаю, – усмехаюсь я, заставляя ее нахмуриться еще больше. Интересно, она ненавидит конкретно меня или всех парней вообще?

– Тебе это не понравится, но сперва нам придется пойти ко мне домой, взять машину, и только тогда я смогу отвезти тебя.

– Погоди. Твоя машина не здесь?

– Я живу в двух шагах отсюда, так что хожу на работу пешком, – пожимаю плечами.

Все думают, что я чокнутый, ведь не секрет, как я попал в «Квартал»,

тем более что там работала моя сестра. Народ не понимает, зачем я вообще работаю и к тому же скрываю, что новая суперзвезда НФЛ Дрю Каллахан – мой зять. Это не по мне. Жизнь напоказ приносит одни проблемы. Боюсь представить, какой ненасытной станет мама, если я вдруг стану вести себя как крутой парень.

Ее молчание я воспринимаю как знак согласия.

– Готова прогуляться?

Разворачиваюсь и иду, а она семенит рядом со мной. По дороге мы оба молчим. Я живу прямо в центре города, среди старых домов, а также резиденций братства и женского клуба, да и до студенческого городка рукой подать. Идеальное место для меня. Фэйбл думает, что я сумасшедший, ведь она в свое время натерпелась от местных парней, в частности от таких типов, с которыми я сейчас вожусь.

Дрю разорвал этот замкнутый круг. Он ее герой. Когда-то он был и моим героем.

Я смотрю на Челси. На один мой приходится пять ее шагов, иначе она отстанет от меня. Она наклонила голову, сражаясь с порывами ледяного ветра, и обхватила себя руками, чтобы согреться.

Как же хочется обнять ее за плечи и прижать к себе, ведь мне чертовски жарко после напряженной ночки, но я сдерживаюсь. Во-первых, от меня, наверное, разит потом, хотя я и не стараюсь произвести на нее впечатление, а во-вторых, она, вероятно, вдарит мне в пах, если попытаюсь дотронуться до нее.

И не за что будет ее винить. Тот долбаный идиот был с ней груб. Кто знает, что случилось бы, не появись я там?

– Спасибо, что спас меня от Тэда, – говорит она мягким голосом.

Она просто читает мои мысли.

– Не за что.

– Я вообще не хотела сюда идти, – продолжает она. – Это была идея Кэри. Она оставила меня с Тэдом, а он оказался настоящим придурком.

Это еще слабо сказано. Парень – просто полный кретин.

– А может, не стоит оставаться наедине с парнем, которого совсем не знаешь?

– Однозначно, – бормочет она. – Хотя это единственный способ знакомиться с парнями.

– А как насчет тех, с кем занимаешься? – Нет, вы только послушайте! Как последний дурак пытаюсь выведать, как она знакомится с парнями. Мне это должно быть безразлично. Мне не следует к ней привязываться. Все, что мне нужно, – это найти горячую девочку с классной задницей и

развлечься с ней.

Нужно выкинуть Челси из головы и больше не думать о ней. Не знаю, сработает ли это. Меня не особо привлекает мысль переспать с первой попавшейся девчонкой.

– Ну, тех, с кем занимаюсь, я воспринимаю как… работу. – Она смотрит на меня, и наши глаза встречаются. Я не отвожу взгляда. – Обычно, – добавляет она, чуть закусив нижнюю губу.

Хорошо. Сделаю вид, что этого не слышал, поскольку мое тело просто поет, словно она прошептала: «*Возьми меня, Оуэн*».

– Что значит «обычно»?» – спрашиваю я с притворным интересом.

Пожав плечами, она отводит взгляд в сторону.

– Не знаю.

Я не стал дальше допытываться, просто понадеялся, что она имела в виду меня. Почему, сам не знаю. Я засунул руки в карманы и замедлил шаг, рассматривая ее. Через кружево видно кожу, хотя она прикрыта большей частью майки. Джинсы – даже не буду больше комментировать ее ноги и задницу, потому что, блин… тут нечего добавить.

Длинные прямые темные волосы рассыпаны по плечам. Они выглядят мягкими, и мне хочется к ним прикоснуться, намотать эти шелковистые пряди на пальцы и сжать в момент, когда накрою ее губы своими. Отвести ее голову назад, чтобы пройтись губами по горлу и ощутить биение ее пульса…

– Нам прямо?

Ее мягкий голос прерывает поток моих похотливых мыслей, и я растерянно моргаю, понимая, что остановился на перекрестке.

– Налево, – резко отвечаю я. – Мой дом третий слева.

Молча она следует в указанном направлении, и я позволяю ей пройти вперед, любуясь видом сзади. Что ж, будем смотреть правде в глаза: я запал на репетиторшу. Она не в моем вкусе. Я едва ее знаю. Но мое тело чертовски хочет ее узнать.

И это глупо, конечно, потому что такие мысли сулят мне лишь неприятности.

Когда мы приближаемся к дому, меня охватывает паника.

Свет горит в каждом окне, слышны музыка и громкие голоса.

Проклятый Уэйд устроил вечеринку.

Просто замечательно.

– Хм. – Челси останавливается и поворачивается ко мне. – Это твой дом? – Она указывает прямо, и я вижу Деза с какой-то девицей, которые сидят на крыльце и раскуривают косячок.

Отстой.

– Да, – отвечаю я сквозь зубы. – Похоже, мой сосед решил развлечься.

– Ничего себе развлечься, – бормочет Челси, переминаясь с ноги на ногу. Видимо, нервничает.

– Пойдем, – киваю в сторону входной двери. – Я только возьму ключи, и уберемся отсюда.

Машина припаркована на улице, прямо перед домом. Гаража у нас нет, а сам дом старый и маленький. Внутри я сделал хороший ремонт, когда переехал сюда вместе с Уэйдом. Мы дружим всю жизнь. Я не мог бросить его. Я даже не прошу его платить за аренду.

Это все благодаря Дрю: он купил дом, а также заплатил за все остальное. Когда-нибудь я хотел бы достичь его уровня, быть сильным и независимым.

Но курение травки с мамой, чрезмерное употребление пива и бесконечные вечеринки уж точно не помогут мне реализовать этот план.

– Нет, я подожду снаружи, – говорит Челси, топчась на месте.

Я раздосадован, что ей так неуютно.

– Уверена? – Не хочу давить на нее. Жаль, что я так поздно увидел, как тот кретин схватил ее; и вести себя так, как он, точно не стану.

Она кивает, поднимая голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Может, и не…

– Эй, Макгваер! Кто эта красотка? – кричит Дез с крыльца.

Стараясь извиниться перед ней взглядом, отвечаю ему:

– А разве *тебе* интересно?

– Да ладно, не темни. Веди сюда свою новую девчонку и представь ее нам должным образом, – орет Дез, ехидно улыбаясь.

– Проклятье, – я провел рукой по волосам, а затем опустил руку. – Не возражаешь? Дез безобиден, а вот девушку я вижу впервые.

– Он не узнает меня? – она неуверенно улыбается мне и пожимает плечами. – Как ты собираешься меня представить?

– А как ты хочешь? – спрашиваю я в ответ.

Она морщится.

– Не знаю, скажи, что мы друзья.

Я долго смотрю на нее перед тем, как ответить:

– Тогда они могут подумать, что я трахаюсь с тобой.

Челси застывает с открытым ртом:

– Серьезно?

– Они считают, я трахаюсь с каждой девушкой, которую привожу домой. – И, разумеется, я сам дал им повод.

И тут она вздрагивает.

– Тебе обязательно каждый раз говорить это?

– Что? Трахать?

– Да, – она смутилась. – Это так…

– …чертовски грубо! Да? – Смотрю на нее и смеюсь. Ничего не могу с собой поделать. – Прости. Пойдем знакомиться. И будь готова. Отключи уши или что-то в этом роде, потому что Дез матерится как сапожник.

Глава 6

«Разум, открывающий новую идею, никогда не возвращается в прежние рамки».

– Альберт Эйнштейн[8]

Челси

Забавно, что когда я была в баре с лучшей подругой, то чувствовала себя ужасно. Беспомощной. Потерявшей контроль над ситуацией.

А теперь я стою с парнем, которого едва знаю, в доме, где никогда раньше не была, где веселится толпа шумных незнакомцев, большинство из которых либо пьяны, либо под кайфом, либо и то и другое, и мне ни капельки не страшно.

Это потому, что я с Оуэном. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности. Иду с ним к крыльцу и смотрю на его друга Деза. Оуэн прав. Парень выглядит совершенно безобидно: глупая улыбка на лице и банка пива в руке, в которую он вцепился как в спасательный круг. Девушка сидит как приклеенная к нему: вся такая фигуристая, крашеная блондинка с кроваво-красными губами и ослепительно-белыми зубами. Она сверлит меня взглядом, а потом просто перестает замечать.

Отлично. Уже ненавидит меня. Ну, я тоже от нее не в восторге.

– Дез, какого черта здесь происходит? – спрашивает Оуэн, остановившись у крыльца. Я шла прямо за ним, но теперь делаю шаг в сторону, чтобы не казалось, что я прячусь. Я не позволю этой вульгарной девице запугать себя.

– Не знаю, я вот пью дрянное пиво и курю травку, – спокойно говорит Дез, словно ничто в мире его не волнует, и это, вероятно, так и есть. Узнаю его. Он был с Оуэном в ту ночь в закусочной. – Присоединяйся, брат. Выглядишь немного напряженным. Сначала Уэйд пригласил меня, а потом мы решили позвонить друзьям. Подумали: с чего это тебе быть против?! Вот и ты пришел не один, – Дез указывает на меня банкой пива.

– Угу, ясно. – Оуэн снова проводит рукой по волосам. Я заметила, он делает так, когда злится. Выглядит одновременно небрежно и сексуально, так что хочется схватить его, наклонить голову и поцеловать.

Стоп. Да что со мной такое? Откуда эти мысли?

– Итак, кто же твоя гостья на нашей безумной вечеринке? Симпатяга.

Дез широко улыбается мне. Он милый. Короткие темные волосы, теплые карие глаза с покрасневшими от курения белками.

Вероятно, из-за облака дыма, все еще парящего над ним, он не узнает меня.

– Э-э-э, Челси, – коротко отвечает Оуэн. Он машет в мою сторону рукой, словно я не ахти какая важная птица. Это немного задевает, но не

стоит на этом зацикливаться. Он просто пытается не заострять на мне внимание, тут не в чем его винить. Я просто репетитор и не имею для него особого значения.

– Привет, – я улыбаюсь Дезу, а затем его блондинке, но более скованно.

– Марси, – Дез бросает на блондинку похотливый взгляд, который она с удовольствием возвращает. – Мы только сегодня познакомились, но мы уже большие друзья, верно, Марси? – Она не отвечает.

– Обалдеть, – бормочет Оуэн, резко кивая головой. – Мы зашли за ключами. Нужно отвезти Челси домой.

– Домой? Уже? Но вечеринка только началась. Расслабьтесь: выпейте пива, покурите травки. Или перепихнитесь, это тоже расслабляет. Как угодно! – Дез смеется в ответ на полный отвращения взгляд Оуэна. – Парень, с каких пор ты стал занудой?

Оуэн молчит, но я улавливаю некий скрытый смысл в только что услышанном. Однако мало что понимаю. Я ничего не знаю о нем, кроме его успеваемости и тех жалких крох информации, которые почерпнула из нашего непродолжительного общения.

Мы заходим в дом, полный табачного дыма, народа и грохочущей музыки. Особенно людно на кухне, где все пьют пиво из банок или пластиковых стаканчиков. А на кухонном столе стоит целый бочонок! Любопытно, насколько спонтанной была вечеринка. Относительно алкоголя я полный профан. Понятия не имею, легко ли раздобыть целый бочонок пива.

Кажется, все в комнате с интересом смотрят на меня, задаваясь вопросом, откуда я взялась. Что ж, это вполне естественно: меня они не знают, но, уверена, с Оуэном хорошо знакомы. В конце концов, они в его доме. А я просто глупая девчонка, которая делает вид, что знает, что значит быть молодой, легкомысленной и беззаботной.

Девчонки сверлят меня взглядом, их парни пялятся. Я чувствую себя под прицелом, а Оуэн… Он тут господин, и если бы они могли, то поклонились бы ему и поблагодарили бы за то, что он наконец-то вернулся домой.

Тяжело вздохнув, я выкидываю из головы грустные мысли и стараюсь не отстать от Оуэна, потому что чем дальше мы продвигаемся вглубь дома, тем больше становится гостей. Когда он хватает меня за руку и притягивает поближе к себе, я чуть не задыхаюсь от неожиданности. Наши пальцы переплелись, и я всячески стараюсь унять бурю эмоций, вызванную его прикосновением, но не могу. Клянусь, у меня подгибаются колени.

Он притягивает меня еще ближе, и мне кажется, что я сейчас умру. Я тону в его запахе: осень, пот и слабое напоминание о работе в ресторане.

– Ключи в моей комнате, – кричит он мне в ухо, потому что музыка просто оглушительна. – Просто держись рядом, мы заберем их и сразу уйдем отсюда.

Коротко киваю и улыбаюсь ему, а он – мне. Я стараюсь унять свое сумасшедшее сердце, которое заходится в бешеном стуке. Влечение, которое я испытываю к своему сумасбродному подопечному, неприемлемо.

Оуэн крепче сжимает мои пальцы и ведет меня через толпу по короткому темному коридору, останавливаясь у самой дальней двери. Открывает ее и заглядывает внутрь, вероятно, проверяя, есть ли там кто-нибудь, а затем заходит, не оставляя мне выбора, кроме того, чтобы следовать за ним, потому как все еще держит меня за руку.

Отпустив наконец его ладонь, я оглядываюсь, стараясь все рассмотреть, пока Оуэн ищет ключи. Пустые стены и самая обычная мебель, хотя кровать, застеленная терракотовыми простынями, огромная. Я отступаю от кровати, вдруг занервничав. Сколько девушек было здесь до меня?

Ух. Даже боюсь представить.

Я наедине с Оуэном в его спальне. Будь я посмелее, то не упустила бы возможность по крайней мере поцеловать его. Хотя сильно сомневаюсь во взаимности. Не думаю, что нравлюсь ему. Он всего лишь пытается быть милым. Наверное, он просто пожалел свою бедную репетиторшу, когда увидел, как ее домогаются в ресторане, где он работает.

– Вот отстой! – ворчит он, опускаясь на колени и начиная рыться в куче одежды, сваленной на стуле. – Постоянно теряю ключи.

– Помочь? – спрашиваю я как хорошая девочка, всегда предлагающая помощь всем нуждающимся. *Боже мой*, порой я раздражаю саму себя.

– Все в порядке. Они, наверное, в кармане джинсов. Там я их обычно и нахожу.

Я подхожу к комоду и осматриваюсь. Вот зеркало, кружка, наполненная на четверть, и небольшая пиалочка, заполненная мелочью. А еще зажигалка, помятая выцветшая долларовая купюра и фотография в рамке. Беру ее в руки и рассматриваю. На снимке очень симпатичная девушка со светлыми волосами и такими же, как у Оуэна, зелеными глазами. На ней свадебное платье. Она улыбается в объектив и обнимает Оуэна. Он тоже смотрит прямо и так мило улыбается, что у меня перехватывает дыхание. Парень в костюме жениха смотрит на невесту как на самое прекрасное, что видел в жизни.

Чудесное фото, полное любви и радости. Судя по всему, это сестра Оуэна, поскольку они очень похожи. Да и парень мне смутно знаком.

– Это моя сестра с мужем. – Оуэн стоит прямо за мной; он так тихо подошел, что теперь мне неловко, что меня застали за разглядыванием личного фото. Я осторожно ставлю рамку на место.

– Парень выглядит знакомым, – говорю я, развернувшись лицом к Оуэну.

Он стоит так близко, что я чувствую тепло его тела, которое действует на меня как магнит. Я просто теряю над собой контроль.

– Это Дрю Каллахан.

Ох! Я уставилась на Оуэна. Живая легенда прямо здесь?! Все то и дело говорят о Дрю Каллахане, особенно сейчас, когда он продолжил играть в НФЛ. Значит…

– Серьезно? Твой зять – профессиональный футболист? – я разинула рот от удивления.

– Да. Думал, ты знаешь. Все знают.

– Нет, я не знала. – Я поднимаю голову и всматриваюсь в Оуэна. – Поэтому ты играешь в футбол?

– Можно и так сказать.

– А как насчет твоего отца? Ему нравится футбол?

Оуэн вдруг замер, и на его лице появилось пугающе-отстраненное выражение.

– Не знаю, что нравится этому придурку. Понятия не имею, где он вообще.

– Ой. – Не стоило спрашивать о родителях. Это всегда больная тема. Я сама не люблю говорить об отце. Ладно, тут все понятно.

– Полагаю, ты близок с сестрой?

– Фэйбл? Да, она практически вырастила меня. – Пустота во взгляде уступает место теплу и нежности. Видно, что сестра очень дорога ему. – Сейчас у нее у самой ребенок.

– Значит, ты дядя. – От этой мысли теплеет на душе. Стоит представить Оуэна с ребенком на руках – и все, уже хочется рыдать от умиления.

– Да. Премилое дитя. – В руках у него ключи от машины. – Нашел. Готова ехать?

Какое разочарование. *Нет! Я хочу остаться! Хочу вернуться в зал, выпить пару коктейлей, познакомиться с твоими приятелями и даже выкурить косячок, чего раньше никогда не делала. Думаю, будет весело. А когда я буду немного под кайфом, возможно, мне удастся затащить тебя*

сюда и, заперев дверь, поцеловать. Потом упасть в твои объятия, почувствовать тепло твоих рук на обнаженной коже…

Но, пока я успеваю что-то сказать, раздается короткий стук в дверь, она распахивается, и перед нами предстает высокий, едва стоящий на ногах парень, почти такой же широкоплечий, как Оуэн.

– *Все-таки* ты в комнате с девушкой, – потрясенно восклицает он, пытаясь сохранить равновесие. – Черт, теперь я должен двадцать баксов этому идиоту Дезу.

– Проваливай отсюда, – беззлобно говорит Оуэн. – Мы уже уходим, так что можешь передать Дезу, что ничего не было и ты ему ничего не должен. Оуэн поворачивается ко мне:

– Готова идти, Челс?

Мне нравится, как он меня назвал. Никто не зовет меня Челс, а мне всегда хотелось иметь уменьшительно-ласкательное имя.

– Только не говори мне, что она и есть твой репетитор. – Парень заходит в комнату, путаясь в собственных ногах. – Это же ты, да? Репетиторша? Я помню тебя. – Он тыкает в меня пальцем, в его тоне слышится смесь обвинений и смеха.

– М-м-м… – Сомневаюсь, стоит ли признаться. Не хочу вечно лгать, как мой отец, поэтому предпочитаю сказать правду. Я тоже его помню. Он был в закусочной вместе с Оуэном и Дезом. – Да.

– Отличная работа, Оуэн! Быстро же ты затащил ее в свою комнату. Ну ты и ловкач! – Парень усмехается. – Я Уэйд. Самый старый и самый лучший друг Оуэна.

– Ты станешь *самым мертвым* другом, если не замолчишь и не уберешься из комнаты, – говорит Оуэн. Его низкий хрипловатый голос невозможно сексуален. Что это за форма извращения, если мне нравится парень, даже когда он сердитый и злой?

По-хорошему это мне следует рассердиться. Он говорил обо мне с друзьями, скорее всего, непристойным и неприемлемым образом. Обидеться на него было бы вполне естественно. Значит, он не воспринимает меня всерьез. Но вместо этого я взволнована. Раз он рассказал обо мне больше, чем просто «у меня теперь репетитор, сто лет бы ее не видеть», значит, есть надежда. Возможно, у меня все же есть шанс быть с ним.

Продолжая ухмыляться, Уэйд все же уходит, пошатываясь на нетвердых ногах. Я поворачиваюсь к Оуэну.

– Откуда он знает обо мне?

– Э-э-э… – он явно сконфужен, поэтому я чуть усиливаю напор:

– Ты рассказал?

– Он же мой сосед. Да, я рассказал ему, что теперь занимаюсь с репетитором, – Оуэн слегка пожимает плечами, но я ему не верю. Он явно недоговаривает.

– Тогда почему он сказал, что ты ловкач и быстро сработал? Что это значит? – я начинаю входить во вкус, теперь мне хочется выяснить, о чем шел разговор.

– Ты не хочешь этого знать, – бормочет он, но не отводит взгляда.

Мимо!

– Определенно хочу.

Я теряюсь в догадках, а он, кажется, молчит целую вечность. Он снова ерошит волосы своими длинными красивыми пальцами и, явно испытывая неловкость, упирается одной рукой в бедро. Хм. Ему даже идет неловкость.

– Ты обидишься, – наконец произносит он.

– У меня был уже миллион поводов обидеться, начиная с твоего *красноречивого* друга на пороге дома, – говорю я, и это правда. Их… манера общаться ужасна.

Ну я и ханжа.

Ну что я могу поделать? В моем окружении люди не ругаются. Никогда не ругались. Порой Кэри может выдать что-нибудь эдакое, но ничего серьезного. А с той поры, как я попала в компанию Оуэна, я слышу один мат.

Мое замечание вызывает у него улыбку.

– Думаю, мне нравится, что ты находишь меня и моих друзей испорченными. Может, мне удастся совратить тебя.

Хотелось бы, чтобы так и было. Пусть он толкнет меня на эти ярко-красные простыни, сорвет одежду, и я, бледнея в полумраке обнаженным телом, испуганная и дрожащая от возбуждения, буду лежать, пока его руки не прикоснутся ко мне…

– Ты не ответил, – говорю я дрожащим голосом и облизываю губы. Подняв глаза, я вижу, что он смотрит на мои губы.

И они покалывают, словно он и правда их трогал.

– Они думают, я попытаюсь… – он выдыхает, сильнее запускает пальцы в волосы и сжимает их. Крепко.

– Пойдем отсюда, Челс. Тебе пора домой.

Что ж, я позволяю ему закрыть тему, вывести меня из комнаты, проводить по коридору через толпу людей до самой машины. Все это время он придерживает рукой меня за спину, это невинное прикосновение через кружево и майку обжигает кожу. Он идет молча, хотя все зовут его, просят

остаться, предлагают выпить, покурить, отхлебнуть из стаканчика или бутылки, вместе затянуться…

Это не мой мир. Оуэн – не мой мир.

Неважно. Несмотря на все очевидные различия, я хочу его.

Ну надо же было так влипнуть!

Оуэн

Я вздохнул с облегчением, лишь когда мы сели с Челси в машину. Это был какой-то кошмар! Дикая толпа в моем доме, скабрезные вопросы Деза и Уэйда, а затем как финальный штрих допрос с пристрастием от Челси.

Черт! И как только я пережил это?

Уже глубокая ночь, и я чертовски измотан. А утром у меня занятия, и я в кои-то веки не собираюсь их прогулять. И все ради того, чтобы угодить девушке, сидящей рядом со мной и помогающей исправить мои оценки; но если я не высплюсь, то опять прогуляю.

Полный отстой.

В машине она указывает мне дорогу приглушенным голосом, что заставляет меня нервничать. Не знаю, почему, но она сидит притихшая, с опущенной головой, слегка царапая ногтями верхнюю часть бедер. Клянусь, я прямо слышу, как скрипит джинсовая ткань под ее ногтями.

Остановившись на красный свет, незаметно разглядываю ее ноги.

Красивые стройные ноги, которые хочется раздвинуть, вцепившись покрепче в ее бедра. Для себя. Для нее. Готов поспорить, ни один парень не прикасался к ней и не раскрывал ее широко. У меня такое чувство, что я буду первым.

По какой-то странной причине мне это нравится, но вместе с тем я чувствую себя собственником и придурком.

Снова загорелся зеленый, я резко давлю на газ, и машина срывается с места. Чувствую взгляд Челси на себе. Наверное, ей интересно, что со мной не так, но я не могу ответить. Я сам этого не понимаю.

Ложь! *Не так* – это то, что она не выходит у меня из головы.

Через пару минут въезжаю на автостоянку возле ее дома, припарковываюсь, и она молча выходит из машины, я следую за ней, пока она идет по тротуару, а затем пересекает газон.

– Вот я и дома, – говорит она, не оборачиваясь. – Спасибо, что подвез.

Все?! Она прогоняет меня? Вот так вот?!

– Не позволю тебе идти одной по темноте, по крайней мере доведу тебя до двери.

Она останавливается и поворачивается ко мне, ее глаза метают молнии.

– М-м-м, теперь ты ведешь себя как джентльмен?! А какое тебе дело? Ты даже не отвечаешь на мои вопросы.

О господи, боже мой! Мы снова вернулись, откуда начали. Она может не уточнять, я знаю, о каком вопросе идет речь.

– Ты не хочешь услышать ответ. Поверь мне. – Я уже говорил, парни думают, что она легкая добыча, быстрый секс. Но это не так. Это все не про нее.

– Вообще-то, хочу. Мне бы *понравился ответ*. – Она идет ко мне, глаза так пылают от гнева. Она прекрасна, когда злится! Она протягивает руку и тычет пальцем мне в грудь, от этого короткого прикосновения меня словно прошибло электрическим разрядом.

– Так я же уже ответил. Они думают, я собираюсь залезть к тебе в трусы, – говорю я, вздрагивая оттого, что все же произнес это вслух. Это еще мягко сказано. Уэйд не отстает от меня с тех самых пор, как понял, что я не связался ни с одной из девиц, которых он притащил в прошлые выходные. Все воскресное утро я слушал его бесконечное нытье. Он думает, что я хочу Челси.

Собственно, он прав.

Она стоит неподвижно, широко распахнув глаза.

– А ты?

– Нет, – качаю головой, что не совсем правда. Я сам не понимаю, чего хочу от Челси, но одно знаю точно. – Черт, я не хочу все просрать.

– А ты не можешь не выражаться?

– Нет, – усмехаюсь я. Фэйбл все еще ругается по поводу моего сквернословия. Сама она вроде перестала грубо выражаться. – Я чертовски люблю материться.

Легкая улыбка появляется на восхитительных губах Челси.

– Думаю, ты это сказал, чтобы позлить меня.

– Охренеть! Ты почти угадала! – Я оглядываюсь, от холода по телу бегут мурашки, ей тоже, должно быть, холодно. – Где твоя квартира?

– Снова пытаешься уйти от разговора?

– В смысле? Я уже ответил на твой вопрос.

– Значит, они думают, что ты хочешь залезть ко мне в *трусы*, – она запинается на последнем слове, что весьма мило. И с минуту пристально смотрит на меня. – А если я скажу, что не ношу их?

Вот так выстрел! Я даже поперхнулся от неожиданности. Закашлялся так сильно, что пришлось наклониться и перевести дыхание, положив руки на колени и глядя на покрытый росой газон. Мысль о моей прелестной репетиторше без нижнего белья под плотно сидящими джинсами мучительна. У меня пальцы зудят от желания прикоснуться к ней. Расстегнуть молнию, чтобы проверить, правда ли это.

– Итак, – я прочищаю горло, – ты их носишь? Трусики? – спрашиваю, снова обретя способность говорить. Распрямляюсь, уперев руки в бока; легкие все еще горят.

Она улыбается. *Черт,* такая милашка!

– Да. Извини. Я пошутила.

Проклятье. Такое разочарование.

– Пошли. – Я иду к ней, хватаю за руку и веду. – Так какая квартира?

Челси показывает направление. И, когда я иду следом за ней по лестнице, снова любуюсь ее задницей. Образ Челси без трусиков так и стоит перед глазами. У меня закипает кровь от одной только мысли о ее идеальной обнаженной попке.

– Значит, увидимся в среду? – спрашиваю, пока она открывает дверь. Прислонившись к грубо оштукатуренной стене, замечаю, что у нее дрожат руки. Ей не с первого раза удалось вставить ключ в замочную скважину, чтобы открыть дверь.

Интересно, это я заставляю ее нервничать?

– Да, – говорит она, мельком взглянув на меня. – Спасибо тебе за помощь.

– Без проблем. А может быть, мы… встретимся как-нибудь снова?

О чем это я, черт возьми?

Остановись, Макгваер!

– Чтобы позаниматься? – Она поворачивается ко мне лицом, держась за дверную ручку. Если хочет, она может просто уйти и не отвечать на вопрос.

Но не уходит. Продолжает разговаривать. Проявляет интерес. Не могу не признать, что между нами что-то есть. Уверен, она тоже это чувствует.

– Да, – цежу я сквозь зубы. Я хочу встретиться, но не для учебы. – По идее, у меня завтра вечером тренировка, но, поскольку меня временно отстранили, я совершенно свободен. Если тебе удобно, конечно.

– Конечно, – она грустно улыбается. – Но мне нужно на работу.

– Во сколько?

– Моя смена с восьми вечера до двух ночи.

Отстойное время для работы. Девушке опасно работать в позднее время, особенно такой милой и невинной, как Челси.

– А если до работы? Можем заказать… пиццу или то, что ты захочешь.

Это больше похоже на свидание, чем на занятие. Но я вообще не хожу на свидания. Интересно, она поняла, что происходит?

– И я помогу тебе с уроками до того, как пойду на работу, – она тщательно подбирает слова, как будто не доверяет мне.

– Звучит неплохо. Согласна? – во мне затеплилась надежда.

Думаю, она даже *прозвучала* в моем голосе.

– Давай я зайду к тебе около пяти? – предлагает она.

Она может прийти в любое время, когда захочет. Пока мы вместе.

Отстой.

– Хорошо, – говорю своим обычным, небрежным тоном. Интересно, она уже клюнула? Думает ли она, что я полный придурок? На ее месте я бы так и думал.

Она улыбается, глаза полны нежности.

– Да. Звучит неплохо, – повторяет она.

Челси смотрит так, будто вовсе не считает меня придурком. Скорее, наоборот, как будто… я нравлюсь ей.

Всю обратную дорогу эта мысль согревала мне душу.

Глава 7

«Как цветок не может распуститься без солнечного света, так и человек не может прожить без любви».

– Макс Мюллер[9]

Первый день занятий

Оуэн

Уэйд ушел. В доме вроде чисто. Насколько вообще может быть чисто в доме, где живут три парня-грязнули, после незапланированной вечеринки. Ну, двое грязнуль живут постоянно, а третий заскакивает время от времени. Я заставил этих болванов, которых называю друзьями, прибраться и затем просто подчистил там, где они пропустили.

Дез свалил несколько часов назад. У него есть своя квартира, но он всегда с нами. Раньше меня это не беспокоило, но в последнее время стало надоедать. Он проворачивает свои делишки в моем доме, и мне это не нравится.

Фэйбл сошла бы с ума, если бы узнала.

Поэтому я ничего ей не рассказываю.

Уэйд на работе: он помощник в местном супермаркете со сниженными ценами, обзванивает клиентов и мечтает найти местечко получше. Бедный Уэйд. Бедный Дез.

Мне повезло.

Сегодня вечером здесь будем только я, Челси и мои домашние задания. Да, а еще будет пицца, которую я закажу, когда она придет, и несколько банок колы, уже купленных в магазине на углу. Наверное, нужно было взять диетическую, обычно девчонки предпочитают именно такую. Ноль калорий и все такое – я слышал, так говорила Фэйбл.

На самом деле я бы лучше выпил пива, но оно закончилось. После вечеринки в доме не осталось ни капли спиртного. Кроме того, Челси бы не одобрила. Мои *внеклассные мероприятия* ей не по душе. Даже спрашивать не стоит. Вряд ли она стала бы осуждать. Ей просто не нравится, и все тут.

Она чиста и наивна. И, кажется, до сих пор держалась в стороне от большого мира. Я вспоминаю о том, что я сказал ей прошлой ночью.

Может, мне удастся совратить тебя.

Умираю, как сильно я этого хочу. Я увидел огонек в ее глазах, когда сказал это. Ее губы приоткрылись, и она облизнула их языком. Внешне я сохранял спокойствие, но глубоко внутри горел желанием овладеть ею. Это доставило бы мне наивысшее наслаждение. Показать ей, что она пропала. Прикасаться к ней и тут, и там, везде. Целовать, пока не начну задыхаться.

От одной только мысли об этом кровь закипает в жилах.

Надо перестать мечтать о ней. По крайней мере, попытаться. Оглядывая дом, замечаю потертости на темно-коричневой обивке кожаного

дивана и новую царапину на одной из подушек, свежие сколы на поверхности журнального столика и отсутствие лампы, потому что какой-то осел сломал ее прошлой ночью.

Черт. Даже после уборки дом по-прежнему похож на свалку.

Раздается стук в дверь, я иду открывать, всеми силами стараясь скрыть нетерпение. Похоже, Челси пришла пораньше, я взволнован, как подросток перед первым свиданием. Обтерев вспотевшие ладони о джинсы, я глубоко вздохнул и открыл дверь.

На крыльце с выжидательным взглядом на изможденном лице стояла мама.

Черт. Черт. *Черт*.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я, злясь на нее за внезапное появление и на себя за грубость.

Она закатывает глаза и пытается протиснуться внутрь, так что мне приходится отодвинуться и дать ей войти.

– Мне нужны деньги.

Никаких тебе «привет», «как дела», ни единого лишнего слова. По крайней мере, она закончила с дурацкой игрой в заботливую мать.

– Уже все потратила? – Я смотрю на улицу, высматривая Челси, но ее пока нет. Еще слишком рано. До ее прихода как минимум четверть часа, и мне кажется, она появится строго минута в минуту. Пунктуальность – ее конек.

– Да. Мне не хватило, – громким дрожащим голосом отвечает мама.

Сколько бы я ни дал, ей всегда мало. Денег, внимания, травки – чего угодно – всегда недостаточно. Ей просто невозможно угодить.

– У меня больше нет, – ложь, конечно, но мне не хочется трогать заветную заначку в шкафчике. Это на черный день. Я откладывал их по крохам не для удовлетворения пагубных потребностей матери: наркотиков и выпивки.

– Чертов лжец, – она буквально набрасывается на меня. Ее губы словно тонкая кривая линия, прочерченная на лице, а тусклые зеленые глаза как щели. – Позвони сестре. Возьми денег у нее и того долбаного мажора, за которого она выскочила замуж.

– Я не стану звонить Фэйбл, – говорю я напряженным голосом, чувствуя, как кровь закипает в жилах. – Если тебе от нее что-то надо, позвони ей сама.

– Думаешь, я не пробовала? Эта стерва не отвечает. Каждый раз натыкаюсь на автоответчик. Надоело. Вы все мне надоели. – Мать размахивает руками, спотыкается и начинает падать, я делаю к ней шаг и

хватаю под локти, чтобы она не грохнулась на пол.

Смотрю ей в лицо, вижу расширенные зрачки и слышу учащенное дыхание. Она под кайфом.

И это явно не травка.

– Оставайся здесь. – Я слегка подталкиваю ее, и она, фыркая, оседает на диване, а я мчусь в комнату.

Оглядываясь, чтобы убедиться, что она не идет за мной, подхожу к шкафу и достаю старую спортивную куртку. Я редко носил ее в старших классах, хотя Фэйбл настаивала. Она страшно гордилась, что я играю в футбольной команде, особенно когда мы выиграли региональный чемпионат. Ее улыбка в тот вечер навсегда останется в моей памяти.

А теперь в моей памяти вечно будет храниться и мамин отсутствующий взгляд. Мне нужно выпроводить ее до прихода Челси и до того, как она снова начнет поносить Фэйбл. Мне хочется накричать на нее, спросить, почему она такая эгоистка, что не задумывается, как сильно ранит Фэйбл и меня. Она уже бабушка, черт возьми! Отэм – ее первая внучка, кровь от крови! Но нет же, маму это нисколько не заботит.

Я даже не уверен, что она знает о существовании Отэм.

Достаю пачку денег из кармана куртки и отсчитываю пару двадцаток и пятидесятидолларовую купюру. Не следует давать ей деньги. Еще пару минут назад я пообещал себе, что не стану снабжать ее средствами на покупку наркоты. Вот отстой! Когда дело касается мамы, я просто теряю волю.

Она – моя дурная привычка, от которой я никак не могу избавиться.

Недовольный своей слабохарактерностью и глупостью, я возвращаюсь в гостиную и вижу, что мама нервно меряет ее шагами, словно не может остановиться, и то и дело потирает руки, словно пытается отмахнуться от ползущего по коже насекомого. Она еще не заметила меня, и я с ужасом смотрю на нее. Не хочу это видеть. У меня мало времени, хочется просто всучить ей деньги и выпроводить, но это не решит проблему. Я не могу закрывать глаза на то, как мама губит себя.

Ей нужно помочь. Можно ли вообще ей помочь?

– Вот. – Я подхожу к ней, хватаю за запястье и вкладываю деньги в раскрытую ладонь. Она мгновенно сжимает их в кулаке, превратив купюры в зеленоватый комок.

– В ближайшие две недели даже не думай возвращаться. Я не твой персональный банк.

– Черт бы тебя побрал, – шипит она, перед тем как развернуться и выскочить вон.

Стою словно громом пораженный и смотрю на открытую дверь. Она ушла так же, как и пришла. Ни спасибо, ни «ты самый лучший сын», ничего. Просто потребовала денег, затем послала к дьяволу, и это все, чего я заслуживаю.

Большего идиота, чем я, и не сыскать в мире.

Гнев кипятит кровь, заставляя меня метаться по дому со сжатыми кулаками и бешено бьющимся сердцем. Почему, черт возьми, она так поступает со мной? Почему я каждый раз позволяю ей это? Хотел бы я быть как Фэйбл. Она без сожалений выбросила мать из собственной жизни. Просто пошла дальше с тем, кого любит, кто заботится о ней. Создала собственную семью. И хоть я тоже часть этой семьи, но знаю, как все непросто. Расстояние между нами только все усложняет.

Я здесь, а они там. Дрю, Фэйбл и Отэм. А раньше было: Дрю, Фэйбл и Оуэн.

Теперь я сам по себе.

Мне тяжело с этим смириться. Нужно расти и двигаться дальше, но при этом быть одиноким. Я словно прокладываю себе путь во тьме, постоянно спотыкаясь. *Черт*.

Мне нужно расслабиться.

Взглянув на часы микроволновки, я вижу, что до прихода Челси осталось менее пяти минут. Этого вполне достаточно, чтобы раскурить косячок и пару раз затянуться. У меня уже есть готовый, я забил его пару дней назад и спрятал в верхнем ящике комода. Как в бреду я подхожу к нему, выдвигаю ящик, достаю косячок, беру зажигалку и щелкаю снова и снова, пока не появится пламя.

Прикуриваю. Вдыхаю дым, позволяя ему заполнить горло и проникнуть в легкие, даря знакомое приятное покалывание. Затем выдыхаю. Тонкие струйки дыма тянутся изо рта, и я на миг закрываю глаза. Позволяю дурману унести меня туда, где проблемы не лежат тяжелым грузом на сердце.

Затягиваюсь еще раз и тушу косяк о стенку комода – плевать, что он будет испорчен. Прячу остатки и чувствую, как кайф разливается по венам, достигает моего перегруженного волнениями мозга и растворяет их. Меня окутывает теплый уютный туман, я словно цепенею. Хочу забыть о маме и Фэйбл, своих оценках, работе и футболе. Хочу сосредоточиться на девушке по имени Челси, которая думает, что придет сюда помогать мне с уроками.

Это последнее, чем я хочу с ней заняться. Но боюсь, это все, что мне светит.

– Привет. Кто-нибудь дома?

Я выхожу из комнаты навстречу нежному голосу и вижу Челси, стоящую посреди гостиной и смущенно озирающуюся. Заметив меня, она облегченно вздыхает, и я улыбаюсь ей. Я чувствую себя уверенно, словно никто и ничто не может противостоять мне. Не теперь, когда Челси здесь, освещая комнату своей чистой, неподдельной красотой.

– Эй, – говорю я, беззастенчиво разглядывая ее.

На ней джинсы и белая обтягивающая кофта, вызывающая у меня едва преодолимое желание дотронуться до ее груди. Она приветливо улыбается, снимает с плеча громоздкий и, похоже, тяжелый рюкзак и ставит его на пол рядом с диваном.

– Привет. Входная дверь была распахнута настежь, поэтому я вошла сама. Надеюсь, ты не против, – говорит она, махая рукой в сторону теперь уже закрытой двери.

– Без проблем. Молодец, что зашла, – говорю совершенно искренне. Я просто счастлив, что она здесь. Если бы она не пришла, я бы полез на стену от тоски.

– Готов к работе? – Она легонько пинает рюкзак. – Я распечатала кое-какие материалы, но, надеюсь, ты знаешь, что делать.

– Да, я точно знаю, что делать. – Машу рукой, отгоняя ее беспокойство как муху, и иду к ней. Она чуть отступает назад, и я проскальзываю мимо нее, сгорая от желания протянуть руку, схватить ее и поцеловать.

Это все действие травки. Наверное.

Она с подозрением наблюдает за мной, пока я иду к обеденному столу за папкой с заданиями.

– С тобой все в порядке?

– Да, в полном порядке. Просто зашибись! – Оборачиваюсь к ней и вижу, что она смотрит на меня как на безумца. Может, она и права. Сперва мама, потом косячок, теперь вот она здесь – Челси просто бесконечно мила, от этого я теряю контроль над собой.

Она морщится от моего набора слов, затем наклоняется и расстегивает рюкзак, думаю, в поиске обещанных распечаток. Я разглядываю задницу, слегка наклонив голову для лучшего обзора, и тут она поворачивается и застает меня за этим занятием.

Прищуривает глаза. Какая подозрительная малышка.

– Ты что, разглядываешь меня?

Решаю не скрывать очевидное. Никаких дурацких игр сегодня.

– Да. – Медленно поднимаю голову, словно она весит по меньшей мере тонну. Обычно травка не лишает меня красноречия, но сегодня язык меня почему-то совсем не слушается. – У тебя просто отлич…

– Отлично что? – Она выпрямилась, уперла руки в бока и ждет моего ответа.

– Все отличное, – увиливаю я, не желая делать акцент на заднице. У Челси есть нечто большее, чем просто красивая фигура. – Я прямо подыхаю с голоду. Давай закажем пиццу?

Ну вот, она снова скривилась от моей грубости. Это так мило, что заставляет меня продолжать говорить таким образом, чтобы снова увидеть это выражение лица.

– Есть хорошая китайская закусочная. Мне нравится их еда. Ты любишь китайскую кухню?

– Конечно, – пожимаю плечами, стараясь не замечать урчание в животе. Я так голоден, что съел бы сейчас и кусок картона. – Звучит здорово. Номер есть?

– Могу я заказать? – она вопросительно смотрит, покусывая нижнюю губу таким невинным, но чертовски сексуальным образом, что, глядя на нее, мне самому хочется укусить ее за эту пухлую губку. Захватывать и тянуть зубами, пока она не начнет стонать, а затем успокоить боль языком…

– Как пожелаешь, – говорю я как под гипнозом. Эта девчонка словно околдовала меня. Непонятно лишь, как. Или почему.

Она улыбается, хватает рюкзак, плюхает его на стол и начинает копаться в нем.

– У них довольно недорогая еда. Я знаю, что заказать. Я заплачу.

– Черта с два, – хватаю ее за запястье, когда она вытаскивает руку с телефоном из недр рюкзака. – Ты точно не станешь платить, потому что плачу я.

– Я не против. – Она смотрит на свою руку, которую я продолжаю держать. Интересно, она чувствует то же, что и я? – Но ведь идея с китайской едой моя.

– Мне тоже хочется китайской еды. – Я обхватываю пальцами ее тонкое запястье и чувствую, как под кожей бьется пульс. Мне хочется намного больше, чем китайской еды. Мы словно говорим на некоем секретном языке. Говорим одно, но подразумеваем совсем другое. Во всяком случае, я.

– Ладно. Я заказываю, а ты платишь. – Она не пытается вырваться, и я, пользуясь ситуацией, медленно и легонько поглаживаю большим пальцем внутреннюю сторону запястья. Клянусь, что чувствую, как она дрожит, а когда поднимаю глаза, то вижу, что она смотрит на меня так жадно, словно готова проглотить.

– Договорились. – Я отпускаю руку, и меня накрывает волна разочарования.

Невероятно, но между нами есть некая химия. Если сегодня ничего не случится, боюсь, я взорвусь. По крайней мере, после ее ухода мне придется дрочить, словно я ненормальный извращенец, нуждающийся в постоянном облегчении.

Я хочу ее, но не могу получить. Меня влечет к ней, хотя и не должно. Я под кайфом, но дело не в травке.

Меня прет от Челси.

Челси

Он выполняет задания быстрее, чем я думала. Конечно, Оуэн умный. Я достаточно осведомлена о его успеваемости, чтобы понимать: ему просто не хватает усердия и сосредоточенности. Его прошлые оценки это доказывают. Учеба в колледже расставляет все по местам. Это тяжело, но ты либо преуспеваешь, либо проваливаешься.

Я вырвалась вперед. Учебная программа и сложность курсов сразу дали мне такую мотивацию, что я с головой ушла в учебу и беспрестанно грызу гранит науки. Никому нет дела до того, сколько мне лет; прошлое не имеет значения. Я могла бы вписаться в новую среду, стать иным, совершенно свободным человеком.

Но я не свободна. Я все еще связана по рукам и ногам чувством вины перед матерью и гневом к отцу. В глубине души я все еще испуганная, чересчур умная пай-девочка, которая боится окунуться в реальную жизнь, опасаясь почувствовать боль.

От мальчишек одни проблемы, поговаривала мама. *А когда они становятся мужчинами, то доставляют еще больше неприятностей. Будь сама по себе, милая. И рассчитывай только на себя. Все остальные тебя просто разочаруют.*

Мне было пятнадцать, когда мама поделилась со мной этими так называемыми житейскими премудростями. Это случилось за год до окончания средней школы. Я знала, что у родителей не все гладко. Лет в одиннадцать я подслушала тайный разговор между папой и одной из его любовниц и поняла: он изменяет маме.

Он не любил ее. А если он не любил ее, то не любил и меня. Вот во что я верила в пятнадцать. Я слушала маму, когда она говорила, что мужчины – зло, что они ужасно относятся к женщинам. Она говорила так от злости, потому что он ее обманывал. Но потом он ласковыми речами убеждал ее, что она одна-единственная у него, и она тут же менялась. Ее противоречивое отношение к отцу, их вечные ссоры и разногласия вызывали у меня недоумение, особенно по части отношений с мужчинами.

Я не общаюсь с отцом, хотя он пробовал наладить отношения. Звонил несколько раз, но я никогда не прослушиваю автоответчик с его сообщениями из тюрьмы. Ему уже давно пора понять, что я не намерена иметь с ним дело.

Однажды мама была в настроении проработать меня на тему

отношений с отцом. Она сказала, что мне следует поехать и поддержать его. Поэтому в прошлом году, еще до вынесения приговора, я приехала к нему в тюрьму. Он пообещал, что его оправдают и скоро отпустят. Он был так убедителен, что я поверила.

Вернувшись домой, я упрашивала маму отпустить меня на судебное заседание.

Хотела увидеть своими глазами, как его освободят, чтобы мы могли порадоваться вместе. Она не разрешила. Почему? Я была слишком мала и не справилась бы с ситуацией.

Я была настолько сбита с толку, что убежала к себе в комнату и долго рыдала в подушку, полагая, что мама меня не поняла. Сначала она просила поддержать его, а потом не пустила в суд. Это же нелепо!

Теперь я рада, что меня там не было. Отца признали виновным и отправили обратно в тюрьму. Он был в шоке. Мама все время плакала.

Мужчинам нельзя доверять, сказала мама этим летом, перед тем как отправить меня в колледж. *Но тебе это уже известно. Ты умница! Учись хорошенько. Получи образование и построй карьеру. А после уже можно подумать о муже и детях, если действительно захочешь иметь семью.*

Последние слова она произнесла так, словно предпочла бы видеть меня лесбиянкой, а не рядом с хорошим мужчиной. Типичная для мамы речь, в духе «К черту мужчин!». Забавно, учитывая, что она не поверила мне, когда я пришла к ней со своими сомнениями относительно своей сексуальной ориентации.

Сидя рядом с Оуэном, я задаюсь вопросом, что подумает мама, если я стану с ним встречаться. Что она скажет, если приведу его домой и представлю своим парнем? Вероятно, она скажет: беги, деточка. Вся его жизнь – сплошной хаос. Проблемы с наркотиками. Проблемы с алкоголем. Проблемы с учебой. Всевозможные проблемы.

Он *сам* огромная проблема… для меня. Ведь меня тянет к нему, несмотря на все доводы моего слишком острого, изощренного ума. Все знаки опасности, которые я обычно подмечаю, остались без внимания. Вместо этого я возбуждена до предела и отзываюсь всем телом на все его жесты и слова. Он сидит за ноутбуком рядом со мной, сосредоточившись на очередном задании, а я готовлю план урока для одного из студентов, с которым встречаюсь завтра.

Мы съели китайскую еду, как только ее доставили. Мне было приятно, что ему понравилось. Он ел с большим аппетитом, а вот мой медленно исчезал, уступив место бабочкам, трепещущим в животе. В его присутствии я постоянно нервничаю, потому что осознаю, что хочу его,

чего раньше со мной никогда не случалось. Я никогда не чувствовала к парням ни малейшего притяжения. И всегда думала, что хочу кого-то вроде… себя. Тихого, терпеливого ботаника. Некоего спокойного, застенчивого всезнайку-зануду.

Оуэн совершенно не такой. Он великолепный, сексуальный и харизматичный. Высокий, широкоплечий спортсмен. Говорит и делает, что хочет, не задумываясь. Он ведет себя так, словно может все.

Что плохого в моем желании отдаться ему? Господи, я чувствую, что краснею от одной только мысли об этом. Как можно сказать что-то подобное вслух, тем более ему?

Я всю жизнь провела как во сне. Ничего не замечала, кроме учебы, и пряталась за ней как за ширмой. Мой отец стал героем самого большого скандала в городе – да что уж там, во всей Калифорнии – и все-таки я прячусь. Никто не знает Челси Симмонс.

Никогда не хотела, чтобы кто-нибудь знал меня… до Оуэна.

Мама решила бы, что я сошла с ума, просто подумав о чем-то подобном.

– Ты в порядке?

Меня окутывает его бархатный голос, я поднимаю голову и вижу, что он смотрит на меня. Его брови нахмурены, а губы чуть изогнуты, словно он… смеется надо мной.

Я снова прикрываюсь своей осторожностью как плащом и отворачиваюсь от него, уткнувшись в учебник, хотя от волнения не могу прочесть ни строчки.

– Все в порядке. Почему ты спрашиваешь?

– Ты уже довольно долго не моргая смотришь в одну точку. – Когда я снова поднимаю на него глаза, то чувствую, как во мне зарождается страх. Он пожимает своими широченными плечами и выглядит смущенным.

– Просто наблюдал за тобой.

Теперь я смотрю на него во все глаза. Наблюдал? И запросто в этом сознался?

– Я просто…

– Задумалась? Выглядишь взволнованной. – Я сижу затаив дыхание, не смея шелохнуться, когда он протягивает руку и проводит пальцем по моей нижней губе. – Боялся, ты ее съешь.

Хочется сквозь землю провалиться! И потому, что он прикасается ко мне, и потому, что заметил мою дурную привычку.

– Раньше я могла искусать ее до крови. – Ну и с чего вдруг я в этом призналась?

Он хмурится.

– Тебя что-то беспокоит?

Он и понятия не имеет.

– Вроде того. – Постараюсь разыграть эту карту. – На самом деле я никогда не… умела налаживать контакт с людьми. – Серьезно? Теперь я призналась в своей асоциальности? Что со мной не так?

– Верится с трудом. – С удивлением он откидывается на спинку стула. Футболка задирается, слегка обнажая плоский живот, и я машинально смотрю туда. – Почему?

Меня словно парализовало. Я завороженно смотрю на тонкую полоску темных волос, идущую вниз от пупка и исчезающую под джинсами.

Во рту мгновенно пересохло, и я умираю от желания провести по ней пальцем.

– Да я вечно была кем-то вроде заучки. Досрочно сдала все тесты, и меня перевели через класс. Школу я окончила в шестнадцать.

– Правда? Значит, ты вундеркинд? Сколько тебе лет?

– Почти девятнадцать. Я младше сокурсников, – говорю я, предвосхищая его следующий вопрос.

– Ого. Неудивительно, что ты репетитор. Он смеется и качает головой. – Ну вот, теперь я чувствую себя тупицей.

Не стоило рассказывать. Всем становится не по себе, когда они узнают о моих способностях. А на деле не такая уж я и способная. Ну да, я отлично запоминаю материал, обладаю фотографической памятью, быстро читаю… Ничего особенного.

– Ты не тупица, – мягко говорю я.

Он снова нормально садится на стул и широко улыбается.

– Ты сейчас сказала именно то, что я услышал?

– О чем ты? – А когда понимаю, то закатываю глаза. – Да-да-да. Я сказала плохое слово.

– Это еще не *плохое слово*. – Улыбка становится еще шире, а сам он – просто неотразимым. Я чувствую, как еще секунда – и я улыбнусь в ответ. – Скажи-ка теперь «черт побери»!

– Ни за что. – Я качаю головой и все же не могу сдержать улыбку. – Это самое распространенное ругательство.

– Ну, скорее, универсальное. Его можно использовать по-разному. – Он поднимает руки и закладывает их за голову: локти согнуты, ладони обхватывают затылок, бицепсы натягивают рукава футболки. Все это заставляет мое тело трепетать.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– То, что оно может быть существительным, прилагательным, наречием. Чертовски волшебное словечко. – Он смеется, когда я строго смотрю на него. – Серьезно.

– Докажи примерами его волшебство. – Я что угодно могу превратить в урок. Мне уже пора уходить, и ясно, что заниматься я просто не в состоянии, когда он так на меня смотрит и ведет фривольные разговоры. Концентрация потеряна.

Но сейчас мне все равно.

– Итак, существительное. «Челси умная как черт».

О господи!

Что, и правда существительное?! Ну ладно, спорить не буду.

– Можно использовать и как наречие. Вот так: «Челси чертовски умная».

Хочется рассмеяться, но я поджимаю губы. Конечно, он видит это и во что бы то ни стало хочет рассмешить меня, но я не поддаюсь.

– Или вот другой пример. «Оуэн чертовски хочет… – Его усмешка гаснет, в один миг выражение лица меняется от забавного к обольстительному. Он опускает руки и пожимает плечами. – Ну, в общем, ты понимаешь.

Мое тело словно превращается в желе. Я *знаю*, о чем он говорит. Но имеет ли он в виду именно меня?

Невозможно.

– Да уж, – наконец-то говорю я, захлопывая учебник. – Мне действительно пора идти. Скоро нужно быть в кафе.

Встаю и начинаю собирать вещи, боясь встретиться с ним взглядом. Он тоже поднимается, хватает грязные тарелки и складывает их перед тем, как отнести на кухню. Я смотрю, как он уходит, пытаясь выровнять дыхание и унять сумасшедшее сердцебиение.

Он ведь не произнес, что я та, кого он действительно хочет… Даже думать не могу об этом. Прижимаю руки к щекам и чувствую, что они горят. Интересно, он заметил, что я покраснела?

Надеюсь, нет.

Он возвращается к столу, останавливается прямо передо мной, захватывая пальцами спинку рядом стоящего стула так сильно, что белеют костяшки.

– Я тебя обидел?

– Чем? – Я застегиваю рюкзак и перекидываю его через плечо, прежде чем полностью повернуться к Оуэну.

– Своими «чертовыми» разговорами. Это тебя расстроило? Я просто

хотел немного подразнить тебя. Ничего дурного я не имел в виду. – Он смотрит в пол с видом раскаяния и беспокойства. Я смотрю на его длинные и густые ресницы и золотисто-коричневую щетину на лице, к которому мне так хочется прикоснуться.

Когда он поднимает глаза, чтобы снова встретить мой взгляд, я теряюсь в красивых зеленых глазах. Лишь затем вспоминаю, что *именно* он сказал и за что пытается извиниться. Он вовсе не намекал на то, что хочет… *меня*. Боже упаси, если ввел в заблуждение.

– Я поняла. Правда. – Я фальшиво улыбаюсь. Чисто механически приоткрываю рот и обнажаю зубы. – Не забудь завтра выполнить задания.

Я поворачиваюсь и спешу к двери. Сердце с каждым шагом колотится все быстрее, и нужно скорее сбежать отсюда. Не могу больше. В присутствии Оуэна я теряю голову. Он слишком соблазнителен.

А я – определенно нет.

– Не забуду. – Он молниеносно возникает позади меня и хватается за ручку двери, чтобы открыть ее.

– Челси, прости, если я смутил тебя. Я не хотел.

Я стою в дверях, на краткий миг закрыв глаза, когда он произносит мое имя. Мне нравится, когда он зовет меня по имени. Но это неправильно. Мне вообще не должен нравиться Оуэн Макгваер.

– Ты не смутил. Все в порядке. Мне просто… нужно идти на работу. Спасибо за китайскую еду.

И с этими последними, совершенно нелепыми словами я выбегаю из его дома, словно за мной гонится сам дьявол.

Глава 8

«Жизнь без любви как дерево, что не цветет и не плодоносит».

– Халиль Джебран[10]

Оуэн

– Как занятия? Оценки улучшились? – рассеянно спрашивает Фэйбл. Я слышу отголоски детского агуканья и понимаю: у нее на руках Отэм. Фэйбл больше не может сосредоточиваться только на мне. Теперь она живет в режиме многозадачности.

Порой мне хочется вернуть прежние деньки, когда казалось, что есть только я и Фэйбл, одни против всего мира, и мы делаем все возможное, чтобы выжить. Тогда я мог сбежать, зависнуть дома у Уэйда и просто бездельничать. А домашнее задание было наивысшей формой ответственности в жизни.

Да, и еще забота о Фэйбл и маме всегда лежала грузом на плечах.

И все еще лежит.

– Улучшились. В конце прошлой недели выполнил целую кучу заданий. – Мне даже разрешили прийти на субботнюю игру, правда, выйти на поле не дали. Я сидел на скамейке запасных, разминался и готовился вступить в игру, но тренер не позволил.

Кажется, он сделал это исключительно в воспитательных целях.

Посмотри, чего ты хочешь лишиться!

И это сработало. Почти все воскресенье я убил на подготовку портфолио по классу творческого письма. И тем же вечером, когда явился на свою дурацкую четырехчасовую смену, попросил босса в «Квартале» дать мне больше часов. А сегодня собираюсь пойти на тренировку после встречи с Челси и надеюсь впечатлить тренеров новыми оценками, чтобы мне разрешили играть.

Жизнь снова налаживается. Я возвращаюсь на истинный путь, и это здорово.

Но что-то не дает мне покоя, зудит над ухом, словно надоедливая муха.

Челси.

Она по-прежнему злится на меня. Я уже был на занятии после того рокового вечера у меня дома, и она держала дистанцию. Вела себя не холодно и не стервозно, но… отстраненно. Только учеба, никакого дружелюбия, а когда урок закончился, сорвалась с места и сразу вылетела вон. Даже не попрощалась.

Отстой!

– Твой тренер звонил Дрю, – беззаботно говорит Фэйбл.

Я рухнул на стул, заваленный ворохом одежды, которую вечно там

бросаю, откинул голову назад и закрыл глаза. Теперь все либо очень хорошо, либо очень плохо.

– Что он сказал?

– Он впечатлен твоей игрой и хочет вернуть тебя в команду. Дрю сказал, тренер намерен снова работать с тобой и ждет не дождется, когда ты исправишь оценки. – Она делает паузу. – Похоже, у тебя получилось. Я горжусь тобой, Оуэн.

– Преподаватель английского сказала, что поговорила с моим репетитором и новые оценки будут выставлены через несколько дней, – говорю я.

– Потрясающе. Значит, все хорошо с репетитором? Вы поладили? Тебе нравится заниматься?

Мне бы точно понравилось *заниматься* с ней, только не уроками. Но мне это не светит. Я все испортил, обидел ее своим хамским поведением и дебильными шутками.

– Она милая. И очень умная.

– Симпатичная?

– Не торопи события, Фэйбс. – Я открываю глаза и смотрю в потолок. Челси не просто симпатичная. Она красивая. Умная. Сладкая. И ненавидит меня, потому что я идиот, страдающий приступами словесного поноса и мальчишеского кретинизма каждый раз, когда она рядом.

– Значит, думаешь, что она симпатичная.

– Я не в ее вкусе. – Слова вылетели раньше, чем я осознал, что делаю. Вообще-то, я не собирался делиться этим с сестрой.

– Да брось! Любая девчонка от тебя без ума. Ведь ты красивый, умный и играешь в футбольной команде. Какая девушка откажется от такого парня? – Она хохочет. – Хотя о чем это я? Я же сама бежала от Дрю что было сил, когда впервые встретила. Может, ты ее пугаешь?

– Вовсе нет. – *Она меня* пугает. Челси держит все под контролем, а я как полный придурок шатаюсь без дела, курю травку, позволяю собственной матери тянуть из меня деньги и не в состоянии навести порядок в собственной жизни без посторонней помощи. – Почему я, вообще, говорю с тобой об этом? Между мной и Челси ничего нет.

– О-о-о, *Челси*. Твой голос меняется, когда ты произносишь ее имя. Становится мягким и нежным. Думаю, она тебе нравится. – Фэйбл всего лишь дразнит меня и даже не догадывается, насколько она близка к истине.

Она мне *действительно* нравится. Без всякого там «*эй, давай по-быстрому перепихнемся, детка!*». Мне нравится разговаривать с ней, смотреть на нее, да и просто быть рядом. Мне мало тех крох, что она

рассказала о себе, я хочу знать о ней больше. Намного больше. Но я не давлю на нее. Боюсь спугнуть ее. У меня полно мрачных тайн, узнав о которых Челси сбежит от меня как от огня.

Да и сама Челси – настоящая тайна. И я отчаянно хочу ее разгадать.

– Да не менялся мой голос. – Господи, может, Фэйбл и стала женой и матерью, но она по-прежнему моя сестра-заноза.

– Менялся. Скажи еще раз ее имя.

– Нет. – Встаю со стула и подхожу к зеркалу на двери спальни. Мне нужно надеть рубашку и собираться в колледж. И, пожалуй, надо еще принять душ… Потому что сегодня я увижусь с Челси.

Придурок.

– Давай же, Оуэн. Скажи. Тебе что, слабо?

Черт. Она знает, куда надавить, чтобы добиться своего.

– Ладно. – Я глубоко вздыхаю. Думаю, Фэйбл наслаждается происходящим.

Поправочка: я *знаю*, что она наслаждается. Мне ее не хватает. И она тоже по мне скучает. Плохо, что она так далеко, но не стоит жаловаться. Дрю мог бы играть в команде, тренирующейся на другом конце страны, и тогда я вообще не мог бы с ними видеться.

– Хорошо. Повторяй за мной. – Она делает паузу, и я снова слышу агуканье ребенка. Ах этот мягкий, нежный, поражающий точно в сердце звук. Блин, как бы я хотел быть сейчас там, с ними. – Я влюблен в Челси.

Теперь моя очередь смеяться.

– Такого я точно не говорил.

– Вот вредина. – Она тоже смеется, но немного грустно.

Нам нужно встретиться. Не знаю, когда выдастся время, но хочу увидеть Фэйбл, Дрю и малышку. Посмотреть с трибуны, как играет Дрю. Прошло так много времени.

Я скучаю по семье.

– Я не собираюсь влюбляться. Никогда, – говорю я, отворачиваясь от зеркала, чтобы не видеть себя, несущего подобную чушь. Фэйбл ни за что не оставит без ответа такое самоуверенное высказывание *бравого мачо*.

Вероятно, я сказал это специально, чтобы прекратить эти разговоры о Челси.

– Не стоит делать такие громкие заявления. Ты из тех, кто влюбляется быстро и безвозвратно. Спроси Дрю, – говорит моя мудрая и всегда здравомыслящая сестра.

– Да без разницы. Любовь – для слабаков. – Я падаю на неубранную кровать и смотрю в потолок, зажав телефон между ухом и плечом. – Мне

нужно собираться, Фэйбс. Скоро занятия.

– Будь умницей, ладно? Повеселись там со своим репетитором. Как бишь ее зовут? – она задает вопрос самым невинным образом, пытаясь подловить меня, но я не попадусь на эту приманку.

– Челси, – снова называю ее имя, потому что хочу. Мне нравится, как оно перекатывается на языке. Мой голос действительно смягчился, но я не собираюсь это анализировать.

Результат может мне не понравиться.

– Точно! Челси. – Ее голос нежен. Она из последних сил старается не подтрунивать надо мной. Плутовка! – Не делай ничего, чего бы мне не хотелось сделать с твоей драгоценной Челси.

– Ха, это оставляет широкий простор для фантазии, – смеюсь я.

– Придурок, – добродушно говорит она. – Люблю тебя.

– Тоже люблю тебя, Фэйбс. – Отключившись, я бросаю телефон рядом на матрас и смотрю на вентилятор, лениво наворачивающий круги над моей головой. Сделав глубокий вдох, я чувствую острый запах травки и морщу нос.

Ни в коем случае нельзя приводить девушку в комнату, пока тут витает такой запашок.

Ну-ну-ну, ты ведь думаешь не о какой-то там девушке. Ты думаешь о…

Закрываю глаза и мысленно борюсь со своими чувствами к Челси. Я ее почти не знаю. Мне и незачем ее знать. Через несколько недель занятия закончатся, наши встречи прекратятся, и я ее больше не увижу. У нас с ней совершенно разный круг общения.

Положив руку на грудь, я чувствую, как бьется мое сердце. Удар, еще удар и еще… Ровный ритм означает, что я жив. Но я не чувствую себя *живым*. Все происходит само собой. Много работаю, и все идет по-старому. Бесконечно ошибаюсь, и все равно ничего не меняется. Хожу на занятия, играю в футбол, работаю, накуриваюсь, порой напиваюсь, иногда хочу поколотить Уэйда и Деза.

Намылить. Прополоскать. Повторить.

А затем Челси появляется в моей жизни, и я начинаю думать по-другому. Кажется… я хочу пригласить ее на свидание. На самое настоящее свидание. Раньше мне никогда не хотелось никаких свиданий. Только секса. Никаких обязательств и отношений. Это как раз по мне.

Но все иначе, когда дело касается Челси. Я хочу большего, но сильно сомневаюсь, что она хочет дать мне это.

Челси

Ужасно нервничаю. Время наших еженедельных занятий, и Оуэн может появиться в любую минуту, а я не знаю, что делать и что сказать. В последний раз, когда мы виделись, я была такой строгой и зажатой, что почти не разговаривала с ним. Затем, как испуганная первоклашка, выскочила из класса, даже не попрощавшись.

Наверно, он меня ненавидит.

Я расхаживаю по комнате, потому что слишком взволнована, чтобы усидеть на одном месте. Я то и дело поглядываю на дверь. Неважно, сколько раз я себе повторила, что мне все равно, когда он придет. Я бы предпочла, чтобы он вовсе не приходил.

Я такая лгунья.

Снова тщательно оделась, чтобы, несмотря ни на что, произвести впечатление. Старые потертые, но очень удобные джинсы, в которых мои ноги кажутся длиннее. Не то чтобы меня волновало, как выглядят мои ноги или любая другая часть тела, просто хочу выглядеть красиво. И вовсе не потому, что пытаюсь привлечь его внимание.

Боже, какая же я неудачница. Прекращаю ходить и опускать голову, глядя на ноги. На мне поддельные угги; утром было холодно, так что мне пришлось заправить в них джинсы, и мешковатый кремовый свитер, который сползает с плеча, и видна розовая лямка бледно-розового кружевного лифчика.

С трудом подавляю стон. Все рассчитано до мелочей. Утром, перед занятиями, даже Кэри спросила, для кого я наряжаюсь. Я соврала ей. Она ничего не знает об Оуэне. Ее не волновало, что случилось со мной той ночью, когда я оставила ее с Брэдом. На ее расспросы я ответила, что поймала машину, за рулем оказался мой знакомый, он-то меня и подвез.

Она нисколько не усомнилась в моих словах. В последнее время Кэри сильно изменилась. Знаю, она случайно столкнулась с Брэдом, но он не отнесся к ней с той долей внимания, как ей хотелось бы.

Какая «неожиданность».

Я оборачиваюсь на скрип двери и вижу его. Он выглядит как бог: расстегнутая фланелевая рубашка в сине-красную клетку поверх белой футболки, темные джинсы и почему-то незашнурованные ботинки, а растрепанные волосы и сексуальная золотисто-коричневая щетина лишь дополняют этот потрясающий вид.

Господи, он… бесподобен.

– Привет. – Он тихонько захлопывает за собой дверь, а затем опирается на нее. – Как дела?

Тяжело сглотнув, я откидываю волосы назад, открывая обнаженное плечо и лямку лифчика, которые тут же притягивают его взгляд как магнитом. Кожа горит, словно он коснулся меня рукой, а не взглядом.

– У меня все… в порядке. – Я подтягиваю край свитера, но он снова падает с плеча. Надо было надеть майку.

– Хорошо выглядишь, – говорит он, отталкиваясь от двери и медленно двигаясь ко мне.

Ой. Я не ожидала так скоро услышать комплимент. Я вообще не ожидала комплиментов.

– Спасибо. – Я откашливаюсь, собирая всю волю в кулак. Она мне понадобится, ведь он подходит все ближе и ближе. – Ты тоже.

Он криво улыбается одними губами и подходит к столу, рядом с которым я стою.

– Значит, ты разговариваешь со мной?

Мне приходится задирать голову, когда он стоит так близко, чтобы встретиться с ним взглядом.

– Почему я не должна с тобой разговаривать?

– За прошлую нашу встречу ты и десяти слов не сказала. Казалось, терпишь меня через силу.

– Ты что, считал? – Я флиртую? Совсем на меня непохоже.

– Я думал, ты злишься на меня. – Он поджимает губы, а глаза так и светятся. – Прямо бесишься.

В самом деле? Когда это я злилась на него? Испугалась? Да. Смутилась? О да.

– Знаешь, когда я сказал тебе *некое* слово. – Он словно читает мои мысли. Невероятно! – Ты выбежала из моего дома, будто за тобой черти гнались, а на следующий день почти со мной не говорила. – Он сверлит меня взглядом. – Думал, сегодня ты и вовсе не придешь.

– О, вот *теперь* я обижена. Я *никогда* не пропускаю занятия. Только если болею. Смертельно. – И даже тогда не факт, что пропустила бы. Такое было только однажды с тех пор, как начала работать. Я серьезно отношусь ко всем своим работам.

– Ты действительно обиделась? – Он удивленно изгибает бровь, и мое сердце заходится в бешеном стуке.

Я закатываю глаза.

– Нет. Думаю, это было… просто недоразумение.

– Согласен. – Его голос становится тише, он подвигается ко мне ближе. Настолько близко, что я вижу крошечные золотистые пятнышки в его изумрудных глазах. – Значит, ты не злишься на меня?

– Нет, – качаю головой. – Вообще-то, я тобой горжусь. Ты выполнил все необходимые задания, чтобы подтянуть английский. Уже сейчас у тебя четверка с минусом.

Он самодовольно ухмыляется.

– Остался еще один тест. Готов поспорить, что смогу вытянуть предмет на четверку.

– Не сомневаюсь! А еще я слышала, что через несколько дней ты возвращаешься в команду.

Вытащив стул, на который опирался, он жестом предлагает мне сесть. Я повинуюсь, прекрасно понимая, что его руки лежат на спинке стула. Пододвинув его ближе к столу, он убирает руки, задев пальцами мое обнаженное плечо, отчего меня бросает в жар.

Если я загораюсь от одного невинного прикосновения, то тогда я в большой беде. Что же будет, если мы зайдем дальше?

Мечтать не вредно, Челси.

– Где слышала? – Он садится на стул рядом со мной, как в нашу первую встречу, когда взволновал меня не на шутку, находясь так близко ко мне.

У меня дежавю. Я снова таю. Если он придвинется еще ближе, то коснется меня. Я слабею от одной этой мысли.

– Сегодня утром я встречалась с твоим куратором. Кстати, она курирует еще нескольких моих учеников.

– Ты о старой доброй Долорес? – он усмехается и качает головой. – Как думаешь, сколько ей лет?

Бедная Долорес. В прошлом заядлая курильщица; лицо покрыто морщинами, а голос настолько хриплый, что я приняла ее за мужчину, когда говорила с ней по телефону. Она милая и, вероятно, должна была уйти на пенсию еще лет пять назад.

– Не знаю. Пятьдесят?

Он смеется и качает головой.

– Надеюсь, это шутка.

– Что и говорить! – я улыбаюсь и открываю рюкзак, роюсь в нем в поисках его учебного плана. – Слышала, ей за семьдесят.

– Я бы не удивился, будь ей за девяносто. – Он указывает подбородком на открытый файл. – А это зачем?

– Если ты разобрался с английским, то это не значит, что тебе больше

нечего делать. – Я прижимаю край файла указательным пальцем. – Тебе еще нужно поработать над портфолио для курса по творческому письму.

– Да, – он качает головой. – Кстати, об этом. Могу я просто отказаться от курса? Он ведь по выбору?

– Ну, боюсь, что уже поздно. Если бросишь сейчас, в твоем аттестате появится большой уродливый прочерк, который испортит тебе общую картину успеваемости. – Я придвигаю файл к себе и просматриваю список заданий, которые ему нужно выполнить. Его нужно всего лишь немного подстегнуть. – Думаю, ты хорошо пишешь. Многое из того, что нужно сделать, не слишком сложно.

Он выпячивает грудь.

– Я пишу не просто хорошо, а отлично.

– Докажи. – Я подталкиваю лист с заданием к нему, чтобы он мог прочесть. – Напиши что-нибудь. Стихотворение или что-то в этом роде.

Он смотрит на список, затем на меня.

– Любишь писать стихи?

Я морщу нос. Я весьма далека от богемы и предпочитаю факты и цифры. Моя стихия – это математика и история. Хотя, если постараюсь, пишу неплохие сочинения. Откровенно говоря, не меня должны были назначить Оуэну в репетиторы. Для его случая я не самый лучший вариант, но из тех, кто готов был взяться за работу, выбрали меня.

– На самом деле нет.

– Думал, всем девушкам нравится писать о любви и печали.

Так вот о чем он пишет! Сомневаюсь. Хотя кто знает?

– Я не похожа на большинство девушек.

– Знаю. – Его улыбка становится нежнее, когда он смотрит прямо в глаза. – Это мне в тебе нравится больше всего.

Упс. Я пропала. Я на крючке.

Глава 9

«Прикосновение любви любого сделает поэтом».

– Платон[11]

Оуэн

Я ломаю голову над заданием. Обычно я не пишу стихи. Пытался, когда хотел во всем походить на Дрю Каллахана, но ничто и никто не вдохновляли моего внутреннего поэта, поэтому я забросил стихоплетство еще в конце первого курса.

До сих пор не могу поверить, что рассказал ей об этом. Словно перед приходом я принял сыворотку правды и теперь не могу соврать. Хотя не возражаю. Здорово, что можно не темнить и говорить то, что хочешь. То, что происходит между мной и Челси, не просто секс или мимолетное свидание, больше похоже на дружбу.

Верно. Я подружился с девушкой, но мне все же смертельно хочется ее раздеть. Ее свитер нереально сексуален. Постоянно сползает с плеча, обнажая молочно-белую кожу и лямочку кружевного лифчика. Пальцы так и чешутся отодвинуть ее и поцеловать кожу под ней…

Отстой.

– Должно быть что-то, о чем тебе хотелось бы написать стихотворение, – говорит Челси.

Подняв глаза, встречаю ее выжидательный взгляд, лучистые глаза и очаровательную улыбку. Я улыбаюсь в ответ, совершенно теряя дар речи. Мне нужна тема, и быстро. Ладно, что если она мне с этим поможет?

– А вот скажи мне, какое у тебя второе имя?

Она хмурится.

– Зачем тебе это?

– Ну все-таки?

– Хорошо. Роуз, – она закатывает глаза. – Меня назвали в честь бабушки.

– Челси Роуз. – Имя легко сходит с языка. Мне нравится.

– Дурацкое, правда? – от неловкости она смеется, и мне это не нравится. Хочу, чтобы рядом со мной ей было комфортно. Интересно, сколько у нее было парней? Такое чувство, что их число стремится к нулю. Узнай я такое о любой другой девушке, я бы просто сбежал от нее.

А вместо этого я сижу здесь, думая о том, чему мог бы научить Челси. Когда мы будем обнаженные. В моей кровати.

– Нет, совсем нет, – говорю я. – Оно красивое.

Она перестает смеяться.

– Правда?

– Правда, – уверенно говорю я. Неужели никто и никогда не делал ей комплиментов? Порой кажется, что она жаждет их услышать. Но не как истеричная девчонка, а, скорее, как медленно раскрывающийся цветок, который тем ярче и красивее, чем больше его поливают и разговаривают с ним…

Хм. Уму непостижимо.

Я думаю о татуировке Дрю, сделанной для Фэйбл. Он всегда писал ей маленькие стишки, в которых первые буквы строк составляли слова. Дурацкая, сопливая чушь, лишавшая Фэйбл самообладания и заставлявшая ее плакать и зацеловывать Дрю, лепеча разные глупости.

Я помню день, когда врезал Дрю в челюсть, – одно из моих любимых воспоминаний, но не потому, что я ударил Дрю, а потому, что чувствовал себя разъяренным и жестким парнем, думающим только о безопасности сестры. Я знал, что, как настоящий герой, могу не раздумывая кинуться на ее защиту. Осознание этого делало меня сильным.

Я почувствовал себя мужчиной.

Опять же, не могу отрицать, что то, что я одним ударом уложил Дрю Каллахана на землю, выглядело весьма эффектно. Конечно, на моей стороне был фактор неожиданности, но все же. Я всей школе рассказал, как врезал ему. Кое-кто даже поверил мне, чем я очень гордился. Хотя большинство отнеслось скептически к моим россказням.

Но я-то знаю правду.

– Тебе пора взяться за задание, – говорит она, не слишком воодушевленная перспективой читать мои стишки. Хм, а у нас с ней больше общего, чем казалось поначалу. Она указывает на мой рюкзак, стоящий на полу.

– Ноутбук с собой?

– Ну, да. – Достаю ноутбук из рюкзака и включаю его. Открыв чистый файл, я смотрю на мигающий курсор в начале строки. Вечно хочется тюкнуть его, потому что кажется, что он насмехается надо мной. Я начинаю печатать нечто совершенно глупое.

Р*еальная*
О*ткрытая*
У*дивительная*
З*астенчивая красавица*

Чушь. Совсем не то. Это конек Дрю, не мой. Да и Челси не так уж и

открыта со мной. Только пока.

Пробую несколько иначе.

Прелестная свежая роза с колючими шипами
Застенчиво рдеет. Не покорилась никому.
Завоевать ее пришел, касаясь пальцами
Сначала медленно и нежно, лепестки раскрывая…
Лаская, привлекаю ближе.
Ближе.
Пока не сомну ее всю.
Лепестки раскрыты, красота измята
Моей рукой.
И теперь она
Моя Вселенная.

– Ну? Написал?

Ее голос врывается в мои мысли, я поднимаю глаза и встречаю ее открытый и ласковый взгляд. Она уперлась локтем о край стола и подперла рукой подбородок. Само очарование! Прекрасные голубые глаза сверкают, как ясное летнее небо… Ага, а вот и веснушки, рассыпанные по переносице. Интересно, сколько их там? Подпустит ли она меня так близко, чтобы сосчитать?

– Хочется верить, что ты написал нечто замечательное. Прошло почти полчаса, – произносит она.

– Полчаса? – Не может быть… Я смотрю на часы на экране компьютера и понимаю, что она права. – Э-э-э… да, кое-что вышло. Впрочем, это грубый набросок. Нужно еще поработать. – А точнее, вообще переписать.

Стих о сексе. О том, как я довожу Челси до оргазма одними лишь пальцами.

Господи. Что со мной происходит?

Ты хочешь ее. Вот что происходит.

– Могу я прочесть? – Она пододвигает свой стул и заглядывает в монитор. Я резко захлопываю крышку ноутбука, и она отодвигается обратно, расстроенно поджав свои соблазнительные губы. – Видимо, нет.

– Получилось очень грубо. – Я слабо улыбаюсь, а она смотрит на меня, словно пытается проникнуть в мой разум. Не сводя с нее глаз, я изо всех сил стараюсь скрыть свое волнение. – И вроде… интимно.

– О, – она моргает и откидывается на спинку стула. – Извини.

– Не извиняйся. – Пытаясь смягчить свою грубость, я беру ее за руку. Ее тоненькие пальцы оказались холодными, я сжимаю их, чтобы согреть. – Это я должен извиниться. Просто вышло… не очень. Нужно доработать. – Точнее, удалить этот бред и начать все сначала.

– Уверена, все в порядке. Просто добавь его в портфолио. Не переживай. – Она пытается вырвать руку, но я не отпускаю. – У тебя есть принтер?

– Есть. – Разговор явно свернул не туда. Я только что писал о том, как заставить Челси кончить, и теперь мы говорим о принтерах и прочей ерунде. Нужно вернуться в прежнее русло. – Челси, давай сходим куда-нибудь?

– Что? – Она раскрыла рот от удивления и на этот раз с силой вырвала руку из моих ладоней, чем напомнила цветок, который я описал в первых строках стихотворения. Цветок, который мне пришлось осторожно уговаривать раскрыться. – О чем это ты?

– Какие у тебя планы на вечер? Работаешь сегодня? – Мне не нравится ее дурацкая работа в закусочной. Лишний повод для беспокойства о Челси.

Она медленно качает головой.

– Нет. Сегодня у меня выходной, но вечером я начну делать одно задание.

– Когда нужно сдать? – Если она мне откажет, не буду больше спрашивать. Столько унижения парню не пережить, и я не лгал Фэйбл, когда сказал, что считаю себя недостойным Челси. Отказ лишь подтвердит мою правоту.

– Прямо перед Днем благодарения, – признается она, и я усмехаюсь.

– Челс, это же только через несколько недель.

– Знаю. Мне нравится заранее быть ко всему готовой. – Она замолкает и опускает взгляд, чуть приподняв оголенное плечо, до которого я до смерти хочу дотронуться. Провести по бледно-розовым кружевам лямки лифчика, подцепить ее пальцем и медленно спустить с плеча. – Ты думаешь, я ненормальная?

– Нет, скорее, скромная. – Она поднимает голову, глаза так широко раскрыты, что, кажется, выпрыгнут из орбит. – Челс, я здесь из-за тебя. Так ты хочешь пойти со мной куда-нибудь сегодня вечером?

– Ох. – Она снова моргает и откидывается на спинку стула. – Приглашаешь меня на свидание?

– Да. Приглашаю. – В ближайшие дни моя жизнь превратится в ад. Я вернусь к работе и тренировкам. Не будет времени для девчонок. Для

Челси.

А значит, я не должен обманывать ее и давать ей ложную надежду. Но, черт возьми, сидя здесь, вдыхая ее запах, любуясь красивым лицом, на котором написаны все ее чувства и мысли, я понимаю, что должен пригласить ее. Я хочу пригласить.

Хочу быть с ней. Пусть только сегодня, пусть всего несколько часов. Нам не нужно ничего делать. Я ничего не жду. Она не из тех, с кем можно замутить по-быстрому. У нее достаточно самоуважения. Я тоже ее уважаю.

Но кто сказал, что я не могу поцеловать ее? Клянусь, что попытаюсь узнать вкус этих мягких розовых губ еще до конца вечера.

– Хорошо, – говорит она еле слышным голосом. – Я пойду с тобой сегодня вечером.

Облегчение наполняет меня как пустой сосуд. Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватить ее и не посадить к себе на колени.

– Хочешь поужинать?

– Хорошо.

– Посмотреть фильм?

– Фильм?

Она пожимает плечами.

– Не особо. Я едва могу досидеть до конца. – Когда я молчу, на ее лице появляется милое, забавное выражение. – Не люблю тратить время попусту.

– Значит, сходить со мной в кино – это трата времени? – Я почти оскорблен.

– Да, ведь я могла бы провести два с лишним часа, разговаривая с тобой. – Она мечтательно улыбается, и, черт… я понимаю, что у нее на крючке.

– Эй, Челси!

– Да?

– Надень сегодня вечером то же, что на тебе сейчас. – Поддавшись желанию, я протягиваю руку и веду пальцем по ее плечу, касаясь лямочки кружевного лифчика. Ее кожа невероятно мягкая. Интересно, она везде такая? – Мне нравится. Очень.

Я чувствую, она дрожит от моего прикосновения, что заставляет мое сердце биться чаще. Оно колотится в моей груди как сумасшедшее.

Черт. Я так сильно хочу эту девушку, что даже страшно.

Челси

– Собираешься на свидание,? – спрашивает Кэри. – Ее голос звучит неуверенно, а на лице написано недоумение.

– Да, собираюсь. – Я расчесываюсь в ванной, а затем с грохотом бросаю расческу на туалетный столик. – Терпеть не могу эти прямые волосы.

– Почему? Прекрасные густые волосы насыщенного оттенка. – Кэри стоит прямо позади меня, совершенно ошеломленная тем, что я собираюсь на свидание. – Итак, ты надела соблазнительный свитерок, оголила плечо и теперь собираешься на свидание. С кем?

Я улыбаюсь. Мне бы хотелось как можно дольше сохранить тайну, но знаю, Кэри будет расспрашивать меня до тех пор, пока я не признаюсь. Она из кого угодно может вытащить все секреты. Ей бы в ЦРУ работать. Она сумела бы там сделать карьеру. Свитер тут совершенно ни при чем.

Ладно, возможно, он сыграл свою роль, хотя мне не хотелось бы думать, что именно благодаря ему Оуэн пригласил меня на свидание. Да, ему понравилось. А *мне* понравилось, когда он отодвинул лямочку пальцем, чтобы прикоснуться к коже.

Хотелось умереть от счастья. Это короткое прикосновение словно прожгло кожу. Я все еще чувствую его, хотя прошло уже больше часа.

И, значит, мне нужно поторопиться, потому что скоро Оуэн приедет за мной.

Я так взволнована, что вот-вот лопну от переизбытка эмоций.

– Не будь такой таинственной стервозиной. – Кэри начинает смеяться, когда я грозно смотрю на нее. Она тоже любит дразнить меня. – Давай рассказывай, с кем идешь. И, пожалуйста, не говори, что это Тэд.

Морщу нос и качаю головой.

– Точно не он. Даже не видела его с той ночи в «Квартале».

– Везунчик! А я встречала его несколько раз, когда была с Брэдом. Все такой же угрюмый, – бормочет Кэри.

Даже не собираюсь расспрашивать о подробностях. Мне все равно. Последний человек, о котором я хочу говорить, – это тупоголовый грубиян Тэд.

– Накрутишь мне волосы, Кэри? Пусть они будут красивыми.

– Они и так красивые, – говорит она, разворачиваясь за плойкой. Берет ее со столика и включает. – Хватит секретничать, Челси. Кто этот

мистический парень, с которым идешь на свидание?

– Вряд ли ты его знаешь.

– Сто процентов?

Смотрю на нее в зеркало.

– Не будь так уверена. – Держу пари, она думает, я встречаюсь с таким же ботаником-неудачником, как сама.

– И вовсе я не уверена. Просто констатирую факт. – Она пожимает плечами, затем берет мою расческу с комода и расчесывает меня. – Точно хочешь завивку?

– Да. – Поджав губы, я цепляюсь за край столика и считаю до трех до того, как признаться. – Это один из моих учеников.

– Какой скандал, детка! Я думала, ты приносишь какую-то страшную клятву и все такое. Расписываешься кровью в том, что не будешь встречаться со своими учениками.

– Ничего подобного. – Хотя это и не одобряется. Конечно, никому, кроме Кэри, я не расскажу, что собираюсь на свидание с Оуэном. Да и кому вообще есть до этого дело? – Он футболист.

Кэри поднимает тонкую бровь.

– Вот это другой разговор. Как его зовут?

– Хм. – Продолжая сжимать край столика, пытаюсь выдавить из себя хоть слово. Он только мой, пока я молчу и держу все в тайне. Признаюсь Кэри, и все: он раскрыт и реален… так странно. – Оуэн Макгваер.

– *Что?* – Визг Кэри настолько неожиданный, что я вздрагиваю, мысленно благодаря Бога, что она еще не начала накручивать мне волосы, иначе обожгла бы меня. – Черт, ты серьезно?

Я киваю. Сердце ушло в пятки. Боюсь услышать, что она скажет дальше. Очевидно, ничего хорошего.

– Все знают, кто такой Оуэн Макгваер. Законченный бабник, Челси, – говорит Кэри с явным беспокойством. – У него ужасная репутация.

– Какая репутация? – Глупо спрашивать, но я должна знать. Это похоже на страшную автокатастрофу, когда вам не хочется смотреть, но вы ничего не можете с собой поделать.

– Он спит с каждой встречной, кутит на вечеринках, пьет алкоголь и курит травку. Постоянно. – Кэри вздрагивает. – Он точно не тот парень, с кем я тебя представляла.

– Потому что он красивый, а я нет? – Она просто вынуждает меня защищаться.

– Никогда такого не говорила. – Она трогает плойку рукой и решает, что та достаточно горяча. – Повернись.

Делаю, как она просит, пытаясь унять гнев, растущий внутри.

– Что ты имела в виду?

– Да просто ты такая правильная и милая, но он… нет. По крайней мере, судя по разговорам. – Она выбирает прядь волос на затылке, накручивает, ждет несколько секунд и медленно снимает с плойки, показывая мне результат в ручном зеркальце. Идеальный локон. – Но тебе повезло, он великолепен. У него потрясающее тело.

Мои щеки вспыхивают румянцем. Так и есть. В Оуэне все великолепно.

– На самом деле он милый.

– О, не сомневаюсь. – Она накручивает еще одну прядь, затем еще и еще. Мы молчим какое-то время. Мне нужно переварить услышанное от Кэри. Не стоит думать, что между мной и Оуэном может все получиться. Кэри права. У нас нет ничего общего, и он определенно не мой тип… не тот, с которым мне что-то светит.

Но я хочу именно такого.

– Когда он смотрит на меня, кажется, что он хочет… что-то сделать со мной, – признаюсь я тихим голосом.

– Ха, даже не сомневаюсь. – Кэри покачивает головой, завивая очередной локон. Мне никогда не удавалось так хорошо уложить волосы. Вечно все порчу, особенно на затылке. – Будь осторожна, Челси. Ты не особо опытна в отношении парней. Не хочу, чтобы он воспользовался тобой.

– Не воспользуется. Я ему доверяю. – Как ни странно, я и правда ему доверяю. Мы знакомы всего пару недель, но я ему доверяю.

Никогда не доверяй мужчинам. Все они хотят только одного. Твое тело. И как только они его получат, то выбросят тебя как вчерашний мусор.

Мамины слова лезут в голову. Я пытаюсь отделаться от них, но тщетно. Меня накрывает до боли знакомое беспокойство. Стараюсь сосредоточиться на чем угодно, кроме маминой ненависти ко всем мужчинам в мире.

Неудивительно, что я хотела стать лесбиянкой. Вечная неприязнь к мужчинам, постоянная необходимость прощать отца и невыносимое мамино поведение любую девушку заставили бы призадуматься о смене сексуальной ориентации.

– Просто… не раздевайся. В конце концов, это ведь твое первое свидание с ним? – Взгляд Кэри встречается с моим в зеркале. – Так ведь?

Не только с ним. Это вообще мое *первое* свидание, хотя я в этом ни за

что не признаюсь.

– Да. Так. Раньше мы только занимались. – Ага, а еще я была у него дома, в его спальне. Я действительно проводила с ним много времени, но без всяких свиданий.

– Позвони мне, если тебе что-нибудь понадобится. *Все* что угодно. Ночью я буду дома. – Она приступает к завивке с правой стороны и справляется с задачей как настоящий профессионал. – Выглядят потрясающе.

– А ты не хотела делать завивку, – напоминаю я ей, не отводя глаз от отражения в зеркале. Кэри права. Волосы чудесно уложены. – Очень красиво.

– Что сказать, талант. А еще у меня есть сестры, а значит, большой опыт. – Она ставит плойку на столик и выключает ее. – Повернись ко мне.

Делаю так, как она просит, позволяя распушить волосы, чтобы они рассыпались по плечам идеальными волнами.

– Тебе лучше не ездить на мотоцикле. Жаль будет потерять такие локоны, – говорит Кэри, хватает баллончик лака для волос и снимает колпачок. – Закрой глаза.

Она брызгает на волосы, кажется, целую вечность, хотя на самом деле несколько секунд.

– Не перестарайся, – предупреждаю я. – Вдруг Оуэн захочет прикоснуться к волосам, а они будут жесткими и липкими? Всякое настроение пропадет.

– Что-что? Хочешь, чтобы твой возлюбленный запустил пальцы в твои прекрасные волосы? – Я открываю глаза и вижу, как она убирает лак для волос, открывает свой ящик с косметикой и рассматривает содержимое. – Можно накрасить тебя?

– Да я уже вроде как накрашена. Немного туши, – отвечаю я. – А в сумочке есть блеск для губ.

Она скептически смотрит на меня. Ее взгляд словно говорит: «Да ты, должно быть, шутишь».

– Меня пугает, что ты говоришь «мой блеск для губ» так, словно он у тебя единственный.

– Да, единственный. Ты же знаешь. – Я особо не крашусь, к тому же у меня нет лишних денег на ненужную мне косметику. У меня есть чудесный блеск для губ от L’Oréal, купленный год назад, и я пользуюсь им экономно.

– Ты просто пародия на женщин, особенно тех, кто умрет за возможность пойти на свидание с Оуэном Макгваером. Он же самый привлекательный парень на свете. И всего лишь второкурсник. Нам еще

долго зависать с ним в кампусе. – Она копается в ящике в поиске разных таинственных вещей. – Я сделаю тебе макияж. Подкрасим глаза, но лицо особо трогать не будем. Губы покроем этим твоим особенным блеском, и тогда он обязательно захочет их поцеловать, когда увидит.

От ее слов щеки горят огнем. Кэри смеется, увидев мое лицо, и качает головой.

– При таком раскладе румяна нам не понадобятся.

Хочется шлепнуть ее за то, что дразнится, но вместо этого я позволяю ей преобразить мое лицо. Она накладывает довольно темные тени на веки, слой за слоем, затем густо красит тушью. Она не дает мне взглянуть на себя в зеркало, так что я томлюсь в ожидании. Мы обе немного взволнованы, я ужасно боюсь, что буду выглядеть смешно.

Но я не могу упустить этот шанс. Мне хочется быть красивой. Для Оуэна. Выглядеть искушенной женщиной, которая точно знает, что делает, а не наивной и глупой девчонкой.

Да он прекрасно знает, кто ты такая, но все же пригласил на свидание.

Я стараюсь не обращать внимания на свой ворчливый внутренний голос.

– Все готово. – Кэри отступает назад, придирчиво оценивая работу. – Что ж, выглядишь великолепно, должна сказать.

– Можно посмотреть? – Она хватает меня за плечи и крутит из стороны в сторону, оценивая с головы до ног – Ну пожалуйста!

– Да. – Она медленно разворачивает меня к зеркалу. – Посмотри, на что способен мастер макияжа.

Я смотрю на свое отражение, потрясенная тем, что вижу. Я выгляжу совершенно иначе. Совсем не плохо, нет ничего лишнего, но я определенно… выгляжу старше. Кожа безупречна, тени для век, которые казались слишком темными, на самом деле подчеркивают синеву глаз, делая их ярче и сексуальнее.

– Ого, – выдыхаю я.

Она подталкивает меня в плечо.

– Говорила же тебе. Твои глаза действительно огромные.

– Точно. – Я критически осматриваю себя со всех сторон. Интересно, что подумает Оуэн. Ему понравится? Некоторым парням не нравится макияж. – Спасибо, Кэри. Отлично вышло.

– Пожалуйста. Переодеваться будешь?

Я качаю головой, опять смущаюсь, и щеки вспыхивают вновь.

– Он попросил оставить этот свитер.

Она смеется, убирая косметику обратно в ящик.

– Почему я не удивлена? Уверена, свитер ему понравился. А еще больше – твой лифчик.

Я закатываю глаза, но смеюсь вместе с ней. Она права. Лифчик ему и правда понравился.

И надеюсь, что смогу понравиться ему еще больше.

Глава 10

«Любовь – это цветок, которому нужно позволить вырасти».

– Джон Леннон[12]

Челси

Глаза Оуэна заметно округлились, когда он зашел за мной. Что ж, выражение его лица стоило тех усилий, которые Кэри затратила на мое преображение. Не то чтобы она задавала слишком много неловких вопросов, просто… мне трудно говорить о нас с Оуэном и о том, что межу нами происходит.

Во-первых, говорить особо не о чем. Во-вторых, все, что происходит между нами, кажется таким новым и особенным, что я не хочу этим делиться.

Я и сама пытаюсь понять происходящее.

На его новой и, на удивление, чистой машине мы едем в ресторан молча. Напряжение между нами настолько сильное, что того и гляди заискрится воздух. Может, я и девственница без малейшего опыта относительно парней, но отнюдь не идиотка.

Мне известно, как он выглядит, как пахнет, как двигается. Все, до малейших движений тела, как, например, напряженность рук, когда он садится за руль и обхватывает его своими широкими ладонями. Его накачанные ноги привлекают мое внимание, и я легко могу представить, как положу руку ему на бедро, медленно сожму, нежно касаясь пальцами внутренней стороны…

Когда он рядом, я чувствую себя смелой. Мне хочется делать то, о чем раньше я даже не помышляла.

Это так волнующе.

Но в то же время пугающе.

Он не переоделся. Остался в том же, в чем был на занятии, чему я очень рада. Мне нравится, как он выглядит в клетчатой фланелевой рубашке и белой футболке, обтягивающей грудь. Но еще больше мне нравится, как он то и дело бросает на меня взгляды и самоуверенно улыбается.

Эта улыбка словно говорит, что все будет хорошо. Чувствую, что я в надежных руках, и верю ему.

– Думаю, тебе понравится здешняя еда, – говорит он, когда мы входим в кафе.

– А я бывала здесь раньше, – говорю, глядя на «барбекю по-монгольски». Простенькая обстановка, большой обеденный зал; обычно тут полно народу.

Но сегодня вечер понедельника, поэтому тут несколько посвободней.

– Уже была? – он качает головой. – И почему я не удивлен? Как бы ни старался, никак не могу произвести на тебя впечатление.

Он пытается произвести на меня впечатление?

– Я люблю ходить сюда со своей соседкой. Тут дешево и еда вкусная.

– Сама составляешь соус или выбираешь по меню?

Что? Иногда Оуэн задает такие странные вопросы.

– Хм, всегда выбираю готовый.

– Так и знал. – Он улыбается, я чуть задираю голову, чтобы встретиться с ним взглядом, и улыбаюсь в ответ. Он так необыкновенно красив, что я даже немного теряюсь, когда рядом с ним. Мы стоим и смотрим друг на друга, пока человек позади нас не начинает покашливать, намекая, что мы перегородили проход.

Мы проходим вперед, освобождая дорогу, и я бормочу извинения мужчине средних лет, заставляя тем самым Оуэна усмехнуться.

Взяв подносы, мы идем к буфету за едой. Выбирая соус, я случайно натыкаюсь плечом на его руку. Боже, он такой твердый. Это как врезаться в скалу из мышц.

Изучая меню различных соусов, останавливаюсь на рецепте, который беру обычно. Несколько ложечек сои, пара терияки… и я никогда не добавляю специи, потому что слабачка.

А еще зануда. Никогда не выхожу за рамки привычного.

Никогда. Все идет по заведенному порядку. Читаю, учусь, выполняю домашние задания, время от времени гуляю с Кэри и работаю, работаю, работаю.

– Жизнь коротка, – говорит он, наклоняясь прямо к моему уху, отчего по телу пробегает дрожь. Он так близко, что я не могу не представить, как его губы касаются кожи. – Забудь про рецепт. Просто набери разных ингредиентов и посмотри, что получится.

Я морщу нос.

– А вдруг мне не понравится?

– Доверься мне. Понравится. Он проходит мимо меня и хватается за ковшик, лежащий в чесночном масле, достает и наливает в мою чашку.

– Но… этого нет в меню, – говорю я, несколько потрясенная тем, как свободно он обращается с моей едой.

Он смеется, а затем выливает пару ложек чесночного масла в свою миску.

– Знаю. Сегодня вечером мы будем немного сумасшедшими, Челс. Предупреждаю.

– А если у меня аллергия на чеснок?

Оуэн поворачивается ко мне, его зеленые глаза широко раскрыты.

– У тебя… аллергия на чеснок?

Медленно качаю головой, немного улыбаясь.

– Нет.

Он резко выдыхает.

– На секунду я испугался.

Сомневаюсь, что его можно напугать.

– Но теперь от меня будет вонять чесноком.

– Ну и что? От меня тоже. – Берет ковшик соевого соуса и добавляет в чашку. – Позже, когда я поцелую тебя, это не будет иметь никакого значения, верно? Мы оба будем пахнуть чесноком.

На мгновение мое сердце перестало биться. Он говорит о поцелуе самым обыденным тоном, словно в этом нет ничего особенного. Возможно, для него так и есть, но для меня…

Это нечто *особенное*. Невероятно особенное для меня. Когда я сравню поцелуй Оуэна Макгваера с теми дурацкими поцелуями, которые у меня были в жизни, уверена, он будет совсем другим, ведь и мое отношение к нему абсолютно иное. Коди Кертис застал меня врасплох, и все вышло ужасно.

Слово «ужасно» вообще неуместно, когда дело касается поцелуя Оуэна. До тех пор, пока я все *ужасно* не испорчу…

Вслед за ним я наполняю свою миску разными ингредиентами, снова и снова прокручивая в голове слова Оуэна. Я чувствую, как во мне зарождается беспокойство. Ожидание убивает.

– Значит, ты собираешься… поцеловать меня сегодня вечером?

Он поливает овощи, мясо и лапшу самодельным соусом терияки, пока они не начинают в нем плавать.

– Сегодня у меня на тебя большие планы.

В его голосе столько обещания, что у меня кружится голова. Я иду вслед за Оуэном к гигантскому грилю-барбекю, где повар берет наши миски с ингредиентами, ставит их на круглую поверхность, разделяя друг от друга огромным металлическим ножом, похожим на меч.

Обычно мне нравится наблюдать за процессом, но сегодня я никак не могу сосредоточиться. Я достаточно хорошо изучила парня, стоящего рядом со мной. То, что он только что сказал, вовсе не случайность. Похоже, он пытается раздразнить меня, заставить нервничать; мне очень жаль, что я не умею читать мысли. Как человек логики я люблю факты и цифры, но то, что происходит между нами, совершенно не логично.

Мне трудно это понять.

Он поворачивается ко мне, наклоняя голову и понижая голос.

– Могу я кое в чем признаться?

Я настораживаюсь.

– Да, конечно.

Оуэн поднимает голову и оглядывается, проверяя, не подслушает ли нас кто. Забавно, учитывая, что рядом никого, а повар, вероятно, слышит только, как скворчит еда на гриле.

– Мне нравилось приезжать сюда под кайфом. Еда всегда казалась намного вкуснее.

Ах вот оно что. Я уже и забыла про ходившие по кампусу слухи о том, что Оуэн Макгваер – заядлый курильщик травки. Думаю, в тот вечер, когда занимались у него дома, он был под кайфом, но точно сказать не могу. Я не эксперт. У меня нет ни малейшего опыта по этой части. Мама и папа полностью оградили меня от наркотиков.

– Ты и сейчас покуриваешь?

– Иногда. – Он пожимает плечами, избегая смотреть мне в глаза.

Я испытываю разочарование, но стараюсь не осуждать.

– Разве в футбольной команде вас не проверяют?

Он бросает на меня быстрый взгляд.

– Есть способы обойти тест, Челс. Поверь.

Невероятно. В голове не укладывается, что он вообще признается в подобном.

– Удивлена, что ты идешь на такой риск. Так много трудишься над улучшением оценок, чтобы вернуться в команду, и тут же признаешься, что балуешься травкой.

– Ну, знаешь ли, я никогда не говорил, что идеален. – Он смотрит вдаль потемневшим от внутренних переживаний взглядом, крепко сжав челюсть. – У меня есть проблемы, а травка помогает забыться.

– Временно, – добавляю я. – Убежать от проблем невозможно, ты же знаешь.

Вы только послушайте: мне бы кто дал такой замечательный совет. Я же вечно убегаю от своих собственных проблем. Или даже, скорее, играю с ними в прятки: делаю вид, что их не существует.

Например, проблемы с отцом.

Оуэн ничего не отвечает, и я боюсь, что разозлила его. *Как бы там ни было*, я тоже не сильно-то довольна им в данный момент. Я еще раз осознала, насколько мы разные. Я – примерная девочка, не сворачивающая с прямой дорожки и не совершающая дурных поступков. Девочка, которая

решила быть очень-очень хорошей, став свидетелем падения собственного отца.

Оуэн – скверный мальчишка. Классика жанра! Невинная, наивная девушка влюбилась в парня, который балуется травкой, играет в футбол и едва может набрать проходной балл на экзамене.

– Готово. – Повар протягивает нам наши миски, и мы идем к кассе, где Оуэн расплачивается за обоих. Я стою позади него. Когда он спрашивает, не хочу ли я содовой, я отказываюсь. То, чего мне сейчас действительно хочется, так это сбежать и спрятаться. Аппетит пропал, чего раньше никогда не случалось, когда я здесь.

Когда мы наконец усаживаемся за маленьким столиком в дальнем углу ресторана, Оуэн наклоняется и смотрит на меня серьезным, полным сожаления взглядом.

– Прости за то, что сказал. Я… стараюсь стать лучше. Это трудно, понимаешь?

Не совсем, но я не собираюсь его ни в чем обвинять.

– Прощаю, – говорю я, хватая вилку и погружая ее в горячую чашку с едой. – Я не осуждаю тебя. Просто… предостерегаю.

– Знаю. – Он вздыхает. – Ты говоришь так же, как моя сестра.

– Это хорошо или плохо?

– Хорошо. – Я ловлю теплый взгляд его прекрасных зеленых глаз и забываю обо всем на свете. Он – это все, на чем я могу сосредоточиться. – Она бы тебе понравилась.

– Расскажи о ней. – Мне бы хотелось, чтобы он все время говорил, а я слушала. Не хочу, чтобы он задавал личные вопросы. Последний человек, о котором мне бы хотелось поговорить, – это мой отец. Или мама, если на то пошло.

– Фэйбл на пять лет старше меня. Она замужем и недавно родила ребенка.

Фэйбл. Какое необычное имя. Я бы не прочь узнать историю ее имени. Судя по всему, такая история есть.

– Точно. Я видела фотографию, и ты говорил о ребенке. Девочка или мальчик?

– Девочка. Ее зовут Отэм.

– Очень мило.

Мы продолжаем говорить за едой. Мой аппетит вернулся в полной мере, как только я почувствовала восхитительный аромат, исходящий от моей миски. Оуэн рассказывает, что вырос здесь, о том, как много значит для него сестра, о ее муже, который оказал на него большое влияние, когда

Оуэн еще был подростком.

Он ни слова не сказал о родителях. Кажется, он даже не знает своего отца. Но как насчет мамы? Какое место она занимает в его жизни? Она бросила детей? Может, все время пропадала на работе? Загадка… Странно, что он ничего не говорит о маме.

Но ведь я и сама никогда не говорю об отце, стало быть, не имею права расспрашивать. Первое свидание – не лучшее время для рассказа о преступнике, который, так уж случилось, воспитывал меня.

– А как насчет тебя? – спрашивает он, прервав мою задумчивость. – Братья, сестры?

Ох. А вот и личные вопросы.

– Нет, – говорю я, качая головой.

– Ты единственный ребенок?

– Да.

Он смотрит меня напряженным, изучающим взглядом, словно пытается прочесть мои мысли.

– Хочешь теперь послушать про мою семью? – Я пожимаю плечами. – Особо нечего рассказывать.

– М-м-м, понятно, – тихо произносит он и делает глоток содовой.

Вот и все. Больше никаких вопросов, никакого давления. Я чуть было не вздохнула от облегчения. С ним я могу чувствовать себя совершенно *нормальной*.

– Эй, ты так и не сказала, как тебе это, – говорит Оуэн, отодвигая пустую чашку. Для такого физически развитого парня, как он, порция вполне подходящая.

– Это? – Я уже наелась. Как обычно, глаза голоднее желудка, и я, как ни старалась, смогла одолеть только половину своей порции.

– Обед с умопомрачительным соусом, который ранее ты не имела удовольствия попробовать? – Он улыбается.

– Ой. – *Блин! Неловко-то как.* Мне совсем не хочется признавать, что это было божественно вкусно. – Вкусно.

– Ну-ну. Ты даже не доела. – Он кивает на миску.

– Просто наелась. Видимо, у меня не такой отменный аппетит, как у тебя. – И, в свою очередь, я указываю на его пустую миску.

– Хм. – Он хватает мою чашку и зачерпывает немного еды, в основном попадается лапша. Судя по его лицу, ему нравится. – Черт, просто здорово. Лучше, чем у меня.

– Да ладно. Я же просто скопировала у тебя. – Я закатываю глаза.

Он смеется и продолжает есть мой обед. Куда все это вмещается?

– Может, это от твоего прикосновения? Потому что это просто восхитительно.

Смотрю на него и восторгаюсь. Он смеется, говорит и ест, как будто ему нет дела до целого мира, но при этом я понимаю, что это всего лишь маска. Оуэн хочет заполучить весь мир целиком. Он как айсберг: большая часть скрыта от глаз.

Но если начистоту, я такая же.

Мой взгляд падает на его губы, и я вижу, что крошечный кусочек гриба прилип в самом уголке.

– У тебя что-то здесь. В уголке рта. – Я указываю ему на лицо, и игривое свечение заполняет его глаза, когда он рассматривает меня.

– Да? Может быть, слизнешь это что-то, – говорит он.

Теперь я действительно потрясена.

– Серьезно?

Он склоняет голову, совершенно не беспокоясь о том, чтобы убрать прилипший к губе кусочек еды. Уверена, он просто дразнит меня: упрашивает наклониться над столиком и облизать уголок рта.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он.

– Что ты говоришь несерьезно… иначе быть не может.

– А если я скажу тебе, что серьезен?

– Не поверю.

Оуэн

Ну, она *должна* мне поверить, потому что я серьезен как никогда.

Весь вечер мы ходили вокруг да около. Ужин был хорош, хотя возникло некое напряжение, когда я упомянул о травке. Но оно быстро сошло на нет, и я разговорился. Рассказал ей немного о себе, чего обычно не делаю. Я не склонен откровенничать, особенно с девушками.

Сама она почти ничего не рассказала. На все мои попытки выведать хоть что-то о ней она отвечала встречными вопросами или же давала пустые, односложные ответы. А я-то себя считал скрытным! Из нее клещами не вытащишь информацию. Какими бы тонкими или провокационными ни были мои вопросы, она не сказала ни слова о семье, откуда родом, ничего. Я понял, что она откуда-то из области залива Сан-Франциско, и все.

Но хочу узнать больше.

Мы флиртовали, веселились. Мне нравится дразнить ее и подстрекать нарушать скучные правила. Она зациклена на правилах и порядке, все и всегда держит под контролем. Ей просто необходимо расслабиться, стать свободной, как я. Правда, сам я порой перегибаю палку, но это лучше, чем быть зажатым и совсем не наслаждаться жизнью.

Думаю, у Челси слишком плотный график: работа, учеба и снова работа. Она совершенно не знает, как расслабиться. Я хочу помочь ей. Хочу, чтобы она расслабилась.

Со мной.

Когда я наконец понял, что ни за какие коврижки Челси не лизнет мою физиономию при посторонних, то решил уйти из ресторана. Увезти ее и поцеловать в тишине и полумраке своей машины. Сегодня вечером Уэйд дома, а с ним еще несколько дружков.

Держу пари, Дез тоже там. Они, вероятно, напились как свиньи или даже хуже: накурились до зеленых чертей.

Надо оставить это в прошлом. Мне это не нужно.

Беру салфетку и вытираю губы, заканчивая наши препирательства. С меня довольно. Пора перевести свидание на следующий уровень.

– Готова идти?

Челси кивает и встает из-за стола. Ремешок сумочки скользит по обнаженной коже, потому что ее соблазнительный свитер снова сполз с плеча. Она сделала что-то с волосами, потому что, когда я зашел за ней, они

уже выглядели иначе, нежели на нашем занятии. Великолепные волны так и манят запустить пальцы в шелковистые волосы, обхватить затылок и притянуть к себе так близко, чтобы почти коснуться губ, но не сразу. Мне хочется ощутить ее дыхание, насладиться предвкушением поцелуя, рождающим внутреннюю сладкую дрожь, прежде чем сделать последнее короткое движение.

Я не отличаюсь терпением. Если мне нравится девушка, обычно я иду напролом, но с Челси все идет медленно и размеренно. Не хочу спугнуть ее.

Больше всего на свете боюсь сейчас все испортить.

Она… мне нравится. Очень. Я правда хочу проводить с ней время, хоть это и нетипично для меня.

Нисколько.

Я иду с ней из ресторана, положив руку ей на поясницу. Даже сквозь толстую ткань свитера я чувствую тепло ее тела. Я слегка сдвигаю руку, желая коснуться спины.

Нельзя торопиться.

На улице холодно; стелется легкий туман, и, пока мы дошли до машины, ее волосы усеялись капельками росы. Я открываю для нее дверь. С ней мне хочется вести себя как джентльмен, но тут мой взгляд падает на ее соблазнительную задницу, и все мысли о джентльменстве рассеиваются как дым.

Держи себя в руках, Макгваер, ругаю я себя, обходя машину и открывая водительскую дверь.

– Куда теперь? – спрашивает она, пристегиваясь ремнем безопасности и нервно покусывая губу.

– Ко мне мы поехать не можем, разве что тебе хочется повидаться с Уэйдом и, скорее всего, с Дезом. – Я завожу машину. – Они оба дома, и уверен, их дружки тоже там.

Они никогда не могут побыть одни. Все всегда превращают в вечеринку.

– Ох. – Она еще сильнее прикусывает губу. Она уже замучила свои губы. Наверное, мне уже стоит поцеловать их. – И моя соседка дома со своим так называемым парнем, так что, судя по всему, ко мне ехать тоже не стоит.

– Так называемым парнем?

Она закатывает глаза.

– Случайный парень, отношения с которым она хочет превратить в постоянные.

– Хм. – Знакомая история. Я сам был таким парнем, который не хотел ничего серьезного. Никогда не заводил никаких отношений. Волей-неволей следовал маминому примеру. Но последние годы я наблюдаю, как живут Дрю и Фэйбл, и понимаю: любовь существует – хотя пока не уверен в ее долговечности.

Моя жизнь вечно полна проблем. Какая девушка захочет иметь со мной отношения? А если сюда добавить сложности в общении с мамой и курением травки, то вообще никаких шансов.

– Раз уж мы не можем пойти домой, то, может, прокатимся? – спрашиваю я.

Она поворачивается ко мне, ее аромат разливается в воздухе, заставляя меня вдыхать как можно осторожнее.

– Куда?

Черт, она так хорошо пахнет. Я мог бы дышать ею всю ночь.

– Я знаю одно местечко, откуда открывается прекрасный вид на город. Там нас никто не побеспокоит. – Я не раз бывал там, когда учился в старшей школе. И всегда с девушкой, конечно. Это уединенное местечко, где можно было пообжиматься, а то и залезть девчонке под майку или в трусики. И никаких полицейских, даже если уже перевалило за полночь.

Я не бывал там уже пару лет. После школы у меня появился дом, и необходимость прятаться по углам отпала. Зачем корчиться на заднем сиденье машины, когда можно получать удовольствие в комфорте, на собственной кровати?

Но я везу туда Челси не для этого.

С ней я жду особенного раза.

– Хорошо. – Она проводит языком по нижней губе, затем улыбается. – Давай сделаем это.

Можно по-разному понять ее «сделаем это», но я отгоняю грязные мысли. Просто улыбаюсь, протягиваю руку и слегка сжимаю ее колено.

– Давай сделаем это, – пробормотал я, заставив ее щеки вспыхнуть. Она отвернулась и стала смотреть в окно.

Я вижу загадочную, легкую улыбку, играющую на ее губах.

Я не сомневаюсь, что еще до наступления ночи я поцелую Челси.

Глава 11

«Тебя нужно целовать, и часто, и целовать должен тот, кто знает в этом толк».

– Ретт Батлер[13]

Челси

Оуэн выезжает из города и движется по Скайвэй, шоссе, по которому я проезжала максимум пару раз с тех пор, как переехала сюда. Но он местный, вырос в этом районе и знает все окрестности, малоизвестные дороги и места с лучшими видами.

Я не дура. Мы едем туда вовсе не любоваться потрясающим видом мерцающего огнями города. Может, у меня и нет большого опыта, но я понимаю, что парень с девушкой, припарковавшись в тихом местечке с хорошим видом, жаждут удовольствия несколько иного рода, нежели эстетического.

Я одновременно и сгораю от нетерпения, и трясусь от страха.

Мы молчим всю дорогу. Работает радио. Оуэн настроил волну, где играет только рок девяностых годов. Как только начинает звучать одна песня, он увеличивает громкость и слегка улыбается.

– «Кэндлбокс»[14]. Эта песня напоминает мне о детстве, – задумчиво произносит он. – Мама любила эту группу.

Никогда не слышала о них, ведь моя мама всегда предпочитала что-то вроде топ-сорок. А гранж вообще отсутствовал в моем подростковом репертуаре.

– Мне нравится голос, – искренне говорю я. Песня и правда хороша. Понимаю, что с годами вкусы меняются. Я становлюсь сама собой, нахожу вещи, которые нравятся именно мне, а то, что родители слушали, читали, смотрели… остается в прошлом.

– Эти слова напоминают о тебе, – мягко произносит он.

От удивления я поворачиваюсь к нему.

– Как это?

– Песня называется «Цветение»[15]. С тех пор как ты сказала мне, что твое второе имя – Роза, всякий раз, когда я слышу слова *роза*, *цветок*, *цветение*, *цвет*, то думаю о тебе. Улыбка становится шире, но на меня он не смотрит. Просто выбивает пальцами на руле музыкальный ритм, ведя машину через холодную темную ночь.

Но в его признании нет ничего холодного или мрачного.

Сердце так сильно колотится о ребра, что боюсь, он услышит. Мне хотелось бы сказать что-то столь же романтичное.

Но я молчу, спокойно слушая песню.

Песня полна грусти; она о любви и потере. Удивительно, что она

напоминает ему обо мне. Только из-за названия? Или он на самом деле думает, что мы расстанемся, даже не начав встречаться?

Как обычно, я слишком сильно заморачиваюсь и раньше времени волнуюсь.

Когда мы наконец приезжаем на место, я уже словно комок нервов. Оуэн паркует машину и глушит двигатель, а затем поворачивается ко мне.

– Замерзла?

– Нет, все хорошо. – Чувствую, что дыхание учащается. Мне нужно срочно успокоиться, пока не задохнулась от возбуждения.

– Хочешь выйти на воздух? Знаю, там холодно, но если сядем на капот машины, то не замерзнем. Он смотрит на заднее сиденье. – Если что, у меня есть толстовка.

– Почему тебе хочется выйти? – Я смотрю вперед сквозь стекло, весьма впечатленная открывающимся видом. Мы находимся над линией тумана, но все еще можем видеть город; туман такой зыбкий, что похож на прозрачный кружевной занавес над городом.

– Снаружи вид еще лучше. – Повернувшись, я смотрю на него; на лице то самое обаятельное, «ты сделаешь все, о чем я попрошу», выражение. – Пошли, Челс. Надо просто жить, помнишь?

– Ладно.

– Не пожалеешь, – говорит он, поворачиваясь назад, чтобы взять с заднего сиденья толстовку. Он случайно касается меня плечом, а его голова настолько близко, что можно протянуть руку и прикоснуться к волосам.

Вместо этого я сжимаю руки на коленях.

– Наденешь? – Он протягивает мне черную толстовку, и я вцепляюсь пальцами в прохладный хлопок.

Ткань хранит его запах: что-то свежее и острое, с легчайшим намеком на пряность. Жаль, что не могу прижаться к ней лицом и вдохнуть поглубже.

Он решит, что я чокнутая.

– Может быть, – говорю я, держа толстовку. – Спасибо.

Он улыбается мне, и мы вылезаем из машины. Я смотрю на капот, задаваясь вопросом, как туда забраться и не выглядеть при этом по-дурацки. В задумчивости я снова покусываю нижнюю губу и морщусь, когда попадаю в особенно чувствительное место.

Видимо, я жевала ее слишком часто.

– Никогда раньше не забиралась на капот? – спрашивает он.

Поворачиваюсь и смотрю на него, чувствуя себя тупицей.

– Если честно, нет.

– Помочь?

– М-м-м… – снова смотрю на машину, раздумывая над его предложением – Я не…

Оуэн хватает меня за талию до того, как я успеваю закончить предложение. Я потрясена тем, как легко он поднял меня и усадил на капот, словно я пушинка. Он устраивает меня поудобнее, я откидываюсь назад. Ноги скользят по лакированной поверхности, и я стараюсь не поцарапать ее. К счастью, я хорошо устроилась, насколько это возможно, прижав ладони к поверхности машины.

Он легко запрыгивает на капот и садится рядом. Длинные ноги, сильные руки, изящные движения. Улыбаясь мне, он убирает волосы с глаз.

– А хочешь посидеть на крыше?

Я оглядываюсь.

– И как же мне туда попасть?

– Давай. – Он протягивает руку, я беру ее и снова взвизгиваю, когда он поднимает меня на ноги, хватает за талию и буквально забрасывает на крышу. Я расстелила толстовку на холодном металле и села, посмеиваясь, глядя, как он карабкается по лобовому стеклу и усаживается рядом, немного запыхавшийся и с дурацкой улыбкой на лице.

– Ты обещал мне теплый капот, а вместо этого я сижу на холодном металле, – говорю я с упреком, наклонившись, чтобы подтолкнуть его руку плечом.

– Тогда иди сюда. – Без предупреждения он обнимает меня за плечи, подтягивает к себе и тесно прижимается боком. – Думаю, отлично сработало.

– Выглядит так, словно ты заранее все спланировал. – Я прильнула к его груди, дыхание сбилось, сердце зашлось в рваном ритме, и я посмотрела вниз, отмечая про себя, что мы прекрасно смотримся вместе.

– Нет, не специально. Скорее, это импровизация.

Он вытягивает перед собой свои длинные ноги, его твердое теплое бедро упирается в мое. Несколько долгих минут мы просто молчим. Тишину нарушают лишь стрекот каких-то насекомых и шум машин, проезжающих по шоссе недалеко от нас.

Мы смотрим на огни города, они мерцают и сверкают, прорываясь сквозь пелену тумана. Нет ничего, кроме темноты, окружающей нас, и серебристого света луны.

– Красиво, – наконец говорю я. – Никогда не бывала тут раньше и не любовалась таким видом.

– Ага. Мало кто знает об этом месте. Местным-то оно известно, но мы

не любим рассказывать о нем всем подряд. – Он тихонько смеется, снова вызывая волну мурашек по телу.

– Понимаю, – шепчу я, но он не отвечает. Да и не нужно. Так уютно и спокойно просто молча сидеть. Я легко могла бы привыкнуть к этому. Сидеть в обнимку с Оуэном, спрятав голову у него на груди. Он такой теплый и твердый; крепко и надежно он обхватывает мои плечи рукой, а когда начинает легонько поглаживать кончиками пальцев мое оголенное плечо, я чувствую, что слабею всем телом.

– Удобно? – спрашивает он, его мурлыкающий голос переходит в низкий сексуальный шепот. Я киваю, не в силах ответить. – Тебе все еще холодно?

– Нет, – шепчу я, прислонившись лбом к его подбородку.

Щетина колет кожу, и я закрываю глаза, наслаждаясь возникшей между нами близостью. Он прижимает меня сильнее и сдвигается; палец скользит под подбородок, поднимая вверх мое лицо.

Ох. Боже. Вот оно. Он поцелует меня. Я резко открываю глаза и вижу, что он смотрит на меня пронизывающим взглядом, и прерывисто вздыхаю.

– Нервничаешь?

Он, должно быть, думает, что я совершенно неопытна. И он прав.

– Да.

– Почему? – Он гладит пальцем подбородок, шею, отчего по телу словно проходит электрический разряд. – Ты ведь знала, что это случится.

– М-м-м… – Я начинаю говорить, но он прижимает палец к губам, заставляя меня замолчать.

– Ты ведь продолжишь заниматься со мной, если я тебя поцелую? Мы ведь не нарушим никакой кодекс или правило, нет? – Я отрицательно качаю головой, и он ведет пальцем сначала по верхней, потом по нижней губе, мягко надавливая на чувствительное место, изрядно мной покусанное. – Мне не нравится, что ты так нервничаешь, что причиняешь себе боль.

– Детская привычка, – признаюсь я.

– Плохая привычка. – Наклонившись, он легонько касается моих губ своими. Поцелуй такой короткий, словно его и не было вовсе.

– Челси, ты чувствуешь это?

– Что? – Я смотрю прямо в его прекрасные зеленые сверкающие глаза; он берет мое лицо в ладони, чуть отклоняет голову назад. Он прикрывает на мгновение глаза, я вижу его густые длинные ресницы, и потом он шепчет:

– Это, – и его губы накрывает мои.

Я погибла. Абсолютно и полностью потеряна в этом дурманящем,

восхитительном ощущении. Один нежный, сладкий поцелуй за другим; губы раскрываются с каждым новым касанием и скольжением, пока он не проникает языком мне в рот, зарываясь пальцами в волосы. Язык ласкает мой. Еще никогда в моей жизни не было столь совершенного поцелуя.

Я никогда не забуду, как мы сидели на крыше машины, слушая тихий стрекот сверчков в высокой сухой траве и отдаленный шум мчащихся мимо машин. Пальцы, ласкающие мои волосы, наши снова и снова сливающиеся губы, мягкий шепот и учащенное дыхание.

Полная перегрузка чувств.

Он сильнее прижимается ко мне, обнимает за плечи, пальцы проникают под лямку лифчика и ласкают кожу. Я кладу руку ему на грудь, чувствуя, как быстро бьется его сердце, и меня охватывает волнение.

Оуэн растворился в поцелуе так же, как и я. Ни с чем не сравнимое ощущение.

Он первым разрывает поцелуй, прижимается лбом, трется носом.

– Ужасно неудобно сидеть на крыше машины и целоваться, – признается он.

Я смеюсь, открываю глаза и вижу, как он улыбается мне.

– Это была твоя идея, разве нет?

– Да… – На его лице проступает болезненное выражение; интересно, почему.

– Давай вернемся в машину?

– Хочешь вернуться домой? – Он выглядит огорченным.

Медленно качаю головой и, осмелев, наклоняюсь к нему, прижимаюсь к нему губами, позволяя себе задержаться на долгое жаркое мгновение, перед тем как отстраниться.

– Нет, – шепчу я.

Зеленые глаза вспыхивают огнем, которого я раньше никогда не видела, а затем мы поднимаемся. Оуэн прыгает вниз, затем его большие руки скользят под свитер и хватают меня за талию, чтобы спустить на землю. Он идет к задней двери и открывает ее, приглашая меня войти первой. Хихикая, я сажусь, и он проскальзывает следом; руки тянутся ко мне, ложатся на талию, он тянет меня к себе, и я устраиваюсь на коленях, обхватив ногами бедра, практически оседлав его самым греховным, но в то же время восхитительным способом.

Чувства переполняют меня. Нависая над ним, я смотрю на его красивое лицо, вдыхаю его запах, прикасаюсь к нему везде, где хочу. Убираю волосы со лба, позволяя мягким прядкам пролиться сквозь пальцы, он закрывает глаза и издает низкий глухой звук удовольствия.

Этот звук проникает в мое тело, пульсируя, отдается между ног, и я ложусь на него, прижимаюсь к нему губами, и поцелуй становится очень глубоким. Наши языки сплетаются, тела сливаются, руки на пояснице одновременно успокаивают меня и удерживают на месте.

Но я не хочу спокойно сидеть.

Я хочу большего. Больше Оуэна, больше губ, больше рук, больше прикосновений. Он снова разрывает поцелуй, касается губами подбородка, шеи, облизывает горло, и я прижимаюсь теснее. Руки обнимают его шею, глаза закрыты, голова откинута назад.

Между нами все заходит слишком далеко, но мне все равно. Все мысли о скромности растворились в ночи.

Все, чего я хочу, – это Оуэн.

Оуэн

Между мной и Челси все быстро выходит из-под контроля. Я же специально предложил побыть снаружи, опасаясь, что мне снесет голову и я захочу увидеть Челси обнаженной. Ощущение, что все у нас будет отлично, возникло сразу, как только наши губы соприкоснулись. Но я и подумать не мог, что она окажется такой отзывчивой, нетерпеливой и приятной у меня в руках. Я держу небольшую дистанцию между нами, пальцами сдавливая мягкую кожу чуть выше бедер.

Я облизываю, покусываю, пробую ее на вкус. Член чертовски тверд и упирается в ширинку. Все так просто: лишь бы снять с нее одежду, коснуться всех чувствительных мест, показать, где я хочу, чтобы она прикоснулась ко мне, а затем сделать ее своей прямо здесь, на заднем сиденье машины.

Легко. В теории.

Но я этого не сделаю. Не хочу торопиться. Она совершенно неопытна – это было понятно по первому неуверенному поцелую. Она сильно нервничала, впрочем, как всегда, когда находится рядом со мной. Я не должен торопиться, ради нее. Именно эта мысль должна помочь мне сохранить над собой контроль и не совратить ее еще до конца ночи.

Разорвав поцелуй, я откидываю голову на спинку сиденья и смотрю на нее. Она такая красивая: губы опухли от поцелуев, волнистые волосы соблазнительно растрепались вокруг лица от моих прикосновений, грудь учащенно поднимается и опускается, и можно запросто скользнуть под широкий свитер и прикоснуться к ней. Обхватить. Сжать соски, сделав их твердыми, прежде чем взять один в рот…

Шумно втягиваю в себя воздух и напрочь выкидываю эти мысли из головы.

Чрезмерно яркое воображение, безусловно, тут ничуть не помогает.

– Оуэн. – Я слышу в ее голосе надежду и нетерпение; мне известно, чего она хочет, потому что я тоже этого хочу. – Что ты делаешь?

Но я не собираюсь давать ей желаемое. Не сегодня.

– Нужно отвезти тебя домой. – Я глажу ее волосы, снова и снова пропуская сквозь пальцы длинные темные пряди. Она медленно закрывает глаза, пухлые губы раскрываются, неровное дыхание вырывается из горла, и этот звук мгновенно заставляет мое тело напрячься.

– А что если я не хочу домой?! – спрашивает она.

– Нам пора. – Разочарование написано на ее лице, поэтому я решаю быть честным с ней. – Я не собираюсь просто переспать с тобой на заднем сиденье машины, Челс. Ты заслуживаешь большего. – *В свой первый раз,* хочу сказать я, но не решаюсь.

А если я ошибаюсь, думая, что она девственница? Хотя вряд ли.

Она ведет себя как девушка, у которой нет ни малейшего опыта, и в кои-то веки я этому рад. То, что Челси могла быть с другим парнем, вызывает во мне дикую, неконтролируемую ярость. Мне просто невыносима эта мысль.

Ну и с каких это пор я такой собственник?

Как первобытный человек, готов бить себя в грудь, объявляя всему миру, что Челси – моя и не может принадлежать никому другому.

Никогда не чувствовал ничего подобного к другой девушке.

Ее взгляд смягчается, она наклоняется и целует меня. Потом еще и еще, словно не хочет отрываться от меня. Я тоже этого не хочу.

– Хорошо. – Ее голос полон грусти, словно она потерпела поражение, и мне это не нравится.

– Эй. – Я придерживаю ее за подбородок.

Дыхание щекочет губы, пахнет свежестью мятной жвачки, которую мы прихватили, уходя из ресторана. На мгновение я закрываю глаза, мне нужно собрать всю свою волю в кулак, чтобы подавить соблазн поиметь ее прямо здесь и сейчас, на заднем сиденье. За этим бы дело не стало.

Открываю глаза и вижу, как она, облизывая губы, рассматривает меня. Ее взгляд полон надежды и смятения чувств. Она такая красивая.

Как же она мне нравится! Очень. Как удержать ее? Захочет ли она остаться со мной, если все снова покатится к чертям? У меня почти нет времени на себя, не говоря уже о ком-то другом.

– Скоро я буду очень занят, – говорю я, поглаживая пальцем ее подбородок. – Как только вернусь в команду, мой график превратится в ад, а с учетом работы и занятий – так вообще в чистый ужас.

С выражением грусти на лице она мягко вздыхает.

– Я понимаю. У тебя не будет времени видеться со мной.

– Я вовсе не это имел в виду. – Я целую ее мягкие розовые и невероятно вкусные губы; не могу больше противиться соблазну. – Просто прошу тебя быть терпеливой, – шепчу я, как только заканчиваю поцелуй. – Да ты и сама очень занята.

– Да. – Она кивает, нахмурив брови. – Так и есть.

– Много работаешь, учишься. – Я улыбаюсь, пытаясь смягчить настороженность, появляющуюся в ее взгляде. – Я пытаюсь сказать, что

снова хочу встретиться с тобой, но выходит как-то криво, да?

Она тихо смеется и кивает.

– Насчет среды все в силе? – Я спрашиваю про следующее занятие.

– Конечно.

– А потом ты работаешь?

– Угу, моя обычная смена с восьми до двух ночи. – Она ерзает на моих коленях.

Это простое движение только усиливает мое и без того сильное возбуждение, хочу плотнее прижать ее к себе, чтобы почувствовала, что она делает со мной.

Но если я сделаю это, то опять начну целовать ее, проникну руками под ее свитер и начну гладить ее тело, она расстегнет мою рубашку, и мы уже не сможем остановиться.

– Тебе надо бросить работу. Время твоей смены – полный отстой. – Я веду рукой, которая по-прежнему лежит у нее на талии, чуть выше, касаясь ребер. Сегодня мне потребуется все мое самообладание, потому как обычно я расстегиваю лифчик за одну секунду.

– Не могу. Мне нужны деньги.

– Почему? – А мне нужна информация. Хочу знать, почему она так много работает, хотя иной раз ведет себя как надменная дочка богатых родителей. Она на мели? Папа и мама перестали давать ей деньги за какой-то ужасный проступок? Даже представить себе такое не могу. Звучит как сценарий для второсортного фильма.

Она чертовски умна и не совершила бы такой глупости.

– Просто… у меня есть только мама, и одной работы мне мало, чтобы позволить себе тут жить, – признается она, отведя взгляд. – Да, я получаю стипендию, но аренда жилья и коммунальные услуги весьма дорогие.

Наконец-то она рассказывает что-то личное о себе.

Мне очень приятно ее доверие. Чувствую себя так, словно она рассказала историю всей своей жизни.

– Что случилось с отцом?

– Не хочу говорить о нем, – бормочет она, все так же не поднимая глаз.

Что ж, очень жаль, я бы хотел знать, но нельзя давить на нее. Сам-то я рассердился, когда она спросила о *моем отце*, поэтому я должен уважать ее желание. Очевидно, она не хочет говорить о своем.

Но это только подогревает мое любопытство.

– Ну, тогда поедем, – неохотно говорю я, помогая ей слезть с меня. Она плюхается рядом на сиденье. Я открываю дверцу и выхожу из машины, Челси следует за мной.

Но до того, как я успеваю открыть водительскую дверь, она хватает меня и притягивает к себе.

Я растворяюсь в поцелуе. Крепко держу ее, прижав к машине, в то время как наши руки жадно исследуют друг друга. Я снова близок к тому, чтобы потерять контроль над собой.

На этот раз она прерывает наш поцелуй и бесстрашно смотрит на меня своими прекрасными, бездонными глазами, заглядывая мне в самую душу.

– Я… хочу, чтобы ты знал, как много значит для меня сегодняшний вечер. И приглашение на свидание, и то, что привел меня сюда. – Она встает на цыпочки и целует меня в шею. – Спасибо, – выдыхает она, отчего у меня по телу пробегает дрожь.

Я обнимаю ее за талию и крепко прижимаю к себе, зарываясь лицом в ее волосы, вдыхая их теплый, сладкий аромат.

– Челс.

– Да, – она шепчет мне прямо в шею, вызывая вторую волну дрожи.

– Сегодняшняя ночь стала для тебя приключением?

Она смеется и отстраняется, встречаясь со мной взглядом.

– Безусловно.

– Хорошо. – Я целую ее в кончик носа. – Потому что все только начинается.

Глава 12

«Жизнь – цветок, для которого любовь – мед».

– Виктор Гюго[16]

Оуэн

– Мы с Отэм хотим навестить тебя.

Удивленный, я сажусь на кровати, ероша волосы рукой и оглядывая спальню в полутьме, потому как жалюзи закрыты. Сегодня воскресенье, и обычно я не встаю в такую рань, ведь если вечером я не работал в ресторане, то, значит, был на игре. Или тренировка будет днем, а иногда, если график особо плотный, то я иду на работу сразу после нее.

Вчера так и было. Так что я чертовски устал.

– Отэм хочет проведать меня, да? – Зевая, я разминаю шею, все тело ломит. Несколько недель без тренировок сделали свое дело, теперь мне сложно вернуться в форму.

– Именно. Она ужасно скучает по дяде Оуэну. И я тоже, – добавляет Фэйбл.

– Когда вы хотите приехать? – спрашиваю я, потирая подбородок, заросший жесткой щетиной. Надо бы побриться, Челси, поди, не обрадуется, если я кинусь целоваться с колючей мордой.

От мыслей о поцелуе с Челси тело начинает трепетать, я стараюсь не поддаваться. Ради всего святого, я же разговариваю с сестрой.

– Ну, у тебя важная игра в следующие выходные? С вашими главными соперниками за место в сезонном плей-офф и прочая ежегодная чушь? – Обожаю ее насмешки в адрес студенческой жизни. Тут она всегда чувствовала себя аутсайдером.

– Да, это будет важный матч. Начало днем, хотя, во сколько точно, не помню, – говорю я. – Я буду рад вам. Приедешь только ты и Отэм, верно?

– Да. На следующие выходные Дрю уезжает в Грин-Бей.

Мало того, что там дьявольская холодина, так еще и команда[17] играет нереально жестко. Не завидую ему.

– Ты… остановишься у меня, да? – Если она скажет «да», мне, пожалуй, придется продезинфицировать весь дом.

– Конечно, нет. Шутишь? Ваш дом пугает меня. Я сниму номер в гостинице, – сказала она, посмеиваясь.

– Ладно. Я буду только рад, если ты проведешь здесь выходные.

– Отлично. Я еще разок обсужу все с Дрю и потом сообщу тебе подробности. – Она вздохнула с облегчением. – Так здорово поговорить с тобой по телефону без малышки на руках. Она всегда ерзает и хнычет или тянется к вещам.

– А где она?

– Спит. Чуть позже придет няня. Сегодня вечером я иду на игру Дрю.

– Хотел бы я тоже пойти. – Я так скучаю по сестре. И по Дрю. Даже по Отэм, потому что готов поклясться чем угодно, она сильно изменилась с тех пор, как я последний раз держал ее на руках. Слава богу, Фэйбл постоянно присылает мне фотографии. Может, их чересчур много, учитывая, что память телефона забита под завязку, а Отэм еще и полгода нет, но я всегда рад каждому снимку.

– Так пойдем! Чем занят сегодня вечером? Работаешь?

– Да нет. – Дорога до Сан-Франциско займет почти четыре часа. Учитывая, что сейчас только девять утра – черт возьми, сестра знала, когда позвонить, – у меня уйма времени.

Но хочу ли я провести полдня за рулем? Сегодня мой единственный выходной.

Весь остаток недели расписан: учеба, тренировки, работа, Челси. Я едва поспеваю.

Подумав о Челси, я снова улыбаюсь. Прошла неделя с той ночи, когда я катал ее по Скайвэй и целовал на крыше машины. Мы виделись пару раз с тех пор, хотя и не так долго, как мне бы хотелось. А в прошлую среду мы занимались отнюдь не английским. Скорее уж, я учил Челси технике медленных часовых поцелуев.

Она очень беспокоилась, что нас поймают, а меня это только распаляло. Я сидел на столе, раздвинув ноги, а Челси стояла между ними, запустив пальцы в мои волосы, наши губы слились в бесконечном поцелуе. Шепот, поцелуи, ее тщетные попытки вырваться из моих объятий…

Черт, мне жарко от одного воспоминания об этом. Я знал, что пока могу лишь целовать ее. Я хочу ее, но я не настолько глуп.

Кроме того, я действительно работаю над портфолио и выполняю задания по английскому. Но, если честно, помощь Челси мне вряд ли понадобится. Хотя мы отменяли наш уговор.

Блин, кажется, это единственное время, когда я могу видеться с ней.

– Я могу взять тебе билеты в ВИП-зону, там обычно весело, хотя я предпочитаю сидеть поближе к полю. Но погода сегодня паршивая, поэтому надо сесть где-нибудь под крышей, – оживленно щебечет Фэйбл. – Хотя я пойму, если откажешься, Оуэн. Конечно, при такой загрузке тебе нужно время для отдыха. А просидеть почти восемь часов за рулем, только чтобы посмотреть игру, – сомнительное удовольствие.

У меня вдруг рождается идея, которая сделает поездку к семье в Сан-Франциско еще более насыщенной.

– Да нет, не откажусь. Люблю смотреть, как Дрю играет. – Делаю паузу, чтобы успокоиться и задать следующий вопрос как можно спокойнее. – А ты сможешь достать два билета?

– Не вопрос. Кого ты хочешь взять с собой? Уэйда?

Я уже брал его пару раз с собой, так что ее предположение вполне объяснимо.

– Нет… хочу взять с собой… Челси. – Я зажмурился в ожидании шквала вопросов и поддразниваний.

– Оуэн, ты уверен? Хочешь привезти девушку? – Похоже, Фэйбл в шоке. – Девушку, которая занимается с тобой?

– Ну да. Знаешь, иногда я встречаюсь с девушками. – Раздражаюсь я безо всякой причины.

– Я знаю. Но это были всего лишь короткие интрижки. Забава на ночь и только. А сейчас ты говоришь так, словно весьма серьезно настроен в отношении Челси.

– Нет, не совсем. – Я скривился от собственной лжи. Не знаю, как я отношусь к Челси. Нам хорошо вдвоем. Все развивается медленно. Вписывается ли она в мою жизнь?

Нет.

Но я все-таки стараюсь, как могу, чтобы именно так и случилось.

– Значит, она просто друг? – спрашивает Фэйбл.

– Ага, точно! – Небольшая ложь. Мы *действительно* друзья, которые, правда, любят сидеть на диване, когда уходит Уэйд, и целоваться часами. Пока оба не распалимся так, что мне приходится практически выпихивать ее из дома, потому как боюсь, что через секунду порву на ней одежду и трахну прямо посреди гостиной. Речь о том, чтобы пригласить ее в свою спальню, даже не идет. Я завожу ее в комнату, и все: не пройдет и минуты, как она будет раздета, а я буду глубоко внутри нее, даже не сомневаюсь в этом.

– Друзья? Ну конечно! В самом деле?

– В самом деле, – утверждаю я. – Позволь я спрошу Челси, может ли она пойти, а потом скажу тебе. Договорились?

– Не затягивай с этим, ладно? Мне ведь еще нужно заказать билеты.

Я повесил трубку и сразу отправил сообщение Челси, надеясь, что она не спит.

Но это же Челси. Уверен, она уже пару часов корпит над своими заданиями.

– Хочешь сходить на футбольный матч профессионалов?

Пройдет пара минут, пока она ответит.

– Когда?

– Сегодня, – набираю я.

– Серьезно?!

Улыбаясь, я выдаю ей все подробности, а затем спрашиваю:

– Сегодня вечером ты работаешь?

– Нет. Сегодня выходной.

Лучше и не придумаешь. Словно я сам все спланировал.

– Тогда ты должна воспользоваться случаем и поехать со мной в Сан-Франциско.

– Ты действительно хочешь взять меня? Как насчет Уэйда или Деза?

Эти придурки убьют меня, если узнают, что я собираюсь на игру, но не зову с собой ни одного из них.

Фигово.

– Уверен, что я хочу взять именно тебя.

В ожидании ответа я не нахожу себе места. Эта девушка перевернула мне всю душу, и я все еще не понимаю, как ей это удалось. Просто не понимаю.

Телефон звонит, и я отвечаю, даже не глядя, кто это. Я и так знаю, кто.

– Я абсолютно ничего не знаю о футболе, – говорит она после приветствия.

– Я все тебе объясню. – Я лежу на кровати, почесывая грудь. Хотелось бы, чтобы Челси лежала рядом со мной. Воистину лучший способ провести воскресное утро.

– Со мной будет скучно. Как только начнется игра, ты пожалеешь, что не позвал одного из своих друзей, – говорит она. – Я, скорее всего, уткнусь в телефон или совершенно запутаюсь, пытаясь понять, что происходит на поле.

– И вовсе ты не скучная. И если уж на то пошло, раз собираешься больше времени проводить со мной, то рано или поздно научишься разбираться в футболе.

Она не отвечает. Я практически слышу, как крутятся шестеренки в ее мозгу, обдумывая сказанное мной.

– Пожалуй, ты прав, – мягко говорит она.

Этот нежный голос не оставляет меня равнодушным.

– Хочу, чтобы ты поехала со мной, Челс. Будет весело. Познакомишься с моей сестрой, а после игры – готов поспорить – и с Дрю тоже. Давай, скажи «да».

– Я встречусь с твоей сестрой? – от волнения ее голос перешел на писк. – Ух ты! До меня не сразу дошло, но теперь это очевидно. – Она

снова замолкает, и клянусь, я сквозь расстояние чувствую, как она волнуется. – Хорошо. Да. Я поеду.

– Отлично, – говорю я с облегчением. Я боялся, что она скажет «нет».

Мы договорились, что я заеду за ней в течение часа, и я сразу же отправил Фэйбл сообщение, что мне нужно два билета на игру Дрю.

«Не могу дождаться встречи с твоей Челси», – ответила Фэйбл.

Да. Я тоже жду не дождусь их встречи. И она вовсе *не моя* Челси. Несмотря на то, что происходит между нами при каждой нашей встрече, мы действительно просто друзья. *Друзья*, которые целуются и жаждут большего, но ни один из нас не решается на первый шаг.

Я боюсь все испортить, а она боится… даже не знаю, чего именно. Но медленное развитие отношений тоже неплохо, а временами очень даже неплохо. Кроме моментов, когда я возбужден до предела, но вынужден сдерживаться.

Поднимаясь с постели, я направляюсь на кухню, чтобы наскоро перекусить, затем принять душ и поехать за Челси.

– Ты чего так рано поднялся?

Я останавливаюсь, обнаруживая в собственной кухне Деза, уминающего миску хлопьев с изрядным количеством молока в ней. Оно практически выливается на стол.

– И тебе доброе утро, – раздраженно бормочу я.

Ведет себя так, словно живет здесь. Это бесит, учитывая, что он не платит за аренду. Конечно, Уэйд тоже не платит, но об этом мы договорились еще до переезда.

Уэйда я знаю с детства. Его мама много раз выручала меня и разрешала допоздна засиживаться у них. Она знала, что Фэйбл всегда пропадала на работе, а мать – неизвестно где. В семье Уэйда меня всегда встречали с распростертыми объятиями.

Наименьшее, что я мог сделать, – это предложить Уэйду жилье, пока мы будем учиться в колледже, потому как он хотел самостоятельности, так же как и я.

А Дез? У парня все при всем! Классический пример богатенького сынка, который, избавившись от опеки родителей, приезжает в колледж, чтобы потусоваться. Он продавал наркотики в старшей школе, теперь, когда стал студентом, приторговывает в колледже. Он мне нравится, но не только потому, что он мой дилер, он еще и мой друг.

Но он меня использует.

Хотя мы все используем друг друга, разве нет?

– Так почему ты встал так рано? – Дез заталкивает в рот пригоршню

хлопьев и громко жует. – Воскресным утром дом обычно в моем полном распоряжении.

– Ведешь себя как дома, – говорю я, прислонившись к стойке. Мне до зарезу нужно выпить кофе.

– Так я практически тут живу.

– Тогда почему не платишь за аренду?

– Потому что сплю на дурацком диване. Зачем платить за аренду, если спать приходится на залитом спермой диване?

– Господи, Дез. – Я тянусь к кофеварке, благодарный ему за то, что он сварил немного. Достав из буфета кружку, наполняю ее, добавляю сахар и сливки до того, как сделать глоток.

Уф! Меня даже перекосило. Черт возьми, он слишком крепкий, даже сахар и сливки не спасли ситуацию.

– Но это же правда. Сколько девчонок каждый из нас поимел на этом диване? Со счета можно сбиться.

Дез усмехается и качает головой, гордясь тем, что на моем диване бесконечная вереница девчонок, которые раздвигали ноги.

Мне противно его слушать, хотя еще несколько недель назад я бы, скорее всего, заценил его комментарий.

Теперь я думаю лишь о Челси и о том, какое отвращение вызвало бы у нее то, что я назвал бы своим «недавним прошлым».

– Ну, раз уж ты тусуешься тут, то должен хотя бы вносить свой вклад, – бурчу я.

– А я и вношу. Море пива и нескончаемая травка, чтобы держать всех вас под непрерывным кайфом, – говорит он, не тушуясь.

– Да, но я всегда плачу за травку, приятель. – Действительно плачу. Я не рассчитываю на подачки.

– Меня уже тошнит от твоего бесконечного нытья. Всегда все усложняешь, и тебе все время нужны деньги. Но погоди-ка. Уэйд живет здесь бесплатно. Почему бы и мне не зависать тут по случаю? – Дез отодвигает миску, в которой осталось только молоко, и откидывается на спинку стула, проводя рукой по отросшим светлым волосам. У него всегда растрепанный, слегка неопрятный вид: тонкие поношенные футболки, старые драные джинсы, потертые туфли, вечно всклокоченные волосы и многодневная щетина на лице. Выглядит как типичный наркоторговец, но я-то знаю, что он и без того полон дерьма.

– Я думал об этом и вот не знаю, стоит ли тебе зависать тут так часто, – говорю я, потягивая кофе. Аппетит пропал. Не хочу разговаривать с Дезом на эту тему. Ни сейчас, ни потом. Он мой друг, хоть и бесит меня. Я

не в настроении скандалить.

– Почему нет, черт возьми? – Дез возмущен до глубины души. – Что это значит?

Я поставил кружку на стол и посмотрел на него.

– Ты торгуешь наркотиками.

– И что? Я достал для тебя столько травки, что тебе хватит на всю жизнь.

Челси умрет, если узнает, чем занимается Дез.

– Возможно, я пытаюсь исправиться.

Дез смотрит на меня в упор, его челюсти стиснуты.

– Это девушка, верно?

Я никогда не говорил, что Дез туповат.

– Может быть. Какая разница? Ничего хорошего не выйдет, если я буду играть в футбол и при этом покуривать травку. Меня вышибут в два счета.

– Раньше тебя это не беспокоило.

– Да, так и было, – говорю я сквозь зубы.

Дез разглядывает меня.

– Знаешь ли, ты замутил с цыпочкой, которая совсем тебе не подходит, Оуэн. Она слишком чистенькая для тебя. Ты уже переспал с ней?

– Не твое собачье дело, – выдыхаю я.

– Значит, нет. – Дез вздыхает и качает головой. – Держись лучше своей компании, приятель. Найди девчонку, которая просто хочет отлично провести время. Челси – просто заумная дурнушка, которую потянуло на приключения. Ты цепляешь ее, потому что не похож на парней, которых она знала, если у нее вообще когда-либо был парень. Если тебя интересует мое мнение, у нее на лбу написано, что она девственница.

– Выбирай выражения, когда говоришь о ней, – предупреждаю я, чувствуя, как от ярости закипает кровь. Еще слово – и Дез пожалеет о своих словах. – Прояви уважение.

Дез смеется.

– Ты влип по уши, не так ли? Не думаю, что когда-либо видел тебя таким. Обычно ты просто трахаешься с девчонками, а затем выставляешь их вон. Черт, мы с Уэйдом постоянно подбирали твои объедки, и ты не возражал. А что ты скажешь, если узнаешь, что я не прочь замутить с твоей репетиторшей, когда ты с ней закончишь?

– Скажу, что буду бить твою проклятую рожу, пока не заткнешься, – отвечаю я, понижая голос и буравя его тяжелым взглядом.

Этот урод смотрит на меня и улыбается.

– Ну-ну. Только посмотри на себя. Ты так увлечен этой девушкой, что

это даже мило, Макгваер. Но ты попусту тратишь время. Она бросит тебя, и, черт возьми, это будет больно. И тогда тебе понадоблюсь я, чтобы приносить травки все больше и больше, пока боль не утихнет.

Неужели все думают, что я размазня, неспособная прожить без затяжки?

– Уж поверь, ты мне не нужен.

– Еще как нужен буду, как только твоя драгоценная репетиторша уйдет от тебя. – Он усмехается, встает из-за стола и выходит из комнаты, оставив грязную миску на столе. Убирать ее придется мне, что я и делаю. Беру ее и бросаю прямо в раковину, так что керамика разлетается вдребезги, но мне этого мало.

Меня просто распирает от злости. И еще страха. А что если он сказал правду, и Челси бросит меня? Я даже не думал об этом. Я всегда был тем, кто бросает.

Если мы поменяемся ролями, то неизвестно, выдержу ли я.

Челси

Всегда думала, что ненавижу футбол, но этот день стал одним из лучших в моей жизни. Несмотря на темное, мрачное небо, к началу игры дождь так и не начался. Мы смотрим игру, сидя во внушительных размеров ВИП-зоне на новеньком стадионе, который открылся всего пару лет назад.

Я совсем не обращаю внимания на поле. Да и как можно? Я слишком поглощена Оуэном, который с невероятным интересом наблюдает за игрой. В напряжении он ловит взглядом каждое движение, особенно когда мяч у команды его зятя. Время от времени он комментирует происходящее или наклоняется ко мне, сжимая мою руку. Он даже поцеловал меня так, словно это самое обычное дело.

Все это время его сестра сидит рядом, наблюдая за нами с огромным удивлением, хотя пытается это скрыть. Она милая. Когда он представил нас, она крепко, с неподдельной радостью обняла меня. Я даже была несколько ошеломлена, ведь по дороге Оуэн предупредил меня, что Фэйбл может быть довольно замкнутой при встрече: она нелегко сходится с людьми.

В этом мы с ней похожи. Не уверена, но, похоже, она это заметила.

Фэйбл красивая, миниатюрная, но фигуристая девушка с длинными блестящими светлыми волосами и такими же яркими зелеными глазами, как у Оуэна. Их любовь и привязанность друг к другу весьма ощутима, я испытываю радость, просто наблюдая за ними.

Я даже немного ревную, хотя это глупо и бессмысленно. Буду ли я когда-нибудь столько же значить для Оуэна, как его сестра? Нехорошо, конечно, так думать, но ничего не могу с собой поделать.

Дорога на стадион в Санта-Кларе оказалась долгой, но веселой. Он был угрюмый и раздраженный, когда заехал за мной, но при виде меня его настроение улучшилось. Он поприветствовал меня долгим поцелуем, а затем, крепко обняв, сказал, что очень скучал. Он смотрел на меня так, словно не мог наглядеться, и я заметила, что он успокаивается. Что же такое случилось перед его приездом?

Эта мысль не давала мне покоя всю поездку. Шел сильный дождь, дорога была скользкой, поэтому я старалась его не отвлекать и не показывать своих переживаний.

Хотя внутри все переворачивалось от волнения. Ненавижу эту привычку, унаследованную от мамы. Она всегда утверждала, что именно

переживание пропустить занятие или получить низкий балл делает меня прекрасной студенткой. Ее излюбленная присказка: беспокойство не дает сбиться с пути.

– Как у Оуэна дела с учебой? – с любопытством спрашивает Фэйбл.

Первая половина матча закончена, и Оуэн куда-то ушел (скорее всего, в уборную), оставив меня наедине с Фэйбл.

– Он делает успехи, – говорю я немного дрожащим голосом. Хотела бы я не так сильно волноваться, но, боже мой, это же сестра Оуэна. Та, кого он любит больше всех.

По сути, это она воспитала его, и он ее очень уважает. Мне хочется ей понравиться.

– Когда мы только начали заниматься, он не особо старался. Да еще прогуливал занятия, что, в общем-то, и было основной проблемой.

Фэйбл вздыхает.

– Он может быть таким несносным и упрямым. Если я упрашиваю его что-то сделать, то, клянусь, он не сделает этого на зло. Ты же понимаешь, о чем я?

Я пожимаю плечами. Не совсем, у нас все немного иначе. Каким-то образом мне удалось убедить Оуэна выполнять задания. Еще бы, тогда слишком много было поставлено на карту, не думаю, что он всерьез хотел рискнуть все потерять.

– Ему всегда было трудно сосредоточиться, – продолжает Фэйбл. – Он быстро переключается с одного на другое. Думаю, ему просто скучно на занятиях. А так он очень умный. Просто… много отвлекается.

– Сейчас у него довольно плотный график: он вернулся в команду, работает и учится. И весьма неплохо со всем этим справляется. Я пытаюсь помочь. Он прилагает усилия, чтобы наверстать упущенное и закончить портфолио по творческому письму. Думаю, он уже на финишной прямой, – объясняю я.

– То есть уже нет необходимости в ваших занятиях, так? – мягко спрашивает Фэйбл.

Я пожимаю плечами, а внутри все обрывается от этой мысли.

– Наверное, нет.

Она улыбается.

– Ты ему нравишься.

Мои щеки рдеют от смущения.

– Мне он тоже нравится.

– Оуэн никогда не знакомил меня ни с одной девушкой.

Теперь моя очередь удивляться.

– Правда?

Фэйбл медленно качает головой.

– Он всегда был очень… самостоятельный. Как и я. Нам пришлось.

Понятия не имею, о чем она говорит, а жаль. Но не думаю, что стоит расспрашивать сестру Оуэна. Он сам расскажет мне о своей жизни, если захочет. Конечно, я тоже многое скрываю о себе, я все еще не готова во всем признаться.

Например, сейчас я чувствую себя виноватой, что приехала развлекаться в Санта-Клару, зная, что мамин дом недалеко отсюда. Следовало бы отправиться к ней. Она ужасно скучает. Вчера, когда мы разговаривали по телефону, она была такой грустной от одиночества. У нее никого нет, как она любит говорить. Никого, кроме меня. Она ждет не дождется, когда я вернусь домой и поступлю в магистратуру. Она правда думает, что я вернусь и мы снова будем жить вдвоем.

Боюсь огорчить ее, но переехать к ней – это последнее, что я хотела бы сделать. Кто знает, как изменится моя жизнь через два года? Возможно, кардинально.

– Он восхищается тобой, – говорю я. Важно, чтобы Фэйбл знала, как много значит для Оуэна. Полагаю, для нее это не новость, но все же слышать это приятно. – Тобой и твоим мужем. Он говорит, что вы оказали на него огромное влияние.

– Верно… Он имеет в виду подростковые годы. Самое трудное время, да? – улыбается Фэйбл. – Оуэн и Дрю очень сблизились, хотя поначалу Оуэн воспринял его в штыки. Но Оуэн никому не доверяет, так что это нормально. Я рада, что они так хорошо ладят. Дрю для Оуэна как старший брат, которого у него никогда не было.

– Только не говорите, что сплетничаете обо мне.

Я оборачиваюсь на звук его бархатного голоса и вижу улыбающегося Оуэна с пакетом в руках. Я улыбаюсь в ответ. Мое сердце трепещет, когда он садится на пустое сиденье рядом со мной, задев меня плечом.

– А то ты не знаешь, – говорит Фэйбл с озорной улыбкой. – Рассказываю Челси обо всех твоих вредных привычках.

– Погоди. – Он закатывает глаза. – Так ведь я совершенство.

И, ухмыляясь, кладет пакет мне на колени.

– Я принес тебе подарок.

– Что? – Я потрясена еще больше. – Не стоило.

– Захотелось, – отвечает он, кивая на пакет. – Открой.

Я открываю и достаю белую толстовку с капюшоном. Мягкую и теплую, с эмблемой «Фотинайнерз» спереди. Правда, немного

великоватую. Вдруг взгляд падает на ценник: *Господь всемогущий! Как дорого!*

– Мне нравится, – говорю я, тронутая тем, что он подумал обо мне и захотел сделать подарок. – Спасибо.

– Надень. Покажи свой дух «Фотинайнерз». Он берет толстовку и срывает ценник.

Я снимаю свой бледно-серый кардиган и надеваю подарок Оуэна. Такой большой, мягкий и уютный. Я прячу руки в передний карман, практически обнимая себя.

– И как я выгляжу?

– Хорошо. Просто прекрасно. – У меня перехватывает дыхание от его жаркого взгляда, и я строго смотрю на него, слегка кивая в сторону его сестры.

Последнее, чего бы мне хотелось, так это обниматься на глазах у Фэйбл. Было бы неловко.

– Вы двое такие милые. – Фэйбл вздыхает и качает головой. – Просто *друзья*, да-да.

Ни я, ни он ничего такого не говорили. Где она могла это слышать? Оуэн так сказал? Мы не обсуждали наши отношения, но я думала, что мы больше чем друзья.

Я бы точно не назвала нас «просто друзьями».

Эти слова крутятся в голове и мешают следить за игрой во второй половине матча. Но я усердно изображаю радость и веселье, когда «Фотинайнерз» выигрывают. Я продолжаю болтать с Фэйбл, но чувствую, что замыкаюсь в себе. Она знает почти всех, кто сидит с нами в ВИП-зоне, – тут полно жен и подруг других игроков, и они все хотят поговорить с супругой звездного нападающего. Она что-то значит для них.

Я же не значу ничего. Не представляю никакой важности. Просто друг Оуэна.

Всеми силами стараясь не подавать вида, будто что-то не так, после игры я встречаюсь с Дрю. Он просто… великолепен. Приветливый, дружелюбный и невероятно милый со своей женой. Сразу видно, что он безумно любит ее. Он с большим уважением и вниманием относится к Оуэну; эти трое очень близки.

Но я тут чужая. Вовсе не близкий человек для Оуэна. Просто друг.

Так глупо, не могу отделаться от гадкого ощущения… Это давит на меня.

Но чего я ожидала? Мы знакомы всего несколько недель. Я никогда не верила в любовь, как Кэри. Она все еще гоняется за тупицей Брэдом, а он

на нее ноль внимания.

Оуэн не такой, но… мы просто друзья.

Тьфу. Как же хочется отвесить самой себе оплеуху, чтобы привести мысли в порядок. Сейчас я как заезженная пластинка. Одни и те же слова снова и снова проигрываются в голове, будоража кровь.

Просто друзья. Просто. Друзья.

Может быть, мне нужно принять это. Осознать эти слова. Возможно, мы и правда только друзья. По крайней мере, для Оуэна. Нужно быть готовой к тому, что в конце концов он бросит меня и пойдет дальше. Это в его стиле. У него никогда не было постоянной девушки; он сам это не раз говорил. Что же мне делать, когда с Оуэном все закончится?

Нужно запереть свое сердце. Не впускать туда Оуэна.

Но боюсь, уже слишком поздно. Он там, и мне не изменить это. Во всяком случае, в ближайшее время.

Да я и не хочу.

Глава 13

«Не уверен, что знаю, каково это: любить».

– Оуэн Макгваер

Оуэн

Что-то произошло. Я как-то умудрился все испортить.

Погода – полный отстой. Похоже, небо специально ждало конца игры, чтобы затем разверзнуться и нескончаемым потоком залить весь стадион.

Выезд с автостоянки оказался для нас не таким кошмаром, как для остальных, поскольку мы припарковались на специально отведенных местах для игроков, но все же это заняло некоторое время. И я не мог отказаться, когда Дрю пригласил нас на ужин.

Челси охотно согласилась, но за ужином все время молчала. Понятия не имею, чем мог разозлить ее, не расспрашивать же ее в присутствии Фэйбл и Дрю. Я как мог старался вовлечь ее в беседу. Но она продолжала отмалчиваться. Нет, она не грубила, но вроде как замкнулась в себе. Фэйбл заметила это и спросила, хорошо ли она себя чувствует. Челси призналась, что у нее болит голова и она немного устала, но в целом все в порядке.

Фэйбл строго посмотрела на меня, намекая, что я должен позаботиться о Челси. Разумеется, я позабочусь, ответил я тоже взглядом, добавив, что это мое личное дело, но, думаю, Фэйбл оставила это без внимания.

Как обычно.

Мы покончили с едой, Дрю выглядел уставшим; положив руку на спинку стула Фэйбл, он легонько теребил пальцами кончики ее волос. Я наблюдал за ними, пытаясь увидеть их глазами Челси, пытаясь угадать, о чем она думает, глядя на них. Сидя рядом с девушкой, которую хотел бы назвать своей, я словно впервые увидел их. До сих пор я не замечал, как легко и ласково они ведут себя друг с другом.

Любовь между ними осязаема. Они лишь обменялись взглядом, а вам уже все понятно. Когда я был помладше – черт, да всего полгода назад, – я думал, что эти двое выглядят просто смешно. Такие влюбленные. Пока мы жили вместе, я каждый раз смущался, заставая их обнимающимися и целующимися. Они не позволяли себе ничего лишнего в моем присутствии, но, думаю, их открытая привязанность друг к другу до настоящего момента никогда не воспринималась мной так естественно.

Конечно, я был подростком, которым управляют гормоны, а не чувства. Я не верил в любовь и подобную чушь. Подцепить соблазнительную девчонку, поскорее добраться до ее тела – вот все, что меня тогда действительно волновало.

Но теперь я начинаю понимать, что хочу таких отношений, как у

Фэйбл и Дрю. Да, я молод, но, блин, они тоже были молоды, когда встретились и влюбились. И посмотрите на них. Спустя годы они все так же по уши влюблены друг в друга. Они женаты, у них ребенок, он занимается карьерой, она заботится о дочери, и они смотрят друг на друга, словно встретились вчера, и не могут поверить, что нашли друг друга.

И я хочу того же. И, думаю, именно с Челси.

Однако боюсь, едва ли Челси хочет того же в отношении меня. Не знаю, что произошло и почему ее настроение резко изменилось. Может быть, не понравилась игра. Знаю, она не любительница спорта и не футбольная фанатка, но, черт побери, мы сидели в роскошной ложе, с шикарным видом на поле. Уэйд разорвется от злости, когда узнает, что я поехал на матч без него. Но, по крайней мере, он бы оценил игру.

Возможно, Фэйбл сказала ей что-то, что ее напугало. Знаю, они говорили обо мне, пока я ходил за толстовкой для Челси. Но что такого могла сказать Фэйбл, что Челси замкнулась в себе?

Понятия не имею, почему, но она совершенно отстранилась от меня, и мне это совсем не нравится.

Дрю оплачивает счет, и мы уходим из ресторана. В ожидании, пока парковщик подаст обе машины, мы стоим под навесом.

Когда вы вместе с Дрю Каллаханом, то вас везде обслуживают по высшему разряду. Еще бы! Этот парень – настоящая знаменитость.

Пока Челси ушла, сказав, что перед длинной поездкой ей нужно посетить дамскую комнату, Фэйбл отводит меня в сторону от Дрю.

– Будь осторожен за рулем, – говорит Фэйбл с материнской заботой в голосе. Ее взгляд напряжен, губы поджаты. – Идет сильный дождь и, уверена, дороги ужасны.

– Обещаю, что буду осторожен, – успокаиваю я ее и обнимаю. – Не волнуйся.

– Да и поздно уже. – Она отстраняется от меня. – Может, останетесь у нас? – спрашивает она, озабоченно хмурясь.

В такую погоду и до Сан-Франциско путь неблизкий. Нет, спасибо.

– Думаю, у Челси завтра утром занятия.

Фэйбл вздыхает.

– Страшно подумать, что ты проведешь несколько часов за рулем в такой дождь.

– Все будет хорошо, не волнуйся. Правда. – Я потрепал ее по волосам так, как это делала она, когда я был мальчишкой. Теперь, когда я значительно выше нее, могу себе это позволить. – Я напишу тебе, как только доберемся до дома, хорошо?

– Хорошо. Я не лягу спать, пока не получу сообщение, – говорит она.

– Да брось. Ты ведь заснешь вместе с Отэм на руках, – отвечаю я. Она как-то призналась мне, что, когда кормит ребенка перед сном, частенько засыпает в ее постели. Она постоянно печется о дочери, возможно, чрезмерно. Не знаю. Обычно я пропускаю мимо ушей всякую чепуху о детях.

Но не хочу, чтобы из-за меня она не спала.

– Ты недалек от истины. – Фэйбл улыбается и поворачивается к Дрю, когда он окликает ее по имени. – Машины подогнали. Пора идти.

Челси выходит из ресторана и направляется к нам. Она выглядит поникшей и бледной, хотя искренне улыбается, когда Фэйбл ее обнимает.

– Было приятно познакомиться с тобой. Присматривай за Оуэном, ладно? – говорит Фэйбл.

Челси смеется, и Фэйбл отпускает ее.

– Я тоже рада познакомиться. И да, я попробую.

Дрю тоже обнимает Челси, а когда разжимает объятия, она выглядит немного ошарашенной. Ее не за что винить, но я немного ревную. Не уверен, что видел у нее такой взгляд, когда прикасаюсь к ней. Зато я видел другой взгляд: полный желания, счастья, любви.

Я снова хочу увидеть все эти чувства в ее глазах. Хочу поцеловать, прижать к себе. Попробовать на вкус, прикоснуться к ней, скользнуть рукой в джинсы и погладить между ног, показать ей, что могу доставить удовольствие.

Вот отстой. Меня бросает в пот, даже когда я просто думаю об этом. Возможно, Фэйбл права, что стоит остаться на ночь; но не в их доме, а в отеле. Тогда я смогу затащить Челси в постель, раздеть и сделать наконец то, о чем мечтаю, с тех пор как встретил ее.

Знаю, мне хотелось медленного развития событий, но я никогда не отличался терпением, особенно когда дело касалось девчонок. Я всегда получал, что хотел, с кем хотел и когда хотел.

Так почему я продолжаю хотеть девушку, которая так холодна ко мне? Может, я хочу ее лишь потому, что не могу заполучить? Или мне она действительно нравится?

Ой, конечно, нравится, придурок. Намного больше, чем тебе хотелось бы признать.

– Ты злишься на меня? Я чем-то обидел тебя? – спрашиваю я, как только мы выезжаем на автостраду.

Движение весьма плотное, дождь все не унимается, и мне приходится обеими руками держаться за руль, не сводя глаз с дороги и мигания

красных фар соседних машин, показывающих, что водители то и дело жмут на тормоза.

Не хочу отвлекаться, но… подавленное настроение Челси мешает мне сосредоточиться.

– Нет, я не злюсь на тебя. – Я мельком смотрю на нее, она устало улыбается мне. – Не совсем.

Не совсем. Что, черт возьми, это значит?

– Что я сделал? – мрачно спрашиваю я. – Челс, у меня нет настроения играть в угадайку. Говори прямо. – Ненавижу такие игры. Мама в этом деле чемпион. Как и большинство женщин… по крайней мере, те, кого я знаю. Кроме Фэйбл. Я надеялся, Челси такая же. Но, возможно, я ошибся…

– Глупости. – Она машет рукой, слабо улыбаясь. В глазах не видно блеска, значит, она фальшивит. – Просто голова болит, да и день был таким долгим. Очень долгим.

– Но тебе было весело, да? Тебе понравилась моя сестра? А Дрю? – Я канючу как маленький беспокойный ребенок, желая убедиться, что она довольна, но в голосе явно звучит отчаяние, словно шанс сделать ее счастливой упущен. Боже, понимает ли она, как легко может уничтожить меня? Ни у кого и никогда не было такой власти надо мной. Ладно, возможно, только у Фэйбл, но она моя сестра и не причинит мне вреда. Мы снова и снова убеждаемся, что можем доверять друг другу, в то время как мама снова и снова меня предает. Она крутит мной как хочет, и у меня нет сил ей сопротивляться. Но думаю, это естественно, ведь она моя мама. Мне хочется угодить ей, но она каждый раз обманывает мои ожидания. А я все продолжаю ей верить.

– Угу, было весело. – Я не слышу ни малейшей эмоции в голосе, и меня это пугает. – Кроме момента, когда я узнала, что ты сказал сестре, что мы просто друзья.

Понятия не имею, о чем она говорит.

– Подожди минутку. Как ты сказала?

– Ты сказал Фэйбл – не знаю, когда точно, – что мы просто друзья. Вот как ты думаешь? Я просто друг, Оуэн? Ты всегда засовываешь язык друзьям в рот? Или я какой-то *особенный* друг?

Отстой. Она злится. Практически кричит на меня.

– Я никогда не говорил Фэйбл… – Мой голос дрогнул.

Говорил. В телефонном разговоре, Фэйбл тогда начала меня дразнить, поэтому я сказал так, чтобы она отстала. Даже в голову не могло прийти, что Фэйбл об этом расскажет, тем более что я вовсе не это имел в виду. Наверное.

Проклятье. Не знаю. Челси сбивает меня с толку. Я вообще не знаю, что и думать.

Челси вряд ли поверит моим объяснениям.

– Я думала, что… что-то значу для тебя, но, видимо, нет. Тешила себя иллюзиями, – говорит она тихим, грустным голосом. – Такая смешная.

Я рискнул посмотреть на нее и увидел, что она сидит, отвернувшись к окну, совершенно подавленная.

Сердце сжимается от боли. *Черт возьми*, что я натворил?! Не знаю, как все ей объяснить. Да и хочу ли объясняться? Не уверен. Что вообще связывает нас с Челси? Она мне нравится, но я не могу относиться к этому слишком серьезно.

Черт. Ну и лжец. Я едва знаю Челси, но очень хочу узнать. До боли в сердце. Но я никак не могу ее понять. Я никогда не знаю, примет ли она меня или оттолкнет. Нравлюсь ли я ей или нет. Все это похоже на какие-то дьявольские качели. А ведь я был так в себе уверен. Настолько расслабился, что отбросил всякий страх и поцеловал ее на глазах у Фэйбл. Черт возьми, я ничего подобного вообще не делаю.

Ничего. Подобного. Никогда.

– Челси… – начинаю я, но она качает головой.

– Мне не нужны никакие оправдания, – резко перебивает она, пока я успеваю сказать хоть слово в свою защиту. – Я не хочу больше об этом говорить.

Она совершенно отстранилась от меня. Катастрофа.

Нельзя оставлять ситуацию неразрешенной. Нужно все исправить до того, как она отдалится навсегда. Мне просто жизненно необходимо извиниться за то, что я такой безмозглый придурок.

Я за рулем почти час, но мы пока не выехали из города: движение настолько медленное, что автострада больше напоминает автостоянку. Челси свернулась калачиком на пассажирском сиденье, прислонившись головой к двери. Глаза закрыты, а лоб нахмурен от волнений и боли. Господи, что же мне делать?

И тут меня озаряет. Эврика. Нам нужно где-то переночевать. Она, вероятно, разозлится, ну и пусть. Что если мы пропустим завтрашние занятия? Ничего страшного. Для меня. Но ее это просто убьет. Но, блин, я устал, а она неважно себя чувствует. Я раздражен, а она пытается поспать.

Я не стал ее будить, а просто свернул в ближайший поворот, где ночное небо освещали вывески нескольких гостиниц, и въехал на стоянку отеля. Она проснулась и огляделась, пока я парковался под навесом перед входом. Нахмурившись, Челси повернулась ко мне.

– Где мы? Что происходит?

– Мы тут переночуем. – Киваю на входную дверь.

– Серьезно? – спрашивает она с неподдельным удивлением.

– Абсолютно. Погода просто отстой, Челс. Движение слишком медленное, и я невероятно устал.

Я дотрагиваюсь до ее щеки, и она вздрагивает – действительно вздрагивает от моего прикосновения. Я убираю руку в полном смятении. У меня защемило сердце. Разве прежде она отвергала мои прикосновения? Может, всему виной головная боль?

О да, и мои слова Фэйбл о том, что она просто друг.

Господи, я реально напортачил.

– Ты неважно себя чувствуешь, – говорю я, пытаясь забыть, какую боль ей причинил. – Тебе нужен полноценный отдых.

– Но тогда я пропущу утренние лекции, – возражает она. – И нужно еще закончить важное эссе.

– Разве ты еще не написала его? – Если бы речь шла обо мне, то я бы только сейчас сел за работу. Я мастер откладывать все на последний момент, особенно домашние задания.

– Ну да. Конечно, написала. – Она пожимает плечами, покусывая нижнюю губу.

Почему я не удивлен?

– Значит, сдашь завтра днем. Уверен, профессор поймет, если ты объяснишь ситуацию. Ты всегда все сдаешь вовремя, думаю, тебе простят небольшую задержку. – Я замолкаю, разглядывая ее. – Мы поедем домой рано утром. Мы уехали недалеко, так что осталось еще часа три. Основное движение будет по встречной, а значит, мы быстро доберемся. Как только приедем, сразу сможешь пойти в колледж и сделать все что нужно.

– Не знаю… – она замолкает, опустив взгляд на колени. – У меня нет сменной одежды. Мне не в чем спать. Да и зубной щетки нет.

Я залип на предложении «мне не в чем спать». Звучит неплохо. Мы могли бы залезть в постель голыми. Я только «за». Хотя вряд ли это возможно.

– Зубную щетку и все остальное мы можем взять в гостинице. Быстро примем душ, поспим, наденем сегодняшнюю одежду и рано утром поедем домой. Так как?

Ну и как ей такой план? Неужели я и правда надеюсь на что-то сегодня вечером после всего случившегося? Когда она так зла на меня?

Только идиот мог бы надеяться.

– Мы можем взять номер с отдельными кроватями? – Ее щеки горят, и

она не смотрит мне в глаза. – Так я буду… чувствовать себя комфортнее.

Мои надежды разбиты на тысячу осколков одним простым вопросом. *Проклятье.* Мне хочется заорать: ну что я сделал не так? Но я сжимаю губы, сдерживая бьющие через край эмоции. Я сам знаю ответ. Мне сложно признать свою вину. Так было всегда.

– Как хочешь, Челс, если будет такая возможность, так и сделаем. Смотря какие номера есть в гостинице.

– Хорошо, – кивает она. – Спасибо за понимание, Оуэн.

Даже голос звучит иначе. Наваждение. Я должен извиниться. Но как?

Эй, извини, я сказал своей сестре, что мы просто друзья, потому что она дразнила меня и я просто хотел, чтобы она отвязалась. Но я не это имел в виду.

Хотя, может быть, и это. Но… она сама путает меня своим непредсказуемым поведением, вот я и напортачил. Но я хочу ее. И я хочу больше, чем секс. Лучше просто сбежать.

Я сам себе противоречу. В голове полный бардак.

– Я пойду сниму номер, – говорю я ей. – Пойдешь со мной?

Она медленно качает головой и продолжает смотреть в окно на гостиницу.

– Если ты не против, я посижу тут и подожду.

Я выхожу из машины и направляюсь ко входу, кожей чувствуя ее взгляд на себе. И если она действительно смотрит, то у нас еще есть шанс. Просто возникла небольшая помеха на пути, не более.

Но если не смотрит, тогда никакой надежды. И уловка не сработает.

Черт. Как же страшно повернуться и посмотреть! Глубоко вдохнув и посчитав до пяти, я медленно оглядываюсь через плечо и смотрю на пассажирское сиденье.

Челси грустно смотрит на меня, прижав кончики пальцев к стеклу. Я улыбаюсь ей и машу рукой, она машет в ответ.

Рад узнать, что у нас еще есть шанс.

Челси

Гостиничный номер опрятный и чистый, но в нем только *одна* большая кровать. Других номеров не было, извиняющимся тоном сказал Оуэн, вернувшись в машину, чтобы припарковаться. Я сидела и потихоньку закипала от злости, размышляя, не солгал ли он мне. Я хотела поругаться с ним из-за этого, как только доберемся до комнаты, но уже у самой двери передумала, наблюдая, как Оуэн возится с ключами.

К чему ссоры? Он знает о моих чувствах, и мне следовало бы злиться, потому что он так и не извинился. Но чего я ожидала? Что Оуэн попросит прощения?

Он был очень тихим, даже мрачным из-за всей этой ситуации. Тяжело делать вид, что все в порядке, когда на самом деле мне очень грустно. Я разочарована. Конечно, Фэйбл не собиралась огорчать меня или портить мне настроение. Напротив, стоило бы радоваться, ведь она подметила, что мы с Оуэном явно не «просто друзья».

Но я злюсь именно на то, что он вообще так сказал.

Он оглядел номер и спросил, все ли меня устраивает, и, когда я ответила «да», сказал, что пойдет купит нам зубные щетки, пасту и кое-что еще. Он спросил, хочу ли я пойти с ним, но я сказала, что лучше останусь и приму душ. Его глаза волнующе потемнели, челюсти сжались, он бросил короткое «хорошо, скоро вернусь» и выскочил вон, хлопнув дверью.

Включив свет, я захожу в ванную. Она впечатляет! Огромная, чистая и новая. Хотелось бы переодеться во что-нибудь чистое после душа. На двери висит гостиничный халат, и за неимением других вариантов я беру его. Залезаю в душ, поворачиваю кран и наслаждаюсь сильным напором воды.

У меня в квартире от душа одно название, так что не стану торопиться, раз уж выпала такая возможность.

Облегченно вздохнув, я встаю под мощную струю и откидываю голову назад, позволяя воде течь по лицу и волосам. Голова все еще гудит. Я не солгала о головной боли. Меня накрыло еще до того, как мы ушли со стадиона, и, полагаю, тому был ряд причин: утомительная дорога, ПМС, хотя месячные начнутся только через несколько дней, ну и, конечно, напряжение между мной и Оуэном внесло свою лепту. Нужно было попросить его купить обезболивающее. Можно написать ему сообщение, но, когда я выйду из душа, он, скорее всего, уже будет на пути назад…

Так что ладно, обойдусь. Тем более что вода помогает расслабиться.

Кажется, что кости и мышцы тают под горячими струями, а аромат шампуня и геля, найденных на полочке, успокаивает и расслабляет. Пар, заполнивший ванную, делает все размытым, словно в тумане или даже во сне. Я снова облегченно вздыхаю, наконец выключая воду.

В голове благословенная пустота, веки отяжелели, и клонит в сон. Я вытираю полотенцем раскрасневшееся от горячей воды тело. Не буду надевать трусики и лифчик, они мне еще понадобятся. Надевать завтра то же самое белье не очень приятно, но что поделаешь? Выбора нет.

Как могу расчесываю волосы пальцами, протирая запотевшее зеркало, чтобы увидеть себя: щеки горят, веки полуприкрыты. Я выгляжу… сексуально, хотя никогда не считала себя таковой. Если Оуэн увидит меня такой, то, несомненно, попытается меня соблазнить. И пусть мы «только друзья», он не сможет не заметить меня хотя бы потому, что я голая, так ведь?

В том смысле, что разве девятнадцатилетний парень может устоять перед обнаженной привлекательной девушкой? Я не секс-бомба и не порнозвезда, но не так уж плоха. Мои размеры внушающими не назовешь, но я все же достаточно соблазнительна, и Кэри всегда напоминает мне, что это нужно показывать. Например, надеть топ с глубоким вырезом или короткую юбку, но это не мой стиль. Мне некомфортно в такой одежде.

Сделав шаг назад, я оцениваю всю фигуру, и для меня это в новинку. Обычно у меня нет времени крутиться перед зеркалом, да я и не считала себя сексуальной, пока не встретила Оуэна. Никогда не осознавала свою женскую привлекательность и красоту тела.

Но теперь я рассматриваю свою грудь и думаю, понравится ли она Оуэну. Он никогда не пытался прикоснуться к ней, ни разу. Он держит меня за талию, заставляя хотеть от него более смелых шагов, но он не делает их. Я обхватываю одну грудь, ощущая ее вес в ладони, и мой сосок твердеет от моего прикосновения. Я нажимаю на него большим пальцем, задыхаясь, когда волна возбуждения проходит по телу и, пульсируя, замирает между ног.

Я испытываю такие же чувства, когда Оуэн целует меня, крепко сжимает в руках, накрывает мои губы своими и так сладко ласкает языком…

Я отнимаю руку от груди и прикрываю щеки, громко выдыхая. Наши безумные с Оуэном отношения медленно сводят меня с ума. Не стоит зацикливаться на словах, тем более что я не знаю наверняка, что именно было сказано. Это так глупо.

Я всегда гордилась своей логичностью, вдумчивостью, способностью

анализировать все факты и видеть плюсы и минусы.

Рано поняла, что отношения лишены всякой логики. За свою жизнь видела немало подтверждений этому. Поступки говорят намного громче слов, не так ли? И мой отец – прекрасный пример тому. Особенно последние несколько лет до ареста.

Он давал так много обещаний, смешных, невероятных, в которые мне всегда хотелось верить. Снова и снова с улыбочкой, доверительными объятиями и нежными поцелуями он убеждал маму, как сильно ее любит и нуждается в ней. Как верная и преданная жена она верила каждому слову, в то время как он вовсю крутил романы на стороне, воровал деньги и вел себя как заправский безнравственный лжец.

Говорил одно, а делал другое. Никакие нежные слова не прикроют жестокое, каменное сердце. Мама тоже любит притворяться, словно это у *нее* нет сердца, способного любить и страдать. Врет себе, что ненавидит мужчин. Ложь! Она запуталась в собственном притворстве. Всегда верит каждому папиному слову.

Все это выглядит так убого. Он просто жалок. Да и она тоже. Мне нужно смотреть на поступки Оуэна, а не на его слова. Порой мы говорим не то, что думаем, так мы скрываем свои чувства. Вероятно, именно это он и сделал, сказав Фэйбл, что мы просто друзья.

Может быть, он хочет чего-то большего. Либо так, либо я вообще ничего не понимаю.

Взяв флакончик лосьона с тумбочки, я использую его практически без остатка. Вдыхаю восхитительный лимонный аромат и улыбаюсь.

Надев наконец халат, я чувствую уют и тепло. Теперь я готова забраться под одеяло и уснуть.

С Оуэном.

Хм. А вот тут стоит задуматься. Как я смогу лечь и просто уснуть, когда он лежит рядом со мной? О чем я только думала? Это сейчас я уставшая и сонная, но как только он придет, мое сердце начнет бешено биться и я запаникую, зная, что под халатом на мне ничего нет.

С Оуэном. В гостиничном номере. Наедине. Он может медленно развязать пояс и снять с меня халат, скрывающий мое обнаженное, теплое, пахнущее лимоном тело, расслабленное и готовое к тому, чтобы он взял меня…

О боже, о чем я думаю? Я еще не готова. Слишком рано. Но я хочу. И, несмотря на волнение, я определенно хочу большего с Оуэном.

Чтобы успокоиться, я делаю несколько глубоких вздохов и открываю дверь, наполняя комнату паром. Меня встречает полная тишина, и

единственный звук – низкий гул обогревателя.

Мне достаточно тепло, поэтому я захожу в комнату и выключаю его. Затем беру сумку со столика и, достав мобильник, пишу Кэри короткое сообщение, чтобы она знала, что со мной все в порядке, я переночую в городе, а к утру буду дома.

Она сразу же отвечает:

– Собираешься переспать с сексуальным парнем? Не забудь предохраняться!

Закатываю глаза и набираю ответ. Разумеется, она думает, что мы с Оуэном сняли гостиничный номер, чтобы заняться горячим сексом. Тело гудит от одной только мысли.

– Даже не думала об этом. Я устала, плохо себя чувствую, и у меня раскалывается голова.

– Держу пари, он сможет излечить тебя от любой боли своим большим…

– Прекрати! – пишу я ей. Боже, иногда Кэри бывает такой грубой. И все это, чтобы лишь подразнить меня. Она отвечает через несколько минут, когда я уже лежу, свернувшись калачиком, на мягких подушках посреди гигантской кровати, с волнением ожидая возвращения Оуэна.

– Развлекайся. Разденься. Расслабься.

Я улыбаюсь. Может, и стоит последовать ее совету.

Хотя мне так страшно… и где-то глубоко внутри пока слишком больно.

Глава 14

«Хочу припасть к ее груди и целовать все то, что, она думала, мне ненавистно».

– Неизвестный

Оуэн

Какой же я кретин. Выйдя из номера, я пробрался обратно в машину и, порывшись в багажнике, отыскал недокуренный косяк. Но не могу же я закурить прямо в машине! Запах травки не выветрится за ночь, и Челси быстро меня раскусит. Она же не глупая.

Поэтому я мокну под дождем, прикрывая косяк рукой, пытаясь нормально его раскурить; капюшон толстовки совсем не защищает от ледяных капель. Всего пара затяжек, просто прочистить мозг и снять напряжение, иначе меня разорвет от невроза.

Сработало. Уже спустя минуту я ловлю кайф, тело и разум приятно немеют, и мне уже плевать, что я вымок насквозь, пока шел от стоянки до входа в отель.

Мой разум чист. Кристально. Только это имеет значение.

Уже в вестибюле я позвонил Фэйбл и сказал, что мы заночуем в отеле примерно в часе езды от города. Затем отправился на поиски магазинчика и в конце концов нашел крошечную сувенирную лавку. Я пришел как раз вовремя, они уже закрывались. Я схватил пару зубных щеток, пасту, расческу для Челси, ведь у нее длинные волосы, и пузырек болеутоляющего средства.

Видите? Я могу быть хорошим парнем, когда захочу. Заботливым и милым. Так почему, черт возьми, Челси так зла на меня? Что я сделал?

Ты сказал: мы просто друзья.

Чушь какая! Девчонки такие чувствительные.

Купив, что нужно, я возвращаюсь в номер. Мне кажется, что я топаю как слон, хотя в голове у меня восхитительная легкость. Нужно просто поставить вопрос ребром: спросить, почему вскользь сказанные слова полностью изменили ее отношение ко мне? Вот так вот: с места в карьер. Стоя под дверью, я разглядываю зажатый в руке ключ. Я так сильно нагнулся, что чуть не повалился на дверь.

Проклятье. Похоже, в косяк забили какую-то лишнюю дурь. Может, лучше не стоит встречаться с Челси? А то наговорю какой-нибудь фигни.

С пятой попытки дверь наконец поддается, я захожу и кладу пакет с покупками на полку в ванной. После того как она принимала душ, здесь до сих пор тепло и влажно и витает слабый запах лимона.

Воображение уже подкидывает мне картину обнаженной Челси. Ее гладкая мокрая кожа так и манит прикоснуться.

Да. Просто идеально. Жаль, я не вернулся пораньше, тогда, возможно, застал бы ее в душе. Вместо этого нахожу Челси лежащей на боку посреди кровати в белом толстом халате. Она поджала ноги, свернувшись клубочком. Длинные влажные волосы разметались по подушке, глаза закрыты, а розовые губы приоткрылись во сне.

Я приваливаюсь к стене, сердце бешено колотится. Вид уязвимой, красивой и чертовски сексуальной Челси будит во мне непреодолимое желание. Хочется развязать пояс и широко распахнуть халат, наслаждаться ее шелковой кожей и молиться, чтобы она просила меня взять ее.

Нет, чувак, остынь! Ты же под кайфом. Она девственница. Ты не можешь быть под кайфом… в ее первый раз.

Чем дольше я смотрю на нее, тем больше тело напрягается, член дергается, и… *черт!* Я хочу ее, хоть и обкурился. Я всегда хочу ее.

Проклятье! Иду в душ, мысленно раздевая Челси, представляя, какова она на вкус, какие сладкие, горячие звуки будет издавать, когда я стану целовать, ласкать ее тело, нигде не задерживаясь надолго. С Челси я очень терпелив. Всегда.

Но на этот раз я умираю от желания ее. Безумно хочу видеть ее обнаженной, извивающейся от наслаждения в моих руках. Хочу скользнуть глубоко внутрь ее тела, смотреть ей прямо в глаза, нанося первый удар, достигая такой близости, какой раньше у меня не было ни с одной девушкой.

Закрыв дверь в ванную, я скидываю мокрую одежду и встаю под душ, позволяя горячей воде очистить мое продрогшее тело и грязные мысли. Член так тверд, что даже больно, я обхватываю его пальцами, крепко сжимаю и медленно поглаживаю. Закрываю глаза и продолжаю думать о Челси.

Но нет, я не хочу так. Она же там. Спит в постели, которую нам придется делить в эту ночь. Зачем впустую тратить время, когда я могу разбудить ее нежными, сладкими поцелуями и прошептать ей на ухо *«прости»*? Засунуть руки под махровый халат и надеяться ощутить ее нежную кожу? Я просто уверен, что она голая под халатом.

Сил нет, как хочу убедиться, правда ли это.

Выключаю воду, наспех вытираюсь, надевая только черные трусы. Не думаю, что запросто могу завалиться голым в постель. Вероятно, она с ума сойдет, обнаружив меня в чем мать родила. Я должен быть терпелив. Вот моя мантра с тех пор, как мы встретились: медленно, медленно, медленно.

Совсем не похоже на парня, который привык получать все *здесь и сейчас*.

Голова как в тумане после горячего душа, влажного пара и выкуренной травки. Выхожу из ванной и гашу свет, проверяю, закрыта ли дверь, а затем приближаюсь к кровати, где на самой середине спит Челси. Выключаю лампу на прикроватном столике, откинув одеяла, проскальзываю под них и укладываюсь на самом краю, потому как Челси заняла почти все пространство.

Она даже не шелохнулась, пока я укладывался; крепко же она заснула. Она лежит рядом со мной, положив ладони под щеку, такая нежная и невинная.

В темноте прислушиваюсь к ее дыханию, любуюсь ее лицом, освещенным слабым светом, пробивающимся сквозь плотные шторы. Рукой касаюсь влажных волос, пропуская пряди между пальцами. Она потрясающе пахнет. Я подвигаюсь поближе, ложась головой на одну с ней подушку, мечтая поцеловать ее.

Но сдерживаюсь. Нельзя. Я не могу просто взять и получить желаемое. Дело даже не в том, что я накурился, все должно произойти очень нежно.

Последняя мысль рассмешила меня. Черт, я все-таки словил кайф.

Челси заворочалась, слабо вздохнула, и этот соблазнительный звук как током прошиб мое тело. Я возбужден до предела. Такое не скрыть. На мне лишь нижнее белье, и все слишком очевидно. Надеюсь, она не особо испугается.

Я снова смеюсь, *отстой*, это и правда смешно. Ее ресницы задрожали; я затаил дыхание. Мне вовсе не хотелось ее разбудить.

– Оуэн. – Она потягивается и задевает меня рукой. Мой член тут же зашевелился. Черт, она едва коснулась меня, а я уже готов взорваться. – Когда ты вернулся?

– Недавно. Я уже принял душ.

Вздрогнув, она садится и оглядывается, проводя рукой по волосам.

– Я разлеглась на всю кровать. Извини. – Она отодвигается, и я ложусь свободней, с благодарностью занимая больше места, потому как чувствовал, что могу навернуться с кровати в любую секунду. – Голова почти прошла. – Она потирает лоб, пробегает пальцами по волосам. Хотел бы я сделать то же самое.

– Уверена? Я купил тебе обезболивающее в магазинчике, – говорю я. – Если хочешь, принесу таблетку и стакан воды.

– О, купил лекарство? Спасибо. Ты такой милый. – Она улыбается мне, ее взгляд и голос полны нежности. – Не стоит, я в порядке.

– Челс, – я откашлялся, собираясь с духом. – Прости за то, что

случилось.

– О чем ты? – она хмурится, выглядя смущенной.

– То, что я сказал Фэйбл, – объясняю я. – Что мы только друзья. Я просто хотел, чтобы она отстала. Это ничего не значит.

Она снова нахмурилась.

– Значит, наши отношения ничего не значат. Ты так думаешь?

– Я не это имел в виду. Я… – качаю головой. – То, что я сказал Фэйбл, ничего не значит. Но ты, Челси… ты определенно кое-что значишь для меня.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, рот чуть приоткрыт от удивления. Черт, какая же она красивая. Она так близко, что я вижу веснушки у нее на носу. Хочется наклониться и поцеловать каждую.

– Спасибо. Рада, что ты сказал правду, – шепчет она дрожащим голосом.

– Ты в порядке? – Мои руки буквально зудят от желания дотронуться до нее.

– Я просто… устала.

– Тогда снимай халат и забирайся под одеяло, – не без тайного умысла говорю я, сгорая от любопытства. Воображение подкидывает все новые и новые образы. Но все они заканчиваются видом обнаженной Челси.

– Хм, – она поднимается с кровати и встает у противоположной стороны, поближе к стене. – Но под ним… на мне ничего нет.

Я судорожно сглотнул. Это именно то, что я желал услышать, но теперь, когда знаю, что она голая, уже не знаю, что делать дальше. Что мне сказать?

Такое со мной впервые. Я всегда знаю, что делать с обнаженной девушкой.

Но не с обнаженной Челси.

Челси

Мне снился Оуэн. Его большие сильные руки на моей коже, горячий влажный рот на шее, наши сплетенные тела на огромной гостиничной кровати. Во сне я умоляла его не останавливаться, продолжать ласкать мое тело. Я лежала на спине в центре матраса, и вот он ведет губами по горлу, груди, обводит языком сосок и лижет, господи, мне хочется еще, еще, еще…

Я вздрогнула и обнаружила, что он лежит рядом, наблюдая за мной. Его зеленые глаза сверкают в тусклом свете, пробивающемся сквозь шторы. Красивый и влажный после душа, его голая накачанная грудь блестит в сумраке. У меня слюнки текут при виде его великолепного, мускулистого тела. Я позвала его по имени, чтобы убедиться, что это не сон и он здесь, рядом со мной. А я так возбуждена и встревожена этим сном, что должна убедиться в реальности происходящего.

Он отвечает, и я знаю, что мне делать. Не надо бояться. Я хочу этого.

Тем более что он извинился, сказал, что я много для него значу. Что мне теперь делать? Первым желанием было сбежать и затаиться где-нибудь. Но я устала бегать и прятаться от мужчин и их желаний в отношении меня. Невозможно так жить.

Я хочу большего. Хочу Оуэна.

Как только я призналась, что под халатом я голая, в комнате возникло невыносимое напряжение. Мы смотрим друг на друга. Стоя возле кровати, я чувствую, как уверенность покидает меня, а тело бьет нервная дрожь. Возможно, я не могу выразить свое желание словами, но зато я могу его показать.

Показать, что хочу отдать ему свое тело… и сердце.

Дрожащими пальцами я развязываю пояс и слегка распахиваю халат, так, что наготу едва видно. Дыхание сбивается, сердце бешено колотится. Оуэн резко садится на кровати, спиной к изголовью, лицом ко мне. Он не сводит с меня жадных глаз, взглядом умоляя не останавливаться.

И я продолжаю. Расправляю плечи, выпрямляюсь и сбрасываю халат на пол, позволив ему упасть бесформенной кучкой к моим ногам. И вот впервые в жизни я стою совершенно голая перед парнем.

– Черт, Челси. – шепчет он сдавленным голосом. Он трогает себя между ног, словно что-то поправляет, отчего все тело вспыхивает огнем. Кожа горит, между ног пульсирует, и я…

Совершенно не знаю, что делать.

– Иди сюда, – шепчет он. Я вся покрываюсь мурашками от звука его голоса. Он протягивает руку, я беру ее, переплетая свои пальцы с его. Сажусь на край скрипучей кровати, он подтягивает меня ближе, не оставляя мне иного выбора, кроме как взобраться к нему на колени.

Я сижу на нем так же, как и в ту первую ночь, когда мы целовались на заднем сиденье машины, но на этот раз я совершенно голая и нас разделяет только простыня и одеяло. Он обнимает меня, гладит по спине, я чувствую себя беззащитной, неуверенной, но счастливой.

– Ты прекрасна, – бормочет он и накрывает мой рот своими жадными губами, я тону в глубоком поцелуе. На вкус он как зубная паста.

Он еще крепче прижимает меня к себе, так что я прижимаюсь грудью к его широкой груди: кожа к коже – так хорошо, что мне хочется плакать.

– Ты тоже, – шепчу я, когда мы немного отстраняемся, он покрывает поцелуями мою шею, а мои руки скользят по его обнаженному торсу, ощущая крепость мышц и жар возбужденного тела. Грудь очень твердая, как и соски, я нежно царапаю его ногтями, он резко выдыхает, а потом целует меня так яростно и глубоко, что у меня темнеет в глазах.

Губы крепкие, вкусные, умелые. Он целует меня, словно точно знает, что мне нравится и чего я хочу. Его язык проскальзывает мне в рот и осторожно трется о мой, распаляя обнаженное тело.

Я прижимаюсь ближе, страстно целую в ответ и надеюсь, он понимает, как много значит для меня этот поцелуй в темном гостиничном номере, когда между нами почти не осталось барьеров.

С каждым движением языка между ног становится влажнее и соски превращаются в упругие жесткие пики. Я обхватываю ладонями его шею, запуская пальцы во влажные волосы, теснее прижимаюсь ртом, углубляя поцелуй, если это вообще возможно, и сжимаю ногами его бедра.

– Челси. – Он шепчет мое имя, скользя губами по шее и крепко сжимая руками талию. – Черт, как же хорошо.

– Пожалуйста, прикоснись ко мне, – умоляю я, удивляясь сама себе.

Но здесь, в темноте странного, незнакомого места, впервые постигая прекрасные и неизведанные ласки, я чувствую себя смелой, сильной, другой.

И мне это нравится.

Он скользит руками по бедрам, пока не обхватывает меня сзади. Я не могу сдержать стон, когда он ласкает меня медленно и уверенно. Его тяжелое, возбужденное дыхание лишь усиливает мою неконтролируемую дрожь.

– С самого начала твоя задница сводит меня с ума, – признается он хриплым голосом.

Я улыбаюсь и вжимаюсь в его ладони, чувствуя, что его пальцы так близко к болезненно пульсирующей точке между ногами, что, кажется, я умру, если он немедленно к ней не прикоснется.

– Вот как?!

– Она совершенна, Челс. – Он гладит пальцами чувствительную кожу, которой раньше никто не касался, заставляя меня стонать еще больше. – Чертовски.

Мне нравится, когда он называет меня Челс. А еще когда говорит эти сладкие, милые слова. Никто и никогда не называл меня совершенной. По тому, как нежно и бережно он прикасается ко мне, я понимаю, что он искренен.

Он прокладывает дорожку из поцелуев на моей шее, опускаясь ниже к ключицам, я наклоняюсь к нему, хватаясь за плечи, чтобы удержаться. Его губы и язык словно по волшебству заставляют мою кожу гореть и искриться от его прикосновений. Он крепче сжимает задницу, приподнимая меня.

Затем он спускается губами в ложбинку меж грудей, трется, облизывает, пробует на вкус. Я наклоняю голову, волосы рассыпаются вокруг лица; я зачарованно смотрю на то, что он со мной делает и как мое тело реагирует на каждое его прикосновение.

Губы касаются левой груди, он слегка прикусывает кожу зубами и смотрит мне в глаза. Сосок напрягается от горячего дыхания, а затем он губами обхватывает твердую плоть и начинает лизать и сосать, лишая меня остатков разума.

О боже. Хочется сказать это вслух, но я поджимаю губы и наклоняюсь к нему, еще крепче сжав мускулистую шею. Простыня скомкалась на коленях у Оуэна, и я сижу прямо на нем, безошибочно чувствуя, насколько он возбужден.

– Господи, – бормочет он; напрягая мышцы и приподнимая меня одной рукой, он выдергивает простыню. Теперь между нами нет ничего, кроме плавок, я сжимаю его бедра ногами и трусь о покрытый хлопком член, обдавая его жаром и влагой. Я хочу больше. Но он отстраняет меня. Я чувствую, как он тяжело дышит, прижавшись губами к моему лбу.

– Не хочу торопиться, – шепчет он. – Ты должна сказать мне, Челси.

– Сказать. – Я сглатываю, когда чувствую губы и зубы на шее, легко покусывающие плоть. – Что сказать?

Он хватает меня за подбородок, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

Я моргаю, фокусируясь на его горящем страстью взгляде. У него распухли губы, глаза подернулись дымкой, и раньше я никогда не видела Оуэна таким сексуальным, таким невероятно красивым. Мне хочется прикоснуться к его лицу, исследовать каждую черточку, но затем слова достигают моего перевозбужденного сознания, и я от изумления открываю рот.

– Ты девственница?

Глава 15

«Не губы ты мои целуешь, но душу».

– Джуди Гарленд[18]

Оуэн

Я жду ответа. Все, что я мог бы сказать, чтобы облегчить ее признание, застряло комом в горле. Она смотрит на меня: смелая, прекрасная принцесса исчезла в одно мгновение, и снова эта нервно закушенная губа и растерянные, широко распахнутые глаза.

Мне знакома эта версия Челси, но я бы предпочел раскрепощенную девушку, ту, что минуту назад умоляла меня взять ее. Я знаю, она все еще там, прячется под сенью беспокойства и ожидания. Просто нужно уговорить ее вернуться.

– Я… – она делает глубокий вдох и закрывает глаза, опустив голову и прижавшись ко мне лбом. – Да, – признается она, ее почти не слышно. – Ты у меня первый.

Я знал это. Всегда. С самой первой встречи, с первого момента, но произнесенные вслух слова, подтверждающие догадку, будят во мне инстинкт собственничества. Словно по телу пустили электрический разряд. Он вибрирует под кожей, вызывая дрожь. Я обнимаю ее, крепче прижимая к себе. Поворачиваю голову и шепчу ей на ушко:

– Мы должны сделать это так, чтобы *тебе* было хорошо, Челс.

– Мне *уже* хорошо, – шепчет она. – Очень, очень хорошо.

Закрывая глаза, я держу ее, убеждая себя успокоиться. Нет, я так не поступлю. Не возьму ее в гостиничном номере неизвестного города, и Челси все еще переживает из-за того, что случилось днем по моей вине. Меня не должно обмануть то, как смело она ведет себя сейчас, как сильно меня хочет и как сладко чувствовать ее обнаженное тело, прижимающееся ко мне.

Я под кайфом. Возможно, ничего потом не вспомню. Или, того хуже, испорчу все, а потом никогда себя не прощу.

– Просто хочу, чтобы ты прикасался ко мне. – В голосе звучит обеспокоенность и разочарование, я поднимаю голову, чтобы посмотреть на ее красивое лицо. Веду рукой по волосам, убираю пряди со щеки и встречаюсь с ней взглядом.

– Я тоже этого хочу, – признаюсь я, любуясь ее грудью. Боже, она совершенна. Я не любитель большой или поддельной груди, так что Челси определенно создана для меня. Не в силах побороть искушение, я сжимаю рукой грудь, обводя большим пальцем розовый сосок.

Ее аккуратные маленькие соски напоминают ее второе имя.

Стихотворение, написанное для нее. И сейчас я могу воплотить его в жизнь. Прямо сейчас. Ласкать рукой красивые розовые складки между ног, заставляя кричать мое имя, забывшись в оргазме…

– Ложись на спину, – командую я, отрываясь от груди, чтобы устроить все как нужно.

Дрожа всем телом, она охотно подчиняется, не сводя с меня своих широко распахнутых глаз. Я наклонился и поцеловал ее, глубоко и жарко, пытаясь лишить ее разума и заставляя перестать волноваться за то, что сейчас произойдет.

– Ты когда-нибудь прикасалась к себе, Челс? – Я ложусь на нее, рот приникает к груди, губы захватывают один сосок, затем другой. Она выгибается подо мной, тихий прерывистый стон вырывается из ее горла, а член наливается кровью, тяжело гудит от боли, упираясь в плавки, отчаянно стремясь на свободу.

Черт возьми, я не могу снять трусы. Как только я их сниму, все будет кончено. Я буду в ней так быстро, и она даже не поймет, что произошло.

– Эй. – Слегка прикусываю сосок, отчего она, потрясенная, вскрикивает и смотрит на меня. – Я задал вопрос.

– Вопрос, на который я не собираюсь отвечать, Оуэн. – Она рукой закрывает глаза и вздыхает. Все ясно: конечно, прикасалась, эта картина так ярко вспыхивает в моем мозгу, что я мысленно медленно считаю до пяти, чтобы успокоиться.

– Хм, это о многом говорит. – Я ласкаю рукой тело, стараясь понять, что именно ей нравится, что сводит с ума, а что совершенно не впечатляет. Она предпочитает нежные прикосновения. Я заметил это за последнюю пару недель, когда мы обнимались. Ей нравится, когда я легонько провожу ногтями по коже или ласкаю шею, плечи, мягко целую шею, становясь все настойчивее и ненасытнее…

Я стараюсь быть нежным, лаская руки, живот, грудь, соски.

Она задерживает дыхание и судорожно выдыхает, прежде чем снова задержать его. Я довольно улыбаюсь, радуясь, что мои прикосновения вызывают у нее такую реакцию.

– Дыши, Челс. – Я наклоняюсь и облизываю сосок, заставляя ее задыхаться. – Единственный способ наслаждаться – дышать.

– Поверь, я наслаждаюсь, Оуэн. – Голос дрожит, и она закрывает глаза, когда мои пальцы ласкают нежный изгиб живота, обводят пупок. Кожа чертовски мягкая. Везде. – Очень-очень.

Она немного раздвинула ноги, и моя рука опускается ниже, зарываясь пальцами в дорожку лобковых волос, ее жар обжигает мне руку, а ведь я

еще не коснулся самого сокровенного места. Я чувствую ее запах: сладость цитруса смешалась с уникальным мускусным ароматом, запахом секса, женщины и запахом Челси.

Проскальзываю пальцем ниже: такая мокрая и горячая. Невероятно горячая. Двигаюсь дальше и не могу сдержать стон, когда понимаю, что она истекает влагой. Жаркая и влажная. Нащупываю складки и одновременно накрываю губами ее рот, чтобы поглотить рвущийся крик.

Она двигается бедрами навстречу пальцу, я добавляю второй, а большим обвожу клитор. Я двигаюсь медленно, неспешно целую ее, мозг полностью отключается, когда я подвожу ее к краю. Все ближе и ближе к оргазму. Она отзывчива. Очень отзывчива. Не хочу, чтобы это кончалось.

Я хочу запомнить этот момент навсегда, но боюсь, он сотрется из памяти, как только я усну. Иногда, после того как накурюсь, я ни черта не помню. А та дрянь, что я успел выкурить, была чертовски хороша. Слишком хороша. Настолько, что заставит тебя забыть все на свете. По сути, это и есть причина курения травки.

Но я не хочу забыть этот момент. Он один из самых важных в жизни. Впервые я заставлю Челси кончить мне на пальцы. Такое не разделишь ни с кем, слишком личное. Только мое. Я не хочу забывать. Ни за что.

– Оуэн. – Она выдыхает мое имя; от сладкого звука ее голоса у меня закипает кровь, я облизываю ее губы и просовываю в рот язык, заставляя замолчать.

Указательным пальцем я проникаю внутрь нее, ощущая тугую, горячую, бархатистую плоть. Боже, это будет райское наслаждение, когда вместо пальца в ней окажется мой член. Невероятно. Наверное, я кончу мгновенно.

Да я могу кончить, просто думая об этом.

Она двигается на моей руке, поднимает бедра, выгибает спину, пытаясь принять меня глубже. Теперь я вхожу двумя пальцами, а большим продолжаю ласкать клитор, снова и снова, ее бедра распахнуты, и она поднимает их выше, упираясь ступнями в матрас. Я смотрю на нее, очарованный реакцией на мои прикосновения. Она повторяет мое имя, шепчет неразборчивую чепуху, и я вхожу предельно глубоко, сильнее вжимаясь пальцем в клитор. Она замирает, раскрывает губы, зажмуривается и… дрожа всем телом, кончает. Я чувствую, как оргазм мелкой дрожью выплескивается наружу, сопровождаясь ритмичной пульсацией вокруг пальцев.

Просто чудо, как легко и естественно ее тело реагирует на прикосновения. Она оседает на матрасе, обессиленная, дрожащая и

удовлетворенная. Ноги все еще широко распахнуты, и можно видеть ее влажное сладкое естество.

Черт. Как бы я хотел прямо сейчас глубоко погрузиться в нее и раствориться там.

Но нет. Хоть раз в жизни я не пойду на поводу у своего эгоизма. Я буду тем, кто дает, а не забирает. И пусть это совсем нелегко.

Медленно вынимаю пальцы, наклоняюсь и целую ее перед тем, как поднести их к губам и почувствовать ее запах. Попробовать на вкус.

Думаю, в следующий раз я заставлю ее кончить ртом.

– Господи, ты облизал пальцы? – Она делает резкий вздох, и я провожу пальцем по ее губам. Тем самым, который только что был в ней.

– Обещаю, в следующий раз глубоко в тебе будет *не палец*. Попробуй себя на вкус.

Говорю как озабоченный придурок, но мне все равно. Жар охватывает все тело, когда она из любопытства осторожно высовывает кончик языка и облизывает мой палец.

– Соленая, – шепчет она.

Я вытягиваюсь рядом с ней и целую ее в лоб.

– Вкусная.

Она прижимается ко мне, уткнувшись лицом в грудь. В комнате тихо, я все еще слышу ее учащенное дыхание и глажу ее спутанные волосы, чтобы успокоить.

– Это было… – Она замолкает.

– Хорошо? Неплохо? Так себе?

Челси хихикает и целует меня в грудь.

– Замечательно. Да ты и сам знаешь.

– Рад слышать. – Член пульсирует, напоминая о себе, но я приказываю жадному ублюдку угомониться.

– А как же ты? Ты не хочешь…

– Кончить? Не сегодня, Челс. Сегодняшний вечер только для тебя. – Я нежно целую ее в лоб. Хочу, чтобы она знала, как много она значит для меня, хоть я и не могу выразить это словами.

Поэтому я не двигаюсь, а просто обнимаю ее, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце, наслаждаясь пустотой, которая все еще царит в голове. Я смог бы спокойно заснуть, если бы голая Челси не ерзала под боком.

– Но ведь ты…

Так мило, что она стесняется говорить прямо.

– Твердый? Черт возьми, да. Хочешь потрогать?

– Нет! – И замолкает, а я смеюсь. – Да, – говорит она. – На самом деле хочу.

– Тогда действуй. – Я немного отстраняюсь, ложусь на спину, практически вкладывая член в ее ладонь, убираю руки за голову, развалившись как ни в чем не бывало.

Однако мои нервы на пределе, тело отчаянно требует прикосновений. Сомневаюсь, что ей хватит духу.

Челси

Немыслимо, чтобы после подаренного мне удовольствия я ничего не дала взамен.

Тело еще хранит отголоски сладкой дрожи. Самой мне не было так приятно прикасаться к себе. Конечно, я читала книги, которые вызывали приятное тепло между ног, и несколько раз я пыталась себя ласкать, но мне не понравилось.

Всю жизнь я прожила как затворница. Родители никогда не говорили о сексе, хотя отец не пропускал ни одной юбки мимо себя. Не жизнь, а сплошное противоречие, голубая мечта психиатра.

Однако я видела достаточно телепрограмм и фильмов, чтобы понять, что секс может быть потрясающим, чувственным. Обычно меня это пугало. Но не с Оуэном. То, как он прикасался ко мне… *Господи*.

Восхитительно.

Он думает, я к нему не прикоснусь. С самодовольным видом развалился на подушке, заложив руки за голову, и дразнит меня.

Облокотившись на руку, я рассматриваю его. Сильная мускулистая шея, твердые ключицы, красивая грудь; соски плоские, коричневые и маленькие, загорелая кожа плотно обтягивает железные, красивой формы мышцы; подтянутый, рельефный живот, наконец, дорожка темных волос, ведущая от пупка вниз и скрывающаяся под плавками.

Не раздумывая протягиваю руку и веду пальцем по мягким волоскам, опускаясь все ниже и ниже, пока не касаюсь его возбужденного члена. Он дергается под мягким хлопком словно живой, и я отдергиваю руку, как будто он пытался укусить меня.

Оуэн смеется, и я сердито смотрю на него.

– Не смейся, – говорю я строгим голосом.

– Нет, Челс. Ни за что. Просто это невыносимо мило. – Ладонью он обхватывает мою щеку и скользит большим пальцем по коже. – Ты раньше никогда не прикасалась к парню, да?

– Нет. – Чувствую себя глупо из-за своей неопытности. Но это дело наживное. Получу ли я такой шанс? По большей части в подростковом возрасте я была очень замкнутой, и мальчишки не обращали на меня внимания.

Теперь самый красивый парень из всех, кого я когда-либо видела, лежит рядом в постели, говорит, что я прекрасна, целует, а несколько минут

назад довел до оргазма.

Дурманящее чувство.

– Давай освободим зверя. – Он начинает снимать нижнее белье, а я смеюсь: надо же, зверь! Плавки, проскользнув по крепким бедрам, коленям, волосатым голеням, оказались вокруг щиколоток, и он сбрасывает их на пол. Полностью обнаженный, он укладывается обратно на спину, и все, что я могу, – просто смотреть.

Смотреть на член, очарованная его формой и тем, как он изгибается. Большой, толстый, с прожилками вен и с головкой, похожей на сливу, с сочащимся белесой жидкостью кончиком.

Я обхватываю пальцами ствол, удивляясь, какая, оказывается, у меня маленькая рука и какой большой он. Нет, не ужасно страшный или вроде того, но уж точно не маленький, а я помню, как неудобно было ощущать внутри себя палец. Неужели он войдет в меня членом? Тело трепещет от подобных мыслей.

– Будешь просто держаться за него или что-нибудь сделаешь? – Его голос сдавлен и напряжен, словно ему больно.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Он накрывает мою ладонь своей, сжимает член и показывает, как его ласкать. Сжимает довольно сильно, подергивает, тянет, и, следуя его примеру, я веду рукой ниже, поглаживая яички, потому что я и так уже далеко зашла… Чего уж тут?

– *Черт*. Именно так, – одобряет он, убирает руку, и я продолжаю сама. Глажу, сжимая то сильно, то нежно. Стараюсь свести его с ума так же, как он свел меня. Трогаю кончиками пальцев вздувшиеся вены. Он дрожит от прикосновений, тело напряглось, на коже выступил пот. Я чувствую его запах. Я хочу попробовать его.

Ему нравится. И мне нравится. Пожалуй, я слишком взволнована, чтобы взять его в рот и облизать головку языком. Я хочу, но вдруг сделаю что-то неправильно? Испорчу все, и в конце концов он посмеется надо мной?

Не знаю, смогу ли я когда-нибудь оправиться от подобного фиаско.

– Нет такого учебника, Челс, где было бы написано, как прикасаться к моему члену.

Его слова, точнее, одно слово, заставляют мои щеки гореть огнем, учитывая, что он почти угадал мои мысли. Я ведь просто не знаю, что и как делать.

– Но если я что-то сделаю неправильно? – шепчу я.

– Детка, ты прикасаешься ко мне, и мне это нравится. – Мне нравится,

что он называет меня деткой. – Просто продолжай. Дотронься до меня. Я уже так близок к финалу, что, вероятно, уже через несколько секунд кончу на твои пальцы, имей в виду.

Ох, ну ничего себе! Он так запросто говорит об этом. Хотела бы я стать такой же раскрепощенной.

Я обхватываю член рукой и начинаю двигаться, поглаживая вверх и вниз, сжимая и отпуская. Он хватает мой подбородок и приподнимает лицо, целует, пока я не начинаю задыхаться. Я не замечаю ничего вокруг, кроме Оуэна: его рот слился с моим, язык ласкает мой собственный, я чувствую его всем телом. Глажу, и его бедра дрожат, одной рукой он снова показывает мне, как именно ласкать, а потом он отрывается от моих губ и тяжело дышит. Я вижу напряжение на красивом лице.

– Черт, Челс. Я сейчас…

И затем он кончает мне на пальцы, как и говорил.

Ладонь стала скользкой и мокрой, и я, зачарованная, смотрю, как он тает от удовольствия так же, как и я несколько минут назад.

Я буквально ошеломлена интимностью и красотой момента. Мы с Оуэном разделили нечто удивительное. Ни с кем другим у меня не было ничего подобного. И я не знаю, что говорить и что чувствовать.

Поэтому делаю, что он велит. Мы идем в ванную и принимаем душ в темноте, нам не хочется видеть друг друга в ярком свете. Думаю, он понимает, что я все еще немного растеряна и смущена, несмотря на произошедшее. Он притягивает меня к себе, после того как я вымыла руки, и целует нежно и сладко; мы касаемся друг друга обнаженной кожей – мне так хорошо, что сердце того и гляди выпрыгнет из груди.

– Нужно поспать, – шепчет он в губы.

Я киваю.

– И выехать пораньше. Мне нужно забежать домой за статьей.

– Ответственная студентка, как и всегда. – Он целует кончик моего носа, берет за руку и ведет в комнату.

– Давай, Челс. Уложим тебя.

Я стою рядом, пока он взбивает подушки, откидывает покрывала, и любуюсь его крепкой задницей. Даже в тусклом свете все видно, так что не имеет значения, поймает ли он меня за подглядыванием или нет.

Если уж он думает, что моя задница хороша, то должна же я посмотреть на его. От такого вида мне снова становится жарко, Оуэн такой соблазнительный со всех сторон.

– Отлично, забирайся, – говорит он и жестом указывает на кровать, и я слушаюсь: укладываюсь на матрас и жду, пока он накроет меня одеялом,

натянув до самого подбородка. Наклонившись, он целует меня в лоб, забирается в кровать и устраивается рядом.

Ложится на бок и прижимает меня к себе. Я поворачиваюсь к нему лицом и закрываю глаза, слушая биение его сердца. Он запускает пальцы мне в волосы и шепчет что-то, но я не могу разобрать слов. Я слишком сонная и уставшая, чтобы понять.

Но одно знаю точно: ни разу в жизни я не чувствовала себя такой довольной и уверенной.

Глава 16

«Неважно, кто вы: роза, лотос или маргаритка. Важно то, что вы расцветете».

– Ошо[19]

Челси

Жду его, как обычно. Он редко приходит вовремя. Разве что в нашу первую встречу Оуэн явился на занятия в указанный час, да и то, чтобы только впечатлить меня. А так десятиминутные опоздания для него норма.

Но я не сержусь. В конце концов, он скорее мой парень, чем подопечный, верно?

На губах блуждает загадочная улыбка, пока проверяю почту, просматривая стену текста от мамы. Она просто не может перестать писать мне. Если бы не безлимитный тариф, то мне приходилось бы каждый месяц оплачивать огромные телефонные счета.

Ей нужно чем-то заняться. Я устала от ее постоянного беспокойства за меня. В последнее время она часто говорит о папе, и мне непонятно, почему. Он больше не часть нашей жизни. Мне казалось, она подала на развод.

Еще есть сообщение от Кэри, где она спрашивает, приду ли я сегодня домой. Она пишет, что неважно себя чувствует, так что я бы предпочла не встречаться с ней, чтобы не заболеть. Сегодня среда, и, по идее, мне нужно работать в ночную смену, но вчера утром я заскочила в закусочную и попросила шефа изменить мой график. Он согласился, и теперь я не работаю поздно ночью, потеряв всего лишь четыре часа в неделю.

Но я довольна. Не люблю работать ночью, да и Оуэн не в восторге от этого. Ради него я изменила свое расписание.

– Я сегодня не работаю, а потом, вероятно, пойду к Оуэну, – пишу я ей.

– Боже, одна ночь в отеле с ним, и ты уже превратилась в законченную шлюху.

Улыбаясь, качаю головой. Опять она дразнится.

– Конечно. Я законченная шлюха.

– Ура! Горжусь тобой. Шлюхи всех стран, объединяйтесь!

Смеясь, начинаю писать ответ, но большая ладонь закрывает глаза. Я вдыхаю знакомый осенне-хвойный аромат и подыгрываю ему.

– Угадай, кто. – Низкий, волнующий голос Оуэна, по телу пробегает дрожь, и кожа покрывается мириадами мурашек.

– Хм, даже не представляю.

Он посмеивается.

– Ты назвала себя шлюхой в эсэмэске Кэри?

– Боже, ты не должен был видеть. – Я пытаюсь вырваться из его

объятий, но он не отпускает. Он прижал мой затылок к груди, такой твердой и теплой.

Мне бы рассердиться на него, но я не могу.

– Довольно, Оуэн.

– У меня для тебя сюрприз. Готова? – Он все еще закрывает мне глаза, я ничего не вижу и с легким раздражением складываю руки на груди. Мне никогда не нравились такие игры. Чувствую себя неуверенно и глупо.

– Готова, – ворчу я.

– Не открывай глаза, пока я не скажу, что уже можно открыть, ладно?

– Они уже закрыты. – Расправляю плечи и сжимаю телефон в руке, экраном вниз. Жаль, что Оуэн прочел то сообщение. Хотя, конечно, он просто не смог удержаться.

Какой стыд.

Он убирает руку с моих глаз, и я слышу, как он с тихим шелестом кладет что-то передо мной на столе.

– Теперь можешь открыть глаза.

Открываю и вижу красивую розу нежно-розового оттенка с плотно свернутыми лепестками; сам цветок еще не распустился. Я осторожно поднимаю его, не касаясь шипов, и подношу к лицу, вдыхая насыщенный аромат. Даже не распустившись, роза чудесно пахнет.

– Красивая, – говорю я, покручивая стебель между пальцами.

Улыбаясь, он садится напротив.

– Тебе нравится?

– Конечно. – Парни никогда раньше не дарили мне цветы. – Очень.

– Она напоминает тебя. – Его красивые губы расплываются в хитрющей улыбке. – Розовый цвет такой же, как твои…

– Не говори! – Я перегибаюсь через стол и зажимаю ладонью его рот, чтобы он не произнес бог знает что. Честное слово, я умру от стыда, если он скажет что-нибудь похабное. Я и сейчас не могу смотреть ему в глаза. Мы еще не виделись с тех пор, как вернулись домой, и мне несколько неловко.

Его озорные глаза искрятся беззвучным смехом, я убираю руку, откидываясь назад на стул, грозно глядя на него.

– Я собирался сказать… *губы*. – Он подчеркивает последнее слово. – И только-то! А ты о чем подумала?

– Сам знаешь. – Щеки горят от смущения. – Я надеялась, мы проведем занятие, не обсуждая произошедшее.

– В самом деле? Какая жалость, Челс. А я надеялся целый час говорить только об этом. Немного отдохнуть. Может, я мог бы поцеловать тебя и

убедить прийти ко мне сегодня вечером? Придешь после работы?

– Ты правда хочешь, чтобы я приехала в два ночи? – Я в полнейшем недоумении.

– Хочу использовать любую возможность видеться с тобой почаще. – Он подходит к столу и берет мою руку, переплетая наши пальцы. – Я уже говорил тебе это, помнишь?

Я кладу розу на стол, нежно поглаживая пальцами ее бархатистые лепестки.

– Оуэн, что ты собирался сказать о розе?

– Я уже говорил. Ее цвет напоминает о твоих губах.

– Правда? – Поднимаю голову, встречаясь с ним взглядом.

Он улыбается.

– Да. Ну и о твоих сосках. Потому что они такие же розовые.

– Боже. – Я хочу вырвать руку, но он не отпускает. – Не верится, что ты это сказал.

– Сама попросила. – Он пожимает плечами, сжимая мне руку. – Итак, ты придешь сегодня вечером? Время неважно. Я не лягу спать, буду ждать тебя.

Я несколько ошарашена тем, как легко он приглашает меня к себе ночью, не стесняясь говорит о губах и сосках, держит меня за руку и загадочно улыбается.

Все, о чем я могу думать, – это его руки, ласкающие мое тело, проникающие внутрь меня. И еще мои собственные руки, прикасающиеся к нему даже в самых интимных местах. Мы разделили нечто очень сокровенное, что только может произойти между двумя людьми, а теперь сидим здесь и ведем непринужденную беседу. О работе, учебе и сосках.

– Вчера утром я зашла в закусочную и поговорила с шефом. – Глубоко вздыхаю и сжимаю пальцы Оуэна. – Я больше не работаю в ночную смену.

– Ну слава богу. Терпеть не могу твои поздние смены. Опасно идти домой.

– Девушка, которая работает со мной, всегда подбрасывает меня до дома после работы. – Я пожимаю плечами, втайне радуясь, что он, оказывается, беспокоится обо мне.

– Все равно. Это опасно. – Его взгляд смягчается, цвет глаз напоминает зелень травы в теплый летний день. – Значит, ты сможешь прийти пораньше?

– А как же тренировка?

– Только до шести. Я сегодня не работаю. Решил работать чуть меньше, чем планировал. Лучше возьму больше смен после окончания

футбольного сезона.

– Хорошо. – Даже прекрасно. Его график настолько плотный, что я боялась, мы совсем не будем видеться.

– Хочу показать тебе еще кое-что. – Он достает папку из рюкзака и кладет ее между нами на стол. – Мое портфолио по творческому письму.

– М-м-м. – Я медленно открываю папку и вижу красивую, аккуратную стопку сочинений Оуэна. Список заданий подшит с левой стороны, и там отмечены те, которые он уже сделал.

– Похоже, ты почти закончил.

– А то. – Он пододвигает папку к себе поближе, листает бумаги, пока наконец не находит что-то. – Прочти.

Беру листок и вижу напечатанные слова, но пока не могу разобрать написанное.

– О чем это?

– О тебе.

– О! – Не знаю, что сказать. Он такой нежный и милый. И так изменился. Расцепив наши пальцы, я беру листок, кладу прямо перед собой и читаю.

Моя трогательная маленькая роза,
Такая нежная и мягкая,
Теплая, покрытая росой…
Она как возвращение домой.
Я прижму ее покрепче,
Дам то, что ей нужно,
И, когда все отдам,
Буду счастлив.

Я вся горю. Смысл стихотворения очевиден. Боже, он ужасен. И вместе с тем бесконечно прекрасен.

– Оуэн. – Я подбираю слова и чувствую его взгляд. – Это…

– Неплохо, да? Поэт из меня так себе, да еще и с рифмой я не дружу, но эти строки пришли на ум вчера ночью, и я подумал, что в целом неплохо. Не идеально, но достаточно близко к тому, чтобы назваться стихотворением, а?

Молча читаю стихотворение еще раз. Затем еще раз. На первый взгляд слова кажутся невинными.

– Да, я действительно делал уроки вечером после тренировки.

Представляешь? – Я слышу гордость в голосе и снова перечитываю, задерживаясь на строке, где он называет розу своим домом.

Это правда? Он так думает обо мне?

– Прекрасно. – Наконец-то я набираюсь смелости и поднимаю на него глаза. Он сидит, откинувшись на спинку стула и вытянув ноги вперед, с жутко довольной миной на красивом лице.

– Я так и думал. – Он улыбается, сложив руки на груди. – Ты же поняла, о чем это?

– Конечно. Я же не дурочка.

– Не говори так. – Он улыбается еще шире. – Думаю, ты моя муза, Челс. Мое вдохновение.

Мои щеки становятся ярче розы, лежащей на столе.

– А ты не подумал, что учитель догадается, о чем ты написал? Он может этим оскорбиться.

– Мне все равно, – он пожимает плечами. – Мне нравится писать о… личном.

Мне одновременно хочется и убить его, и поцеловать.

Он садится, вытаскивает другой лист бумаги из папки и придвигает ко мне.

– Прочти. Это я написал несколько недель назад.

Прелестная свежая роза с колючими шипами
Застенчиво рдеет. Не покорилась никому.
Завоевать ее пришел, касаясь пальцами
Сначала медленно и нежно, лепестки раскрывая…
Лаская, привлекаю ближе.
Ближе.
Пока не сомну ее всю.
Лепестки раскрыты, красота измята
Моей рукой.
И теперь она
Моя Вселенная.

– Нам задали написать парочку стихотворений, – объясняет он спокойно и обстоятельно, в то время как я лихорадочно пытаюсь осознать, что он пишет о наших самых интимных моментах, что мы разделили, констатирует на бумаге, увековечивает. – Одно можно было сделать в любом понравившемся формате, а другое – обязательно рифмованное.

Даже не знаю, какой из двух вариантов мне больше нравится. По-моему, они оба чертовски великолепны.

– Говоришь, написал это несколько недель назад? – Я пристально смотрю на него.

– Э-э-э, да. – Он выглядит смущенным. Ну наконец-то. – В тот вечер, когда ты была у меня и мы ели китайскую еду.

– Но у нас ничего не было! Ни поцелуев, ни прикосновений. Тогда вообще еще ничего не происходило между нами.

– У меня богатое воображение. – Улыбка исчезает. Его прекрасные зеленые глаза темнеют, кажется, будто меня затягивает в водоворот… *Нас* затягивает. Я ничего не соображаю и едва дышу. – То, что ты только что прочла, весьма ярко описывает произошедшее между нами пару дней назад. Вероятно, я могу предсказывать будущее. Не знаю… А может, я просто сумасшедший.

О господи! Голова как в тумане, язык отказывается повиноваться. Что происходит между нами? Всего пару дней назад я была уничтожена мыслью, что он хочет быть просто другом, а теперь пишет стихи о нашей зарождающейся сексуальной жизни и смотрит на меня так, словно хочет сорвать с меня одежду и овладеть мной прямо на столе.

– Скажи, что ты придешь сегодня вечером, Челс. Может быть, нам удастся парочка-другая вещей, которые вдохновят меня на дальнейшие стихи. – Он так мило улыбается, что я не могу не улыбнуться в ответ.

– Приду. – Я пытаюсь говорить ровным тоном, но мы оба знаем, что это притворство. Мне до смерти хочется прийти и побыть с ним. Наедине.

– Если повезет, ты будешь кончать всю ночь, – пробормотал он, и я моргнула, потрясенная, и даже не его словами.

– Что ты сказал? – Я хочу, чтобы он повторил это и убедиться, что не ослышалась.

– Ничего. – Он смотрит на меня честными, невинными глазами, так, что мне захотелось его ударить, а затем прижаться что есть сил и поцеловать. – Можешь ли ты помочь мне с английским? Завтра тест.

Как я могу сказать «нет»? В конце концов, я все еще его репетитор.

Его девушка.

Его роза.

Его дом.

Оуэн

Я счастлив. Черт побери, счастлив так, как не был уже довольно давно, если вообще когда-то был. Учеба – хорошо. Тренировки – отлично. Я чуть ослабил свой рабочий график, потому что только теперь осознал, насколько напряженным было мое расписание. Мне нужна по меньшей мере пара свободных часов в неделю, чтобы я мог расслабиться.

И я хочу тратить каждую свободную минуту на Челси.

Дома, забравшись с ногами на диван, я смотрю телик вместе с Уэйдом и жду Челси. Минут пятнадцать назад она прислала сообщение, что будет через полчаса и принесет ужин.

Учитывая, что желудок уже урчит от голода, а сам я сгораю от нетерпения увидеть Челси, то надеюсь, что она не задержится.

– Дез сказал, вы с ним повздорили, – говорит Уэйд как бы между прочим; он спокоен, но я понимаю, что ему любопытно.

– Типа того, – я пожал плечами. Не о чем тут говорить. – Ерунда. Просто сказал: мне надоело, что он тусуется у нас.

– Он не тусуется, и ты это знаешь, приятель. Он дает нам столько травки, сколько мы пожелаем, а иногда даже приносит пиво. Чего нам еще от него хотеть?

– Хм, не знаю. Может быть, мне не нравится, что в доме постоянно околачивается наркодилер, – пробормотал я, раздраженный, что все начинается сначала. – Он, черт его дери, *торгует здесь*, Уэйд. Этого больше не будет. Хватит. Я уже все обсудил с Дезом. Не знаю, что еще ты хочешь услышать.

– Значит, ты больше не хочешь, чтобы он здесь появлялся.

Уэйд не спрашивает, он утверждает. И он порядком зол.

Отлично.

– Я этого не говорил. Просто… я и так уже изрядно подмочил свою репутацию. – Мне стыдно, что я мутил с Челси под кайфом. – После всех проблем, навалившихся на меня за последнее время, я больше не хочу иметь дело с подобными вещами. Мне пора взяться за ум.

– Да ладно, Оуэн. Все дело ведь в твоей маленькой репетиторше, так? По крайней мере, так сказал Дез, – укоряет меня Уэйд.

Чертов Дез. Ему нужно держать свой болтливый рот на замке.

– Хорошо, да, это связано с Челси. Но она не единственная причина, по которой я не хочу, чтобы Дез ошивался тут.

Как же мне все объяснить и не выглядеть при этом нытиком?

– Мама, ты же знаешь, постоянно приходит, чтобы покурить травки или чего-нибудь еще. Если я завяжу с этим, то ее желание видеть меня уменьшится вдвое.

Больно осознавать, что мама хочет видеть меня только по двум причинам, и одна хуже другой.

– А второе ее желание?

– Деньги. Ей всегда нужны деньги. Она не может сэкономить даже доллар. Если у нее в кармане есть хотя бы цент, то она тут же тратит его. – Последнее время она мне не звонит. В прошлый раз я просил ее не приходить пару недель, и пока она держит обещание.

Но скоро срок истекает, и я нисколько не сомневаюсь, что она тут же явится и начнет выклянчивать еще одну подачку.

– Знаешь, если ты избавишься от травки, она начнет просить больше денег, чтобы достать ее где-нибудь в другом месте, – замечает Уэйд.

Я уже думал об этом. Обо всем уже думал.

– Пусть. Хотя бы не из моих рук.

– Не совсем так.

Проклятье. Уэйд снова прав. Бесит! Бесит то, во что превратилась мама, и то, что она заставляет меня делать. Я гадко веду себя по отношению к ней и презираю себя за это, но она первая начала, я всего лишь беру с нее пример. Она не оставила мне выбора. Вот такие запутанные отношения, и я чертовски завидую Фэйбл. По крайней мере, ей не нужно иметь дело с мамой. Она оказалась достаточно сильной, чтобы разорвать эту связь и уйти.

Почему я не могу поступить так же? Почему не могу избавиться от чувства вины, когда она смотрит на меня, умоляя дать денег, травки, прикурить ей сигарету? Ради всего святого! Почему она такая безнадежная? Почему у меня нет нормальной мамы, как у всех остальных? Но я не могу ее бросить. Мне тяжело даже думать об этом, не то что говорить.

– Передай Дезу, что я не злюсь на него. Просто скажи ему… пусть не приходит какое-то время. Мне нужно постараться отделаться от мамы, – говорю я, чувствуя себя последней сволочью.

– Я-то передам, но учти: если попытаешься вышвырнуть его из нашей жизни, я здорово разозлюсь. Мне нравится Дез. Он один из моих лучших друзей, и ты это знаешь, – говорит Уэйд.

– Ясно, остынь! Мне тоже нравится Дез. – Несмотря на то что он торгует наркотой. Но кто я такой, чтобы судить? С моей-то мамашей и

запутанной жизнью.

Стук в дверь; я подскакиваю с дивана и бегу к двери. И вот она – Челси – стоит на пороге, невозможно милая в толстовке «Фотинайнерз», которую ей подарил, и черных легинсах, с волосами, убранными в высокий хвост. В руке огромный коричневый пакет, а на губах дразнящая улыбка.

– Привет, – тихо говорит она; в ее взгляде столько нежности. Все в ней… красиво.

Отстой. Я теряю над собой контроль, когда она рядом. Интересно, она чувствует то же самое?

– Привет. – Я хватаю ее свободную руку, затаскиваю внутрь и захлопываю дверь. – Отлично выглядишь.

– Я одета как разгильдяйка, – говорит она, закатывая глаза.

– То есть подаренная мной толстовка не особо хороша? – Я подношу ее руку к губам и целую пальцы, с наслаждением подмечая, как задрожали ее веки от моего прикосновения. – И ты вовсе не собиралась произвести на меня впечатление сегодня?

– Оуэн. – Она кивает в сторону Уэйда, сидящего на диване.

Никак не привыкну, что она стесняется выражать свои чувства, когда мы не одни. Мне все равно, что скажет Уэйд. Хотя я-то знаю его всю жизнь, а вот моя бедная, нервная Челси его совсем не знает.

Поэтому я не виню ее.

– Это же просто Уэйд, Челси. – Я быстро целую ее и забираю сумку, удивляясь, что она такая тяжелая. – Что ты принесла на обед? – Что бы это ни было, оно хорошо пахнет. Желудок жадно урчит, настойчиво требуя еды.

– Индийские блюда. – Она выглядит чрезвычайно довольной собой. Думаю, она надумала разнообразить мой рацион. В основном я питаюсь пиццей, фастфудом и… пиццей. А еще пью пиво, газировку и… пиво. Вот и все. – Надеюсь, тебе понравится еда. Я пробовала лишь однажды.

– Никогда не пробовал индийскую кухню, – признаюсь я, перетаскивая сумку к обеденному столу.

– Правда? – Ее голос звучит удивленно, когда она заходит в кухню. – Я принесла достаточно много, так что тебе обязательно что-нибудь понравится.

Она берет тарелки и приборы, словно живет здесь, и мне нравится, как свободно она двигается по дому. Идеально! Хочу, чтобы она всегда тут находилась. Мне приятно ее присутствие.

– Уэйд, если хочешь, присоединяйся. Тебе нравится индийская кухня? – спрашивает она, пока закатывает рукава, чтобы вымыть руки.

– Понятия не имею, – отвечает он.

– Тут много еды. Садись с нами и попробуй. Думаю, тебе понравится. – Она закрывает кран, вытирает руки, затем берет еще одну тарелку, чтобы принести все к столу и накрыть его.

Я не могу наглядеться. Она совсем не та девушка, с которой я познакомился всего несколько недель назад. Та Челси была застенчивой, спокойной и неуверенной в себе. А эта хоть по-прежнему немного застенчива и зажата, но… теперь в ней что-то изменилось.

Появилась уверенность. Это видно по тому, как она двигается, как говорит, как смотрит на меня. Я это явственно чувствую, вижу и слышу. И я понимаю, что моя милая маленькая Челси-Роза расцвела.

Я просто не могу не думать, что именно я по большей части вызвал эти перемены.

Глава 17

«Прости мои пальцы, ибо когда они находят твое тело, то теряют контроль».

– Тайлер Нотт Грегсон[20]

Челси

– Боже, это была пытка, – пробормотал Оуэн, когда дверь спальни захлопнулась за ним. Он прижал меня к двери, наклонился и начал целовать.

Я растворяюсь в его ласках, обхватив руками шею, зарываясь пальцами в волосы. Его рот слился с моим, такой настойчивый, но нежный, горячий и влажный, язык, скользящий вместе с моим, – облегчение и желание наполняют меня. Я ждала, хотела этого весь вечер.

Несколько часов мы просидели на диване рядом с Уэйдом, смотрели какой-то фильм, но я даже не поняла сюжета. Не смогла сосредоточиться на нем, потому что Оуэн все время ненавязчиво прикасался ко мне. Короткие невинные касания, словно ничего не значащие, но на самом деле имеющие огромное значение.

Пальцы, касающиеся моей руки, теплое дыхание, раздувающее волосы каждый раз, когда он начинал говорить, ведь он сидел ко мне очень близко. Его смех вибрировал во мне, заставляя дрожать. Шепот на ухо о том, как непонятлив Уэйд, губы касаются кожи, а кажется, словно всего тела, вызывая сладкую до глубины души дрожь.

Забавно. Глупо. Знаю, но мне все равно. Я одержима желанием быть с Оуэном, и я никогда не была счастливее.

Хотя я немного боюсь. Я – это просто… я. А он такой… он. Легко улыбается, непринужденно смеется, запросто показывает свои чувства. Вот как сейчас, когда я в его объятиях: большие умелые руки скользят по бокам, и я его ощущаю всем своим телом, я боюсь и волнуюсь; я потрясена и готова.

Очень готова.

– Не могу поверить, что Уэйд не просек, что я хочу остаться с тобой наедине, – шепчет Оуэн, прокладывая дорожку крошечных поцелуев на шее. – Слава богу, тупой фильм закончился, и мы смогли смыться.

Так приятно чувствовать его руки на коже. Он просунул их под толстовку и под тонкую майку, нежно вжимаясь пальцами в мягкую плоть.

Большими пальцами он поглаживает кожу, медленно целует шею. Я закрываю глаза, обнимаю его, зарываюсь пальцами в волосы и тону в его сладких объятиях.

– Боже, Челси, ты так хорошо пахнешь, – шепчет он, потом снова целует меня. Я таю в его руках и ахаю от неожиданности, когда он немного

отстраняется, чтобы снять с меня толстовку. Бросает ее на пол и с едва заметным раздражением спрашивает, снова прижимаясь ко мне:

– Что за придурок купил тебе этот мешок?

Смеясь, качаю головой.

– Ну, есть тут один парень, с которым я недавно познакомилась; он целуется лучше всех в кампусе.

Он поднимает бровь.

– Только в кампусе?

– Во всем городе? – Он молчит. Посмеиваясь, я продолжаю гадать. – Во всей Калифорнии?

– Уже лучше. – Он снова целует меня, нежно и медленно. Это настолько восхитительно, что у меня подгибаются колени. Хорошо, что он прижимает меня к двери. – Мне не по душе, что, говоря о поцелуях, ты сравниваешь меня и других парней.

Чувствую, что щеки бледнеют, когда он немного отстраняется, чтобы посмотреть на меня.

– Список парней, с которыми я целовалась, ничтожно мал, – признаюсь я.

Обе брови подлетают вверх.

– Знаю, ты неопытна…

– …даже в поцелуях, – заканчиваю я за него, чувствуя себя ущербной, что весьма неприятно.

Он знает об этом.

Но его широкая улыбка говорит мне, что ему плевать.

– Может, не стоит это говорить, но мне нравится быть у тебя первым практически во всем.

Он обхватывает меня чуть ниже бедер и поднимает, не оставляя мне выбора, кроме как позволить отнести себя на кровать. Он бросает меня на постель, и я со шлепком приземляюсь в самой середине. Я морщусь, когда вижу, что кровать в полнейшем беспорядке: покрывало валяется на полу, нет ни пододеяльника, ни самого одеяла.

– Разве ты не застилаешь кровать? – спрашиваю я, упираясь ладонями в матрас.

Он пожимает плечами, затем одним движением срывает с себя рубашку и бросает на пол.

– А зачем? Все равно мы все скомкаем.

Его слова будоражат кровь, рождая во мне пьянящее наслаждение. Соски под лифчиком твердеют, я сжимаю бедра, пытаясь унять пульсирующую боль, а тем временем взгляд скользит по его обнаженной

коже.

Умираю, как хочу к нему прикоснуться.

– Я обещал тебе кое-что в прошлый раз, когда мы были вместе, – говорит он, приближаясь. Матрас скрипит под его весом, пока он ползет ко мне.

– Что обещал? – Он движется на меня, а я пячусь назад, пока не упираюсь спиной в кучу подушек. Зеленые глаза сверкают хищным блеском, который одновременно пугает и волнует.

– Да. – Он уже сидит верхом на мне, упираясь коленями по обе стороны от моих бедер. Я смотрю на него и кладу руки ему на пояс, касаясь горячей обнаженной кожи. Его веки слегка дрогнули в ответ на мое прикосновение. – Я сказал, что в следующий раз заставлю тебя кончить, лаская ртом.

Я резко отдергиваю руки, чувствую, как щеки горят от стыда. Закрыв глаза, я слышу его смех, чувствую, как он двигается надо мной, и глубоко вдыхаю пряный осенний запах.

– Не смущайся, Челс, – шепчет он мне в губы перед поцелуем. – Ты ведь хочешь этого.

Он прав. Хочу. Жажду. Я согласна на все, что он может мне дать. Я знаю так мало, и он может меня научить. Когда я с ним, меня обуревает жажда. Я чувствую себя ненасытной. Совсем теряю контроль над собой.

И мне это нравится.

– Хочу, чтобы тебе было хорошо. Хочу убедиться, что ты готова, – говорит он мягко и серьезно. Сердце замирает в груди. Я в полной растерянности.

Он целует меня до того, как я успеваю что-то сказать или сделать, и мой мозг словно отключается. Голова абсолютно пуста, я концентрируюсь только на том, как его язык движется в унисон с моим, как нежные руки скользят по коже, побуждая снять майку, и я повинуюсь, снимаю ее словно под гипнозом. Я открываю глаза, чтобы наблюдать за ним: он касается груди, ведет губами по ключице, пальцами касаясь верхней части груди. Я удивлена его терпеливости. Обычно он прет напролом, совершая один импульсивный поступок за другим, но не со мной.

Со мной он ведет себя иначе.

– Люблю прикасаться к тебе, – шепчет он, пока пальцы ложатся на переднюю застежку лифчика. Она легко расстегивается, чашечки спадают, он убирает их; его пальцы, ладони гладят чувствительную кожу, заставляя меня дрожать. – Кожа такая мягкая. – Снимает лямки с плеч, убирает бюстгальтер, а затем целует грудь, губы смыкаются вокруг соска и

втягивают его глубоко в рот. Электрический разряд пульсирует между ног, я провожу рукой по его волосам, начиная стонать, когда он все яростнее сосет мою плоть.

Он наслаждается мной, и мне это нравится.

Наконец его терпение заканчивается, одним движением он сдергивает с меня легинсы вместе с трусиками. Я отталкиваю их, пытаясь побороть смущение, ведь я совсем голая перед ним. Да, он уже *видел* меня, но не с включенным светом. Хочется потушить лампу на прикроватном столике.

– Мы оставим свет, – шепчет он, читая мои мысли, пока снимает джинсы и нижнее белье. Я стараюсь не смотреть, но не могу сдержаться. Он так хорошо сложен. Просто совершенный мужчина. – Я хочу тебя видеть.

Не успела я запротестовать, как он снова целует меня, скользя рукой вниз по животу, пока она не оказывается между ногами, трогая, возбуждая меня. Я слышу его стон, полный мужского удовлетворения, а потом он начинает опускаться, оставляя дорожку горячих поцелуев на моей коже.

– Холодно? – спрашивает он прямо перед тем, как поцеловать чуть пониже пупка.

– Страшно, – признаюсь я, поднимая голову, чтобы посмотреть на него.

Он наблюдает за мной, волосы взъерошены от моих ласк, на губах застыла ласковая улыбка.

– Мне тоже, – бормочет он, показывая дрожащую руку. – Видишь, что ты делаешь со мной?

Я ошеломленно смотрю на него. Что мне ответить? Я поражена.

Меня переполняют эмоции от мысли, что я способна так на него воздействовать. Я чувствую, как его дрожащие пальцы хватаются за бедра, и понимаю, что он не слукавил в своем признании. Руки скользят по моим бедрам, раздвигают их, и я откидываю голову назад, закрывая глаза, позволяя себе полностью раствориться в ощущениях.

Сначала я чувствую, как волосы касаются внутренней стороны бедер, а затем его губы прижимаются к коже нежными, сладкими, влажными поцелуями.

Он хватает меня за колени, заставляя широко раскрыться, и я чувствую дыхание на влажной плоти, а затем губы…

О боже. Я издаю прерывистый стон, когда он облизывает меня, тщательно исследуя языком. Он ласкает бедра кончиками пальцев, касаясь именно там, где нужно. Все, что я могу делать, – это лежать и принимать ласки, сжимать пальцами простыни, поднимать бедра, желая большего, но я

пока не понимаю, как показать это без слов.

Оуэн чувствует мои усилия и, успокаивая, кладет руку на живот, пока язык продолжает упорно трудиться. Я извиваюсь под его губами, ноги движутся сами по себе, упираясь в матрас. Рваный вздох слетает с губ, когда он скользит пальцем глубоко внутрь меня и засасывает клитор в рот.

Этого достаточно. Я уже так возбуждена, что тут же взрываюсь, негромко вскрикнув и дрожа всем телом, от внезапного оргазма, лишающего меня дыхания, превращающего кости в желе и вызывающего чувство отупения от удовольствия и перенапряжения. Я чуть жива, он словно убил меня губами, языком и пальцами.

Я лежу в самой середине кровати Оуэна, как и хотела тогда, впервые войдя в его комнату, голая и бледная на темно-красных простынях, потная и задыхающаяся, дрожа всем телом. Сердце буквально выпрыгивает из груди.

Никогда в жизни мне еще не было так хорошо.

Он скользит вверх по телу, лаская кожу ртом, пока не прижимается своей щекой к моей, губы касаются уха, и горячее дыхание заставляет меня дрожать.

– Тебе понравилось? – Его хрипловатый голос полон обещаний. Полон того, чего мне всегда хотелось, и того, о чем я даже не подозревала.

Я не могу вымолвить ни слова, поэтому просто киваю. Он целует ухо, щеку, пока наконец не находит ртом губы. Его язык встречается с моим, я могу ощутить свой собственный вкус, и это приятно. Это еще больше возбуждает, и я обнимаю его, зарываясь пальцами в его волосы. Мне нравится чувствовать вес его обнаженного возбужденного тела.

Это случится сегодня. Я знаю. Я готова отдать ему свою девственность, хоть очень нервничаю и волнуюсь.

– Думал, ты оторвешь мне голову, – говорит он, отстранившись от моих губ. – Бедра сжимались так сильно.

Да ему просто нравится вгонять меня в краску! А я даже не понимаю, о чем он говорит, он напрочь лишил меня разума.

– Оуэн, прекрати. – Я убираю руки и отворачиваюсь от него.

Оуэн зажимает мой подбородок пальцами и разворачивает меня лицом к себе. Я показываю ему язык.

– Было жарко, Челс. Просто не знал, что твои бедра такие сильные. – Ухмыляясь, он рукой подхватывает ногу и закидывает себе на поясницу, так, что пяткой я упираюсь ему в бедро. Прижимается теснее, ухмылка исчезает и сменяется выражением чистого удовольствия.

– Да, прекрасно.

Не хочу закрывать глаза. Хочу любоваться его прекрасным лицом.

Наблюдать, как эмоции сменяют друг друга. Видеть, как прикрываются глаза, раскрываются губы и щеки заливаются краской. Его грудь блестит от пота, я приподнимаюсь на локтях, прижимаюсь ртом к самому центру, чтобы слизнуть капельку прямо у него под сердцем.

– Господи, Челси. – Он закрывает глаза, поднимает руку, кладет ее мне на затылок, и просто держит. Бесконечно долгую секунду. – Ты чувствуешь, что делаешь со мной?

О да. Удивительно, как такая зануда-заучка смогла взбудоражить его так сильно? Это пьянящее ощущение собственной власти, которое мне совсем не хочется потерять. Я снова целую его грудь, облизываю кожу и издаю протестующий стон, когда он отстраняет меня, чуть потянув за волосы.

Я открываю глаза и вижу хищный блеск в его глазах, словно он голоден как зверь. Но ведь и я *голодна*.

– Нужен презерватив, – произносит он сквозь стиснутые зубы перед тем, как слезть с меня.

Он поднимается с кровати и подходит к комоду, ничуть не стесняясь своей наготы. А я не смущаясь смотрю на него, наслаждаясь видом широкой спины и накачанных бедер. Тихонько вздыхаю, когда он открывает ящик и начинает искать презервативы.

Как же мне повезло! Он такой заботливый, милый и забавный. Пишет стихи. Пошлые, но мне все равно. Они прекрасны.

Он прекрасен. Не идеален, конечно, но он мой.

А я – его.

Он подходит к кровати, сжимая в руке пачку презервативов, и, достав один, кидает ее на тумбочку.

Разрывает упаковку, берется за колечко и размещает его на кончике члена.

Я наблюдаю во все глаза, во рту пересохло.

Он прямо передо мной, собирается раскатать презерватив и тут понимает, что я смотрю на него.

– Нравится?

Я молча киваю.

Он улыбается, раскатывает презерватив и через мгновение уже оказывается на мне, вдавив в матрас, прижимается к губам и проникает в рот языком. Наши руки ласкают друг друга, мы оба стонем: мои стоны как короткие всхлипы, его – как низкое глубокое рычание.

Я одновременно боюсь и не боюсь. Оуэн очень терпелив, я знаю, он не станет действовать грубо и быстро. Он не раз говорил, что хочет, чтобы мне

было хорошо, поэтому и не позволил прикоснуться к нему, когда мы только вошли в комнату.

Он хотел, чтобы в этот момент стал лучшим для меня, хотел доставить мне удовольствие.

Он хотел, чтобы я была готова… чтобы мне было легче.

Все, чего он хочет, – для меня.

Я раздвигаю ноги, приглашая его, и он ложится между ними, головка члена упирается в мой центр. Я еще влажная от недавних ласк. Закрываю глаза, смущенная реакцией собственного тела.

– С ума сойти, Челс, да ты просто истекаешь, – бормочет он, гладя рукой складки, и дразнит перед тем, как глубоко проникнуть внутрь одним длинным красивым пальцем.

Мое смущение тут же исчезает. Я шире раскрываю ноги и закидываю одну ему на спину, упираясь пяткой в бедро, точно так, как он сделал несколько минут назад. Я полностью открыта, и он стонет мне в шею, медленно потираясь о меня. Так хорошо, так сладко, а потом я ощущаю, как он входит в мое тело в первый раз.

Я напрягаюсь, чувствуя, что готова рассыпаться на части.

– Детка. – Он гладит мои волосы, затем берет подбородок и заставляет посмотреть ему в лицо. Я открываю глаза, но сердце бешено колотится от страха перед неизвестностью.

– Не бойся. Расслабься.

Кивнув, я закрываю глаза и медленно дышу через рот. Он очень нежно целует шею и легонько касается кожи, именно так, как я люблю. Сильные руки сжимают грудь, большие пальцы обводят соски, бедра расслабленно движутся, и я забываюсь в сладкой неге. Все мысли незаметно исчезают.

А потом он входит в меня. Медленно, очень медленно. Толчок. Мягкий толчок, и головка давит на вход, а я позволяю своим бедрам открыться. Я хочу захватить его тело так же сильно, как он прижимает мое к месту.

– Закинь за меня вторую ногу, – приказывает он; я подчиняюсь, дрожа всем телом от такого командного тона. – Расслабься, детка, может быть больно.

Он толкается дальше и дальше, пытаясь разместиться во всю длину. Я вскрикиваю от острого укола боли, напрягаюсь и закрываю глаза, мышцы дрожат, я словно каменею.

– Расслабься, Челси. Будет очень хорошо, просто потрясающе, я постараюсь, – шепчет он мне в ухо. – Черт, ты ощущаешься невероятно. Горячая и тугая. Просто позволь войти, детка. Доверься мне.

И я верю ему. Дышу глубоко и стараюсь расслабиться. Его бедра

раскачиваются, член движется вперед, и вот он уже внутри меня: толстый, горячий и пульсирующий. Я чувствую себя заполненной.

Мы двигаемся вместе, тела становятся единым целым, руки и ноги переплетаются, губы сливаются. Он целует меня, двигается внутри, почти полностью выходит и возвращается назад, и я открываю глаза: он наблюдает за мной сверкающими изумрудными глазами. На какое-то мгновение я будто ослеплена.

– Ты прекрасна. Знаешь об этом? – спрашивает он, прижимаясь лбом.

– Ты заставляешь меня чувствовать себя красивой, – признаюсь я, потому что это правда.

Никто и никогда не обращался со мной так, как Оуэн. Рядом с ним я чувствую себя защищенной. Я доверяю ему. Он смешит меня. Он пробуждает во мне желание.

Кажется, я влюбляюсь.

Оуэн

У меня был секс. Много секса. Я бы постеснялся сказать Челси, сколько. Мне было четырнадцать, когда это случилось впервые. Черт, Фэйбл просто умрет, если узнает, тем более что в то время я находился под ее опекой. Мама давно пропала, сестра была с Дрю, а мы с Уэйдом собрались встретиться с двумя девчонками из класса по истории. Девочки, которых мы знали, любили покурить и потусить.

Мы трахнули их в кабинках туалета в городском парке, недалеко от дома Уэйда.

Гордиться тут нечем. Ни одно свое *приключение* я бы не назвал предметом для гордости. Что сказать? Я был юный, глупый и сексуально озабоченный. Вечно думал не тем местом.

Я ни разу не позволял сердцу стать частью сексуального уравнения. Еще одно неловкое признание: я никогда ничего не чувствовал ни к одной из своих девушек. Большинство из них остались безымянными, безликими. Не то чтобы через меня прошли сотни девчонок, но в какое-то время они все слились в бесконечный поток. Абсолютно взаимозаменяемы, ни одна не стала особенной.

Пока я не встретил Челси.

Наши тела сплетены. Ее волосы разметались по подушке. Ее запах окутал меня. Я все еще чувствую на языке ее вкус, слышу короткие всхлипы и как она шепчет мое имя, когда я заставил ее кончить от моих губ и рук.

Она старалась вести себя тихо, чтобы Уэйд нас не слышал. Она беспокоилась об этом. Беспокоится обо всем. Всегда. Чувствует себя беспомощной, когда не понимает, что делать. Секс для нее вне зоны комфорта. Ей не нужно это говорить. Я и сам все вижу.

Но теперь я рядом и поддержу ее. Я научу ее всему, чему она захочет учиться. Все происходит естественно. Секс – не более чем инстинкт. Самое простое, что могут совершить два человека. Я вижу, как она поддается инстинкту: бедра поднимаются, ноги плотно оборачиваются вокруг меня. Мой член уже готов взорваться, и мне нужно собрать всю свою волю, чтобы не сделать два сильных толчка в ее тугое маленькое тело и не кончить.

Я двигаюсь медленно, как и обещал. Я терпелив, бесконечно терпелив с Челс.

Потому что она того стоит.

Она цепляется за мои плечи, впивается ногтями в кожу, но мне нужна эта боль. Ужасно боюсь, что причинил боль ей, когда только вошел в ее тело, черт, да я в этом уверен, хотя сейчас ей уже не больно. Какую бы боль она ни причинила мне, я буду только рад, потому что мы станем с ней на равных.

И мне это нравится. Нравится открывать глаза и смотреть на нее, ловить ритм, сливаться с ней в единое целое, ласкать руками кожу и узнавать, где именно и как мне нужно прикасаться, чтобы свести ее с ума.

Она моя. Возможно, она сама еще этого не знает, но я и подумать не могу о том, чтобы отпустить ее. Безымянные, безликие девушки остались в прошлом. Забыты навсегда. Я не хочу быть с кем-то еще.

Хочу быть с ней.

– Оуэн. – От звука ее мягкого, задыхающегося голоса по спине пробежала дрожь, я целую ее в лоб, потом впиваюсь в нежные губы. Она едва удерживает ритм и тяжело дышит ртом; грудь прижата к груди, руки скользят по моей спине, пока не достигают задницы, пытаясь вжать меня поглубже. – С тобой так хорошо.

Черт, и с тобой, хочется мне закричать. Очень хорошо. Невероятно хорошо. Она слишком хороша для меня. Она стоит всех моих усилий, но вот я ее недостоин. Как я вообще оказался с этой девушкой?

То хочу сбежать от нее, потому что она заставляет меня делать то, чего мне не хочется, то уже через минуту я таскаюсь за ней, как собачонка, желающая ласки. Все это время мне хотелось привлечь ее внимание.

Я все еще хочу.

– Ты близко? – спрашиваю я грубым голосом; все тело хочет грубости. Нужно помочь ей избавиться от боли, но я отчаянно хочу отдать ей все, что накопилось. Трахнуть жестко. Свести с ума. Сделать ее зависимой от меня, как я стал зависим от нее.

Она кивает и зажмуривается, концентрируясь на своих внутренних ощущениях. Закусывает свою бедную, истерзанную нижнюю губу. Я наклоняюсь ниже, захватываю ее своими губами и начинаю легонько сосать, лизать, наслаждаться вкусом, прерывистым дыханием. Я глотаю ее вздохи, желая поглотить ее саму.

Я просто одержим – переполнен чистой радостью и одновременно с этим смущен. Я никогда раньше не испытывал того, что сейчас происходит между нами. Кажется, я знаю, что чувствует Челси, и это чертовски страшно.

Но, по крайней мере, мы испытываем это вместе.

Я замираю, резко вдыхая воздух, по коже бегут мурашки. Уверен, что готов кончить, а она – еще нет. Точно знаю, что не готова. Знакомое покалывание зарождается у основания позвоночника, такое сильное, что яички буквально болят.

– Не останавливайся, – просит она. Звук ее голоса убивает меня, и я снова прижимаюсь к ней лбом, пытаясь обрести контроль.

– Я должен, – говорю я ей. – Если не остановлюсь, то кончу. А ты еще не готова.

– Готова. – Она зарывается пальцами мне в волосы, и это так приятно. Очень приятно. Я бы все время тыкался головой ей в руки, словно кот. – Делай, что хочешь, Оуэн. Ты не сломаешь меня. Я не фарфоровая.

Она разрешает мне использовать ее. Но я не хочу этого. То, что мы делаем, настолько непохоже на то, что я делал с другими девушками.

– Но…

– Я уже кончила. – Она ведет пальцем по моей щеке. Посмотрите-ка на мою застенчивую Челси, она только что сказала, что я заставил ее кончить. Невероятно!

– Хочу, чтобы ты кончила еще раз, – говорю я и опять впиваюсь в ее рот. Увеличиваю темп, используя ее, ведь она разрешила; я могу подарить ей еще один оргазм.

Протиснув руку между нами, потираю пальцами клитор. Она стонет мне в губы, и я продолжаю ласки в такт толчкам, дыханию, целиком сливаясь с ней.

Она вздрагивает и стонет, облизывает мои губы языком, как будто не может насытиться, а затем откидывает голову назад, на подушку. Выгибает идеальную шею, раскрывает розовые губы, но нет никаких звуков, только прерывистое волнующее дыхание.

Я двигаюсь еще быстрее, желая довести ее до оргазма, потому что уже слишком поздно: я кончаю, моя потребность разрешилась, когда я жестко вошел в нее, меня накрыло. Оргазм проник в кожу, мысли, мозг, каждую клеточку тела. *Проклятье*, я готов.

Опустошен.

Она дрожит, плоть сжимается вокруг моего члена, выпивая до последней капли, пока я не слабею окончательно и не падаю сверху. Кажется, я закричал ее имя, но не уверен в этом. Уэйд, вероятно, услышал, если я точно кричал.

Плевать.

Я в объятьях Челси, губы прижаты к ее уху. Она гладит меня по спине, слегка царапая ногтями чувствительную кожу, и я дрожу, целую ее шею.

Райское наслаждение. Она что-то шепчет мне в ухо, но я не слышу, потому что голова еще гудит.

Черт. Это было мощно.

– Я слишком тяжелый, – говорю я, упираясь руками в матрас, чтобы слезть с нее, но она лишь крепче обнимает меня, удерживая на месте.

– Еще пару минут, – бормочет она мягким голосом, избегая смотреть мне в глаза, словно она снова засмущалась, но… к черту это все.

Я целую ее. Жестко, грубо, поцелуем, полным тепла и желания. Хочу, чтобы она знала: ей больше нечего стесняться. Мы все сделали.

Но всего она не знает. Не знает о маме, о том, что Дез продает наркоту в моем доме, о том, что я его клиент, курил травку и, черт возьми, был под кайфом, когда дарил ей первый в ее жизни оргазм в безымянной гостинице неизвестного города.

Мне становится стыдно, и я вырываюсь из ее объятий. Улыбаюсь ей, когда вижу, что она смотрит на меня и на прекрасном раскрасневшемся лице мелькает беспокойство.

– Куда ты идешь? – спрашивает она, садится на кровати, обнаженная и совершенно не смущенная этим. Я смотрю на ее грудь, розовые соски, которые тон в тон с ее губами и той розой, что я ей дарил, и снова хочу лечь в постель, прижаться к ней как можно ближе и никогда не отпускать, притвориться, что проблем не существует и они меня больше не беспокоят.

Не будут беспокоить.

Но я лишь выдаю желаемое за действительное. Мне нужно уйти. Хотя бы на пару минут. Мне нужно прийти в себя. Мне, черт возьми, нужно затянуться.

– Скоро вернусь. Надо избавиться от этого. – Я снимаю презерватив, зажимаю верх, держа его в руке, и выхожу из спальни, все еще голый, но плевать. Я пробираюсь по коридору в ванную, хлопаю дверью и запираюсь. Выбрасываю презерватив, затем роюсь в шкафу в поисках косяка.

Мы храним их повсюду. Да что это такое, черт возьми? Кто-то собирался посидеть в туалете и скоротать время за парой затяжек? Я бы не спустил такое Уэйду.

Отвратительно! *Я* сам себе отвратителен, потому что я здесь, прячусь от Челси, собираюсь покурить травку, вместо того чтобы вернуться в комнату, обнять ее и сказать, как много она для меня значит.

Я смотрю на косяк, чувствую его сильный запах, который мне так нравится. Нравился.

Черт возьми. Да он по-прежнему мне нравится.

В ящике есть зажигалка. Я беру ее и щелкаю. Один раз, второй,

третий. Пять чертовых щелчков, чтобы вспыхнул огонь, и я подношу косяк к губам. Подкуриваю и слышу, как трескается тонкая бумага. Поднимаю глаза и вижу свое отражение в зеркале. Голый, потный, я собираюсь вдохнуть этот благословенный дым, который заполнит легкие, но очистит разум.

Но я не хочу прочищать его. Он полон Челси.

С грохотом зажигалка падает на столик, я тушу косяк прямо в раковине и смываю пепел. Недокуренный косяк бросаю в унитаз и смотрю, как он бесследно исчезает в канализации.

Если бы мои друзья застали меня за этим делом, они бы разозлились.

Но мне все равно. Мне нужно избавиться от этой дури. Выкинуть из своей жизни. Мне нужно сосредоточиться и все сделать правильно.

Нужно доказать, что я достоин Челси. Неважно, как много наши отношения значат для меня, это все равно.

Я боюсь все испортить.

Если испорчу, то обратно ничего не верну.

Глава 18

«Только осознанная истина о том, кто ты на самом деле, подарит свободу».

– Экхарт Толле[21]

Челси

Я впервые посещаю футбольный матч в колледже. Не прошло и трех лет. Конечно, раньше у меня просто не было причины приходить. Никогда не любила спорт. Да и сейчас не особо люблю. Не понимаю, что происходит на поле, и это бесит. Мне нравится всегда точно знать, что, где и как происходит.

Оуэн дразнил меня за эту привычку прошлой ночью, как раз перед тем, как мы отправились спать. Жаль, что нет учебника, рассказывающего все обо всем, что мы должны знать и уметь. Если я что-то не понимаю или не могу прочитать об этом, то теряюсь и расстраиваюсь.

Ненавижу это ощущение.

Но я стараюсь не дергаться. Идет уже вторая половина игры, наша команда выигрывает, Оуэн выходит на поле; я сижу с его сестрой и племянницей, плотно укутанной для защиты от холодного осеннего воздуха.

Девчушка восхитительно мила. Она, довольная, расположилась на руках у матери, и когда Фэйбл предлагает мне подержать ребенка, я беру ее и, качая на коленях и агукая, несу полнейшую чушь, какая только может сорваться с языка.

Ну и пусть. Главное – Отэм нравится. Она касается моего лица, и сердце в груди замирает. Она улыбается мне, и я хочу, чтобы она опять улыбнулась. Ее глаза напоминают мне Оуэна: зеленые, ясные и невероятно красивые. Неудивительно, что он постоянно рассказывает о том, какая «его племяшка милая». Она просто чудо.

– Ты ей нравишься, – говорит Фэйбл, протягивая руку и поправляя кепочку на голове Отэм.

Я крепче прижимаю ребенка к себе и смотрю на девочку.

– Она мне тоже нравится.

– Довольно скучная игра, – комментирует Фэйбл происходящее на поле. – Мы рвем их словно тузик грелку.

Я глотаю смех, который рвется наружу.

– Вроде того.

– Слава богу, скоро мы уйдем отсюда. Мне нужно, чтобы Отэм задремала раньше, чем начнет капризничать. Ты ведь поужинаешь с нами сегодня, верно?

– Да, конечно, – говорю я, чувствуя, что вот-вот лопну от

переполняющего меня счастья. – Когда ты хочешь встретиться?

– Не знаю. – Фэйбл пожимает плечами и улыбается. – После того как Отэм заснет, но и не слишком поздно. Хотелось бы съездить в «Квартал».

– Вот как? Ты же там работала раньше? – спрашиваю я.

– Работала. – Задумчивая улыбка появляется на ее лице. – С этим местом у меня связано много приятных воспоминаний. Неприятных, конечно, тоже, но первых все же значительно больше.

– Там вы познакомились с Дрю?

– О нет. – Она смеется и качает головой, затем берет ребенка на руки. – Наша первая встреча с твоим папой была весьма неожиданной, не так ли, принцесса? – Она разговаривает с Отэм, а та улыбается и дрыгает ножками. И теперь я боюсь спрашивать, как именно они встретились. Поэтому не задаю вопросов.

– У вас с моим братом все довольно серьезно? – спрашивает она через пару минут.

Я оглядываюсь, благодарная Богу за то, что рядом с нами никто не сидит.

Мы спустились на нижний ряд трибун и сели у выхода, потому что Фэйбл хотела сесть именно там. Она не знала, как будет вести себя Отэм во время игры, и не хотела рисковать.

– Хм, что ты имеешь в виду под «серьезно»?

– Ну, то, что вы встречаетесь. – Она пристально смотрит на меня. В ее взгляде ясно читается: «Тебе лучше рассказать мне все, и побыстрее». Я нервно сглатываю слюну, мне внезапно становится страшно.

– Я… я думаю, да, – говорю и пожимаю плечами, чувствуя себя довольно глупо. Ненавижу себя такую. – Мы не делали официальных заявлений или чего-то в этом роде.

– Понятно, – кивает она и снова улыбается мне, прижимая ребенка к груди. – Будь терпелива с моим братом. Он, может, и не особо хорош в отношениях, но отличный парень.

Определенно он отличный парень, но думаю, мы оба дилетанты по части отношений. Однако свое мнение я держу при себе. У него никогда не было настоящих отношений, да и у меня – тоже, но, похоже, мы оба довольно успешно проходим этот курс. Я не хочу все испортить, требуя от него того, что он, возможно, еще не готов мне дать.

Поэтому я сохраняю спокойствие и наслаждаюсь тем, что имею. С той самой ночи, когда я пришла к нему с индийской едой и мы впервые занимались сексом, каждую свободную минуту я проводила в доме Оуэна. Это случается так часто, что Кэри злится на меня, ведь мы с ней редко

видимся. Я почти не отвечаю на мамины сообщения, лишь изредка отправляя ей односложные ответы в надежде хоть ненадолго избавиться от ее излишней опеки.

И это работает. Хотя стоит позвонить ей и узнать, как у нее дела. Но… сейчас у меня нет на это времени.

Каждую минуту я предпочитаю проводить с Оуэном.

В последнее время он несколько раздражен, не знаю, почему. Дез совсем не приходит. Уэйд тоже часто отсутствует, чему мы только рады.

Для нас это возможность побыть шумными во время возни в постели. И когда мы дома одни, Оуэн смотрит и трогает меня так, что у меня буквально сносит крышу. Он может раздеть меня за несколько минут, добравшись как до моего тела, так и до моих чувств. Заставляет кончать так бурно, что я кричу его имя.

Тело слабеет от одних только мыслей об этом.

– Знаешь, наша мама была мастерицей все портить, – продолжает Фэйбл.

Я вся обращаюсь в слух, как только слышу упоминание о его матери. Учитывая, что Оуэн никогда не говорит о ней.

– Была? – спрашиваю я, надеясь на продолжение.

Взгляд Фэйбл встречается с моим, и она закатывает глаза.

– Она ужасна. Самый отвратительный человек на земле. Но при этом невероятно изворотлива. Она толком не знала, как о нас позаботиться, да и не хотела этого знать. Ну и ладно, я смирилась с этим. Конечно, это ранило мои чувства, но я просто хотела сбежать от нее навсегда.

Затаив дыхание жду продолжения. Их мама, похоже, настоящий кошмар.

– Она бросила нас некоторое время назад. Первый раз она оставила нас, когда Оуэну было всего четырнадцать. Как-то вечером он пришел домой и обнаружил квартиру совершенно пустой. Она просто забрала все вещи и ушла.

Я тяжело вздыхаю.

– Какой ужас, – говорю я.

– Да, – кивнула она. – Через год она попыталась вернуться. Обзавелась квартирой в городе и почти убедила Оуэна переехать к ней. – Фэйбл качает головой, отстраненно глядя куда-то вдаль. – Не люблю вспоминать об этом. Да и Оуэн – тоже. Я чуть не потеряла его. Она собиралась убедить его покинуть город, даже штат и отправиться в совершенно новое место, чтобы начать все сначала.

Если бы у нее получилось, я бы никогда с ним не встретилась.

Страшно даже думать об этом. Не могу представить свою жизнь без Оуэна.

Боюсь и думать о том, что было бы, если бы он уехал. Она бы погубила его. Он стал бы одним из тех старшеклассников, которые практически живут на улице.

– А что с ней стало? – спрашиваю я.

– Не знаю, – она пожимает плечами и смотрит мне в глаза. – Вот уже почти четыре года я ничего о ней не слышала. Да и Оуэн – тоже. Это можно назвать чудесным избавлением.

Четыре года. Даже не могу себе представить, каково это – так долго не получать вестей от матери или от отца. Хотя это, пожалуй, я могу представить. Но ведь я сама не хочу о нем и слышать, огромная разница. Похоже, Фэйбл и Оуэн тоже не хотят ничего знать о своей матери.

– Кажется, она весьма презренная особа, – наконец говорю я.

Фэйбл смеется, и Отэм улыбается, услышав ее смех.

– Отличное определение! И очень точное: презренная особа. Вот почему приятно видеть Оуэна с кем-то… нормальным, а не с какой-то пустышкой в режиме вечного поиска, выставляющей себя всю напоказ и виснущей на нем.

Фу-у. От этой картинки прямо тошнит. Мне ненавистна мысль, что Оуэн может быть с кем-то другим. Это мы уже проходили. У него было много таких девиц.

– Мама забила ему голову всякой ерундой. Он чувствовал себя виноватым перед ней. Думал, что в ответе за нее и ее благополучие. Она с легкостью избавилась от ответственности. Поэтому, когда она наконец исчезла из нашей жизни, он начал встречаться с девушками, но никто из них не был достоин его. Все они были потаскушками. – Фэйбл пристально смотрит на меня, но в ее глазах нет злобы. – А ты, Челси, не такая.

– Хм, спасибо, – говорю я, нервно хихикнув. Не знаю, как реагировать на такую оценку.

– Это комплимент, поверь. – Она улыбается, и мы обе смотрим на футбольное поле, когда толпа начинает скандировать приветствие. Я замечаю Оуэна и смущаюсь оттого, что в голове сразу рождаются пикантные мысли, а он бежит по полю в униформе со своей фамилией и номером 26 на спине. Он выглядит отлично: большой, широкоплечий и несокрушимый. Он невероятно быстр и ловит мяч с впечатляющей ловкостью. Неудивительно, что тренер стремился вернуть его в команду как можно быстрее.

– Он напоминает мне Дрю. – Я смотрю на Фэйбл, а она смотрит на Оуэна с таким же задумчивым выражением на лице, как и я. – Позиция

другая, но такая же решимость, такие же способности. Он далеко пойдет. Так же далеко, как и Дрю, если захочет.

– Ты действительно веришь в это? – Мы с Оуэном не обсуждаем футбол. Но я знаю, что он важен для него. Мы так сильно сосредоточились на его оценках, что о другом вообще не говорили. А когда не говорили об учебе, были заняты друг другом.

– Конечно. Дрю хочет поговорить с ним, убедиться, что футбол именно то, чего хочет Оуэн. Хотя я не уверена в желаниях Оуэна.

Думаю, Оуэн сам не знает, чего хочет. Он пробивает себе путь без карты, не имея плана. Я же люблю все планировать и продумывать каждый шаг. После магистратуры собираюсь преподавать, скорее всего, в колледже. Это моя детская мечта. Мама вдолбила мне в голову, что для меня это наилучший вариант, единственно возможный.

Но сейчас… я призадумалась. Преподавать слишком скучно. Делать одно и то же каждый день. Хочу ли я этого? Буду ли счастлива? Это ли мне нужно?

Если бы меня спросили об этом пару месяцев назад, я бы ответила без раздумий.

Теперь моя уверенность пропала. Я встретила Оуэна, стала проводить с ним время, позволяя увести меня с проторенной дорожки и узнать, что такое веселье и отдых. И это изменило меня.

Изменило в лучшую сторону.

Оуэн

Как же здорово выйти на поле и выиграть, зная, что мои девушка, сестра и племянница сидят на трибунах и наблюдают. Я видел их несколько раз, они больше болтали, чем следили за игрой, но им простительно. Похоже, Фэйбл видела уже столько футбольных матчей, что ей хватит на всю жизнь, а Дрю всего-то пару лет назад начал свою карьеру, ну а Челси – не большой фанат футбола.

Кроме того, так они узнают друг друга получше, а для меня это важно. Если Челси станет частью моей жизни, а я на это надеюсь, то мне хочется, чтобы они поладили.

Я дома, болтаюсь в гостиной и жду, когда она закончит принимать душ. Попытался зайти вместе с ней, но она вытолкнула меня из ванной, одарила взглядом а-ля «даже не думай, приятель!» и прошептала: «Уэйд тут. Он все *поймет*».

Я не стал настаивать. Блин, я как сумасшедший драил эту ванную, чтобы она захотела здесь помыться. Ребята – свиньи. Да и я не исключение. Но когда несколько дней назад мы рассчитывали, что Фэйбл приедет на выходные, Челси сказала, что может остаться на ночь и принять у меня душ. Она даже спросила, не против ли я.

Мне стоило огромного труда притвориться, будто здесь нет ничего особенного, хотя на самом деле мне до смерти хотелось предложить ей *переехать ко мне навсегда*.

То, что я чувствую к Челси, – это… чертовски забавно, удивительно и совершенно невероятно.

– Идешь гулять с девушкой? – В голосе Уэйда смешались ирония и издевка. Думаю, он все еще злится на меня из-за Деза, но что я могу поделать? Теперь поздно отступать, и мне даже нравится, что Дез не тусит тут постоянно и не соблазняет накуриться.

– Да. Сестра приехала, ты же знаешь.

– Конечно. После игры я говорил с Фэйбл. – Уэйд всегда ей нравился. Хотя она, вероятно, возненавидела бы его, если бы узнала про все наши школьные шалости. Слава богу, нас ни разу не поймали с поличным. Тем более что Уэйд не виноват. Мы плохо влияли друг на друга.

В дверь постучали, и Уэйд пошел открыть.

Я так расслабился, что даже не могу сползти с дивана. Сегодня была напряженная игра. Честно говоря, я старался впечатлить Фэйбл и Челси. И

завтра меня ждет расплата, особенно если сегодня ночью получу то, на что рассчитываю.

Обнаженная Челси в моей постели. Извивается подо мной и выкрикивает мое имя, когда я только начинаю входить в нее.

М-м-м, я с удовольствием потерплю мышечную боль.

– Псс, Оуэн!

Я поднимаю голову и вижу, как Уэйд прикрыл дверь и с выражением паники на лице указывает на улицу.

Отстой! Кажется, я знаю, кто стоит на пороге. Нужно избавиться от нее как можно быстрее.

Срываясь с дивана, бросаюсь к двери. Уэйд отступает, явно не собираясь попасть в эпицентр семейной драмы. А ее не избежать, если мама хоть немного задержится тут. Мы договорились: Фэйбл заедет за нами на машине, и мы все вместе отправимся в «Квартал» на ужин. Нельзя допустить, чтобы они встретились.

Это худшее, что может случиться.

– Что ты здесь делаешь? – говорю я, как только выхожу на крыльцо и захлопываю за собой дверь.

Мама смотрит на меня, обхватив себя руками.

На ней все те же поношенные джинсы, мятая футболка и видавшие виды кеды, которым, вероятно, уже лет десять.

А на улице всего десять градусов. Должно быть, ей холодно.

Тебе все равно, парень. Это. Не. Твоя. Забота.

– Прошло почти две недели. – И вот она умоляюще глядит на меня своими холодными глазами. Я пытаюсь смотреть на нее как на пустое место, но это так сложно.

Она моя мама. Я всегда буду чувствовать себя обязанным ей.

– Мне нужны деньги, Оуэн. И травка. Мне нужно… опохмелиться.

Опохмелиться? Вот отстой!

– У меня нет травки.

Она с силой поджимает губы.

– Не ври. В этом доме всегда полно травки.

– Не в этот раз.

Мы молча смотрим друг на друга и не двигаемся. Оба слишком упрямы, чтобы сдаться. Все, о чем я могу думать, так это время, утекающее сквозь пальцы: Фэйбл скоро появится, а Челси выйдет из душа и примется меня искать.

– Мне нужны деньги, – выругавшись, наконец произносит мама.

– И денег почти нет. Теперь я меньше работаю.

Ее рот раскрывается.

– С чего вдруг?

– Футбольный сезон отнимает много времени. Плюс учеба.

– Все еще притворяешься, будто тебя заботит учеба? Уж мне-то можно сказать правду. Я тебя знаю как облупленного.

– Да, когда мне было пятнадцать, я частенько прогуливал занятия, – говорю я, оглядываясь на дом. Жалюзи открыты, и я вижу, как Уэйд ходит по гостиной, но Челси пока нет. Надеюсь, он отвлечет ее.

– Как будто ты с тех пор хоть каплю изменился. Ты все тот же Оуэн, мой мальчик. – Она делает шаг ко мне, словно собирается обнять, но я отшатываюсь от нее, потрясенный тем, что она собиралась сделать. Не помню, когда в последний раз она хотела обнять меня, проявить материнскую нежность.

Руки падают, ее рот перекошен от злости.

– Давай же, Оуэн. Подкинь маме денег. Хотя бы двадцатку. Мне больше некуда пойти.

Она выглядит так, словно сейчас заплачет, но я не помню ее плачущей, никогда не видел ее слез. Поэтому думаю, все это фарс, попытка надавить на жалость.

– Тебе нужно уйти, мама. Я… не хочу, чтобы ты тут болталась.

Она прищуривается.

– С чего вдруг? Тебе есть что скрывать? Почему не хочешь покурить со мной? Что происходит?

– Клянусь, у меня нет травки. – У меня в самом деле ее нет.

После того как я выбросил тот первый косяк в унитаз, я избавился от всех остальных. Я не курил с той ночи в отеле, проведенной с Челси. Возможно, у Уэйда есть, но у меня точно нет.

– Как насчет твоего соседа? Давай спросим, есть ли у него травка. Знаешь, а я помню этого мальчишку. Даже как-то разговаривала с его мамашей. Эдакая чванливая курица. – Она пытается увернуться от меня и схватиться за дверную ручку, но я оказался проворнее.

Я захлопываю дверь, прижав ее рукой.

– Мама Уэйда заботилась обо мне, когда тебя не было рядом, – напоминаю я ей. – Так что она кто угодно, но не чванливая курица.

– А вот об этом с ней договаривалась Фэйбл, а не я. Она вечно оставляла тебя под присмотром этой женщины. Слишком была занята поисками мужика, чтобы заботиться о младшем брате, – насмехается мама.

Во мне закипает гнев.

– Не говори так о ней.

– Как хочу, так и говорю. Она *моя* чертова дочь. Хотя давно позабыла, как быть дочерью. – Мама тычет пальцем себе в грудь и спотыкается, почти упав с крыльца. Я бросаюсь к ней и подхватываю под локти, чтобы поставить на ноги.

Все происходит слишком быстро: получив секундную фору, она подныривает мне под руку и направляется к двери. Я бегу за ней, ударяю по двери, чтобы та не открылась, а она дергает ручку, налегая всем своим весом. Она словно тень себя прежней: худая и хрупкая, с тонкими, сухими, крашеными светлыми волосами, джинсовая сумка на плече. А когда я приближаюсь к ней, то чувствую, что от нее плохо пахнет.

– Я хочу поговорить с твоим соседом, – говорит она, стискивая зубы и еще сильнее налегая на дверь. – Не пытайся остановить меня, Оуэн.

– Где, черт возьми, ты живешь, мама? – почти кричу я. Ей не нравится, когда я называю ее мамой. Она вообще не хочет, чтобы я как-то ее называл.

– Какая разница? – бросает она через плечо. – У меня нет дома. Хотя это не заботит ни тебя, ни твою сестру-сучку.

– Хватит оскорблять Фэйбл. Я терпеть этого не могу.

– Отлично, а я терпеть не могу ее и тебя тоже! Вечно осуждаешь меня и ведешь себя так, словно ты лучше! Но ты точно такой же, как и я, Оуэн Макгваер. Мы с тобой одинаковые.

Отшатнувшись, я уставился на нее в недоумении. Она высказала все, о чем я волновался и что чувствовал, но никак не мог облечь в слова. Но услышать все это от нее… словно обухом по голове.

– Нет, мы разные, – слабо протестую я, а она смеется.

Смеется.

– Ну-ну. Поэтому-то я любила тебя больше. Ты такой же, как я, Оуэн, хочешь или нет, но ты станешь таким же, как я. Будешь болтаться по жизни без цели и успеха. Каждый раз, как начнешь подниматься на ноги, кто-нибудь подставит тебе подножку. Так всегда происходит. Много лет меня все отталкивали. Никто и никогда не давал мне шанс. И тебе не даст.

Я пытаюсь не слушать ее, но это сложно. Слишком сложно. Мне словно снова десять лет. Раньше я боялся ее, когда она уходила в запой, проклинала нас с Фэйбл и того, кому случалось стать парнем месяца. Всегда находился неудачник, который некоторое время жил с нами и использовал мать лишь как возможность бесплатного ночлега.

Мы наблюдали эту картину снова и снова, пока Фэйбл не сбежала тем летом, когда ей исполнилось пятнадцать.

Мы никогда не говорим об этом, как и о многом другом. Такие воспоминания лучше забыть.

– И если ты думаешь, что сможешь найти любовь, то глубоко заблуждаешься.

И только я собрался ей возразить, как она снова рассмеялась.

– Я видела, как ты пришел домой с этой глупой девчонкой, которая висла на тебе и смотрела как на своего героя. Но ты не герой. Твоя глупышка знает, что ты покуриваешь с мамой травку, что ты всего лишь никчемный наркоман? Всегда даешь мне наркоту и деньги, когда я в них нуждаюсь. Скрываешь меня от всех своих друзей и сестры, потому что стыдишься меня. Тебе должно быть стыдно за себя. Меня от тебя тошнит.

– Понятия не имею, о чем ты. – Слова сами срываются с языка. А голос звучит как чужой. – У меня нет девушки, – говорю я, потому что не хочу, чтобы мать о ней узнала. Она обязательно использует это против меня и, возможно… господи… может поговорить с Челси.

Нельзя этого допустить.

– Не ври. Я видела ее.

– Да это так, ничего особенного. Просто друг. – Мне больно даже произносить это. Она больше чем друг.

Челси для меня… весь мир.

– Оуэн!

Я поворачиваюсь и вижу Челси, стоящую в дверном проеме. На ней джинсы и черный свитер, воплощающий все мои мечты, влажные волосы убраны в пучок, лицо умыто, и кожа буквально светится. Но очевидно, что она просто в шоке. Смотрит на меня и на маму в полнейшем недоумении.

Меня окутывает липкий страх. Она, должно быть, слышала все, что сказала мать и что сказал *я*. Теперь она знает. Все знает.

И она возненавидит меня за то, что я сделал.

Глава 19

«Как только приведешь в порядок мозги, все в жизни встанет на свои места».

– Лао-цзы[22]

Челси

– Челси. – Он зовет меня по имени, но я едва слышу. Слова, которые сказала эта женщина, его мать, еще звенят в ушах. Суровые и страшные. Их звучание в голове становится все громче и громче, заслоняя все прочие звуки. Сейчас я могу думать только них.

Твоя глупышка знает, что ты покуриваешь с мамой травку? Что ты всего лишь никчемный наркоман?

И уничтожающий, ужасный ответ Оуэна.

У меня нет девушки. Да это так, ничего особенного. Просто друг.

– Ой, кто это у нас тут?! Да это же твой *просто друг*. Какая же ты дурнушка! – Его мама насмехается надо мной, скривив тонкие губы. Ее лицо измученное и усталое, но при этом ужасно злое. Испугавшись, я отступаю назад, удивленная тем, что весь свой гнев она направляет на меня. – Ты действительно считаешь, что мой красивый мальчик захочет быть с тобой? Посмотри на себя. Ты *ничтожество*.

– Закрой рот, – раздраженно говорит Оуэн. Он тоже зол. Сжатые кулаки, напряженная челюсть. Он выглядит так, словно готов порвать любого голыми руками. – Не разговаривай с ней. Она тут ни при чем.

– *Сам* заткнись, – отвечает она; лицо становится уродливой гримасой, щеки краснеют, и она снова поворачивается ко мне. – Еще как при чем. Она пытается встать между нами. Ты мой мальчик, Оуэн. Ты нужен мне. Ты не можешь оставить меня. Мальчик всегда нуждается в маме и любит ее.

Боже, что она говорит? Она ненавидит меня. Такого со мной еще не было. Я всегда всем нравлюсь. Я очень стараюсь нравиться людям: преподавателям, начальству, друзьям.

Эта женщина даже не знает меня, но уже ненавидит.

– Мне… мне нужно идти. – Я отступаю, практически врезаясь в Уэйда, который стоит прямо позади меня, затем поворачиваюсь и мчусь по коридору в спальню Оуэна. Влетаю внутрь, хватаю свою косметичку, набрасываю на плечо сумочку, и вот я готова к побегу.

Не могу здесь оставаться. Оуэн сказал матери, что у него нет подруги. Меня не существует. Я ничто. Так кем же я была? Его вещью? Какая-то глупышка, которую он просто… *трахал*, а сейчас готов бросить и отправиться на новые поиски?

Сама мысль мучительна, не могу больше об этом думать. Почти вслепую иду по дому, замечая, что входная дверь так же широко открыта, и

у меня только один выход: уйти, как пришла. Уэйда нет в гостиной. Вообще нигде нет. Оуэна с мамой тоже не видно.

Боже. Если бы Фэйбл знала, что Оуэн общается с матерью, она, вероятно, сошла бы с ума.

Я выхожу на крыльцо и вижу Фэйбл, которая смотрит на свою мать так, словно хочет придушить на месте, а Оуэн пытается удержать сестру за плечи.

– Убирайся! – почти рычит Фэйбл, и от звука ее голоса меня пробивает дрожь.

– За что она ненавидит меня, Оуэн? – мать всхлипывает перед тем, как уткнуться Оуэну в грудь и разрыдаться. Он привычным жестом обнимает ее за плечи, но видно, что ему неудобно.

– Я тебя умоляю! Что за жалкий спектакль?! – бормочет Фэйбл. – Хватит ломать комедию, отойди от него. Прекрати портить ему жизнь.

Они словно не замечают меня, и я бегу, проскользнув мимо них, по невысоким ступеням, прямо по тротуару, не оборачиваясь. Ноги чеканят быстрые шаги, дыхание сбилось, в груди нарастает паника. Не могу забыть, как Оуэн отрицал, что у него есть девушка, и те ужасные слова, которые его мать сказала обо мне. Она ведь даже не знает меня. Как она может так сильно меня ненавидеть? Что я ей сделала? И почему Оуэн меня не защитил?

– Челси!

Я слышу, что он зовет меня, и бегу еще быстрее.

Слезы текут по лицу, но мне все равно. Хотя из-за них я едва вижу дорогу и потому не замечаю трещину на тротуаре, спотыкаюсь и лечу вперед, вытягивая руки, почти готовая удариться об асфальт.

Но Оуэн подхватывает меня, и я оказываюсь в его руках, крепко прижатой головой к его груди. Чувствую знакомый запах: яблоки, хвоя, осень, сам Оуэн.

– Господи, какая ты быстрая, Челс. Слава богу, я тебя поймал.

– Не называй меня так. – Я вырываюсь из объятий и отступаю, снова спотыкаясь на том же месте, но держусь на ногах. Он разговаривает со мной так, словно ничего не произошло. Как он может? Ведь все уже случилось. Это… это конец. – Оставь меня.

Он хмурится, пытаясь подойти, но я отталкиваю его.

– Дай мне объяснить. Моя мама… она не в себе. У нее большие проблемы.

– Ясно, – цежу сквозь зубы. Я начинаю замерзать. На улице холодно, а мои волосы еще толком не высохли. – Это правда?

Оуэн хмурится.

– Что именно?

– Что ты куришь травку с мамой? Что ты даешь ей наркотики и деньги?

Он вздыхает, опускает голову и проводит рукой по волосам. Я почти осязаю его отчаяние. Вижу, как оно обволакивает его словно дымом, обвивает тело, душит его. Мне хочется успокоить его, обнять покрепче и сказать, что все будет хорошо, но я этого не делаю: не могу.

Его слова разбили мне сердце.

– Ты многого не знаешь обо мне и о маме, – говорит он, не поднимая головы.

– Конечно. Потому что ты никогда не говоришь мне о том, что происходит с тобой. Я в полном неведении, Оуэн.

– В самом деле? Так ты себя чувствуешь? Но ты сама ничего не говоришь мне, Челс. Я ничего не знаю о тебе. *Ничего.* Кроме того, что ты вроде вундеркинд и окончила школу в шестнадцать, – вот и все. Этого недостаточно, – говорит он, его сердитые слова как река, прорвавшая плотину, рвутся на свободу.

– Я *недостаточна?* Поэтому ты сказал своей матери, что у тебя нет подруги. – Я обнимаю себя за талию, но не могу унять руками ни нервную дрожь, ни ледяную темную боль, которая растет в груди и давит изнутри так, что я едва могу дышать.

– Теперь ты просто говоришь за меня.

– Я сама слышала. *У меня нет девушки*. Ты это сказал. О, и мой любимый фрагмент: *она так, ничего особенного.* Это очень больно, Оуэн. Будешь отрицать свои слова? – Я приближаюсь к нему и толкаю руками в грудь. Он отступает на шаг, абсолютно ошарашенный, но мне от этого не легче. Да и как тут полегчает, когда так больно? – Нет, ты не станешь. Так что? У тебя нет подруги? Я никто? Стало быть, ты прав: у тебя меня нет.

– Мне пришлось это сказать. Нужно было. – Голос срывается. Видно, как трудно ему говорить. Глаза потемнели и наполнились… Нет, не могу разобрать, слишком много эмоций. Я сама едва могу смотреть на него. Как же больно. – Если она узнает, что мы вместе, то попытается поговорить с тобой, напакостить тебе, использовать тебя. Она всех использует. Ей это отлично удается.

– Она меня ненавидит. – Я замираю, потому что мне трудно дышать. – Хотя даже не з-знает м-меня. – Зубы стучат, но я унимаю дрожь. Я не стану раскисать перед ним. Он не должен иметь никакого значения.

Но он имеет.

– Меня она тоже ненавидит. – Он резко выдыхает и снова роняет голову. – И не думаю, что она на самом деле знает меня, – бормочет он.

Я уставилась на него, ошеломленная сказанным. Интересно, а знаю ли его я? Вообще когда-нибудь знала? Думаю, что знала. Всего несколько минут назад я так думала.

– Где Фэйбл?

– В доме, пытается выгнать маму. – Он смущен и, клянусь, едва не плачет. Мое и без того разбитое сердце готово вот-вот разлететься на еще более мелкие осколки. Я глубоко вздыхаю, пытаясь успокоиться. – Я должен был сказать ей, что мама вернулась, – продолжает он. – Но я уже несколько месяцев скрываю правду.

– Ты должен был рассказать нам обеим. Должен был быть честен со мной, Оуэн. – Я разворачиваюсь и ухожу, но он не идет за мной. Не то чтобы я этого ждала, но… хорошо.

Да. *Ждала.*

Повернувшись, я гляжу на него. Он так же стоит на том же месте, перед чьим-то домом, рядом с белым забором, и смотрит на меня так, будто не может поверить, что я ухожу.

Но он не оставил мне выбора.

– Стало быть, ты тоже наркоман, – шепчу я, обхватив себя руками.

Он вздрагивает.

– Иногда я курю. Подумаешь.

– Ты куришь травку чаще, чем думаешь, – я делаю паузу. – Не можешь отказаться от дурной привычки?

Он молчит. Это и есть его ответ. Мы оба молчим. Я хочу уйти, но не могу. Мне не хватает сил. Пока что.

– Ты тоже не была честна со мной и знаешь об этом. – Его голос такой холодный. – У тебя тоже полно секретов. Как и у меня.

Я ничего не отвечаю, потому что он прав. У меня есть свои секреты. Но он не поймет. Не сейчас. Если бы я рассказала о папе, то он бы подумал, что ситуация с его мамой вполне нормальная, и я его прекрасно поняла бы, раз у меня такой папаша. А что тут такого? Все в порядке. Подумаешь, давал матери травку, деньги и не рассказывал о ней Фэйбл, да и вообще никому не говорил, что она вернулась. Ничего страшного. Но так было бы несправедливо.

Моя тайна останется тайной.

– Ты не можешь просто так уйти от меня, Челс, – говорит он. – Дай мне шанс.

– Я не хочу быть с кем-то, кто вечно под кайфом, – шепчу я. – Ты

просто пытаешься убежать от реальности. И так, я чувствую, ты и от меня хочешь убежать.

– Никогда, – в ответ шепчет он. – Да, я люблю ловить кайф. И что? Подумаешь! Я могу бросить, когда захочу. На прошлой неделе я особо и не курил.

Всего неделю. Я… даже не знаю, что и думать.

– Ты не тот, кем я тебя представляла, Оуэн Макгваер. Совсем не тот, – говорю я.

– И ты тоже.

Я вздрогнула. Эти три слова попали прямо в сердце. Прямо в душу. Меня трясет, колени дрожат, и я стискиваю зубы, чтобы не закричать.

А потом поворачиваюсь и бегу. Бегу от своих страхов, проблем и от парня, которого люблю.

Я *тоже* убегаю, и в этом между нами нет никакой разницы.

Оуэн

– Прошла уже неделя, приятель. – Голос Уэйда достигает моих ушей, проникает в сон, пытаясь разбудить. – Тебе нужно выбраться из постели и жить снова.

Нет, черт возьми, нет. Это какой-то кошмар. Я предпочел бы остаться в кровати и спать. Или проснуться и выпить. Немного покурить. Словить кайф. Забыть о боли. Забыть, что мама на меня злится. Фэйбл сердится. Челси ненавидит.

– Где Дез? – прохрипел я, потянулся к тумбочке и столкнул полупустую бутылку с пивом, золотистая жидкость разлилась по ковру. – Вот отстой!

– Он ушел. Вчера вечером я вышвырнул его вон. Сказал, что устал от того, что он накачивает тебя дурью, вместо того чтобы помочь. Я в нем ошибся, а ты оказался прав. Дез – наш друг, но мне надоело мириться с его грязными делишками.

Уэйд расхаживает по моей спальне и морщит нос от отвращения.

– Здесь чертовски воняет.

Так и есть. Воняет пивом, травкой, потом и отчаянием.

– Мне нужен Дез.

– Поверь, тебе нет нужды в том, что может дать Дез. – Уэйд подходит к окну и открывает шторы, впуская в комнату свет. Я шиплю, как чертов вампир, напрягаясь всем телом, словно собираюсь рассыпаться в пыль, когда солнце прикоснется к коже.

– На фиг ты это сделал, чувак? – Сажусь на кровати, прищурившись от яркого света и потираю шею. Она болит. Все болит. Я не выходил из дома, черт, да я из комнаты почти не выходил с той самой ночи, когда мама разрушила мою жизнь.

Поправочка. С той ночи, как *я сам* разрушил свою жизнь.

– Потому что тебе нужно видеть солнце, а не спать целыми днями. После того как ты кучу времени потратил на то, чтобы улучшить оценки, и у тебя это, черт возьми, получилось, ты не можешь все испортить из-за какой-то *девчонки*, – Уэйд с отвращением произносит последнее слово.

– На самом деле из-за трех «девчонок», – говорю я, ударившись головой о стену. Мамы, Фэйбл и Челси.

– Пусть так. – Уэйд машет рукой. – Меня бесит сам факт, что ты позволяешь кучке женщин разрушить свою жизнь, когда у тебя только-

только все наладилось.

– Тебе не понять. – Я со стоном ныряю назад под одеяло и накрываюсь им с головой. – Я все испортил.

– Да ты вечно все портишь. Ничего нового. Но обычно ты просто двигаешься дальше. Вот то, что мне всегда в тебе нравилось. Наворотишь дел, потом сам же все исправишь и идешь дальше, готовый справиться с любой фигней, что встанет на пути. Всегда вел себя так, словно у тебя нет никаких забот и ничто в мире тебя не трогает.

– Вот в чем я действительно преуспел, так это в умении притворяться, – бормочу я. Да я вечно о чем-то *беспокоился*. Все время. Когда был совсем зеленым, то все принимал близко к сердцу, держал в себе и медленно переваривал, пока не утихали гнев и боль. Боль и чувство вины за убогую жизнь с ненормальной матерью переполняли меня, особенно когда я был маленьким и ничего не мог поделать.

Пока не подрос и не обнаружил, что существуют травка и девчонки, выпивка и вечеринки. Все это мне пришлось по вкусу, ведь так я мог забыться. Забыть о проблемах. Вообще обо всем.

Фэйбл всегда возвращала меня на путь истинный. И Дрю. Я старался все делать правильно, быть хорошим и следовать верному выбору, но это трудно, когда вокруг так много соблазнов.

– Что ты там говоришь? Притворяться? Именно этим ты и занимаешься. До сих пор. – Уэйд срывает с меня одеяло, и я вижу, как он сердито смотрит на меня. – Нужно встать и принять душ. Через час к тебе придут.

Я нахмурился.

– Кто, черт возьми, припрется? Дез? – С надеждой спрашиваю я.

Уэйд качает головой и поджимает губы.

– Нет, братишка, Дез тут не скоро появится. Он совсем не тот, кто тебе нужен. Ты и так почти не соображаешь из-за травки, которой накуривался последние семь дней.

Отличная травка. От нее голова делалась мутной и пустой, совсем пустой. Поэтому я просто улетал и не думал о Челси.

Чистый космос.

– Где-то здесь должен быть косячок. Где он?

– Я спрятал его.

Я скатываюсь с постели, чуть не шлепнувшись на пол. И вот стою, голый, шатаясь, и морщу нос. Кожа, кажется, задубела от грязи, во рту стойкий привкус помойки, и я уверен, что от меня разит как от зверя.

Уэйд даже не вздрогнул. Спокойно наблюдает за мной, скрестив руки

на груди, на лице ни единой эмоции. Разве что… я вижу печаль в его глазах. И беспокойство.

Он переживает и беспокоится обо мне.

– Отдай мой косяк, – говорю я, потому что это единственное, о чем я могу думать, так как окунуться в реальность пока слишком больно.

– Забей на свой косяк. Забей на травку. Прими душ. – Он идет за мной, подталкивая к открытой двери спальни, и я позволяю ему вести себя. Позволяю, потому что так проще и потому что он прав. Я совсем распустился, мне нужно принять душ, пока не задохнулся от собственной вони.

Я иду в ванную и закрываю дверь на замок. Начинаю рыться в шкафах, надеясь отыскать косячок, как тогда, но мне не повезло. Включаю воду, чтобы она нагрелась, и чищу зубы. Тут холодно, как в морозилке, но пар из душа начинает подниматься и нагревать пространство. Я представляю, как Челси принимала здесь душ, когда моя жизнь была нормальной и хорошей и все шло своим чередом.

Но вот все испорчено. Я сам все испортил.

И теперь сам себя жалею.

Быстро принимаю душ, благодарный Уэйду за то, что затолкал меня сюда, потому что снова чувствую себя хотя бы получеловеком. Его слова снова и снова звучат в голове, напоминая мне, что я веду себя как слабак и бездарный придурок. Мне нужно прийти в себя и вернуться к жизни. Плевать на то, что мама злится, а Фэйбл не разговаривает со мной. И пусть Челси никогда даже не посмотрит в мою сторону. Я не могу изгадить свою собственную жизнь.

Притворяйся, пока это не станет правдой.

Одевшись, я проверяю телефон, игнорируя сообщения от Деза и от какой-то девчонки из группы по английскому, которая запала на меня и где-то раздобыла номер телефона.

Еще есть голосовое сообщение от тренера и от босса в «Квартале», но я пока не готов их послушать. Вероятно, ничего хорошего в них нет. Мне с этим не справиться. Не сейчас.

Затем я вижу номер Дрю. Он тоже оставил мне голосовую почту. Я нажимаю кнопку воспроизведения и прижимаю телефон к уху, знакомый голос Дрю проникает в мозг, и я нервно стучу по колену, сидя на краю матраса. Я боюсь услышать, что он скажет. Вдруг он меня возненавидел?

– Не знаю, о чем, черт возьми, ты думаешь, но игнорировать собственную сестру нельзя. Это не делает чести ни мне, ни тебе. Она сходит с ума и сильно переживает за тебя, Оуэн. Позвони ей. Вам нужно

поговорить.

Вот и все. Это все, что он сказал. Не унизил меня, не сказал, что я отстойный, недостойный брат-кретин, отвергнувший сестру. Все коротко, точно, по делу.

Позвони сестре. Она сходит с ума. Сильно переживает.

Конец.

Глубоко вздохнув, я смотрю на экран телефона, пытаясь собраться с духом и позвонить Фэйбл. Но не могу. Мне страшно услышать ее голос. Услышать обвинения, вопросы. Ей ведь есть что сказать, я уверен. Она всегда найдет что сказать.

Поэтому я ей пишу. Два простых слова, которые, вероятно, я должен написать и Челси, но к этому я пока не готов.

Прости меня.

Надо двигаться маленькими шажками. Притворяться, пока все не станет правдой. Я могу сделать это.

Помириться с сестрой – первый шаг. Разобраться с мамой – второй. Попросить прощения у Челси – третий и последний шаг. Самый страшный и тяжелый.

– Ты оделся? – спрашивает Уэйд, входя в комнату.

– Какая разница, раз ты уже вошел? – я встаю и засовываю телефон в передний карман джинсов, притворяясь, что все в порядке, хотя не слышу, чтобы Фэйбл ответила на сообщение. А ведь, как правило, она очень быстро отвечает.

Телефон молчит. Издевается надо мной, заставляя чувствовать себя неудачником.

– Пойдем. – Уэйд кивает головой в направлении гостиной. – К тебе пришли.

Я следую за Уэйдом и дико нервничаю, почти до тошноты. За прошедшую неделю я почти не ел, так что голод лишь добавляет тошноте остроты. И все становится намного хуже, как только я вижу, кто сидит на моем диване.

– Тренер. – Я останавливаюсь, когда он встает, огромный, широкоплечий и чертовски пугающий. Он всю жизнь играл в футбол, но вынужден был закончить профессиональную карьеру довольно быстро, потому как получил травму, отыграв в первом сезоне лишь пару месяцев. И он стал тренером, лучшим тренером в штате, а может, и в стране.

Все очень уважают тренера Хелси. А я практически пропустил весь сезон.

– Сынок, – кивает он и сжимает губы в тонкую линию, – ты пропустил

тренировку.

Я держусь прямо и смотрю, как Уэйд уходит на кухню.

– Я знаю. Простите.

– Тебе есть что сказать в свое оправдание?

– Нет, сэр. – Я качаю головой. Тренер ненавидит оправдания. Он считает их чушью собачьей.

– Хорошо. – Он подходит ко мне, останавливаясь прямо передо мной, чтобы ткнуть пальцем мне в грудь. – Даю последний шанс. Облажаешься снова, пропустишь хоть одну тренировку или занятие в колледже, да что угодно – и я выкину тебя еще до окончания сезона.

Тяжело сглатывая, встречаю его взгляд, морщась от боли в груди, когда он снова тычет в меня пальцем.

– Понимаю.

– По какой-то причине твой зять думает, что в тебе есть большой потенциал. Я разговаривал с ним на прошлой неделе. Как раз перед тем, как ты слинял.

– Вы разговаривали? – Я протираю грудь, удивленный тем, что Дрю потрудился позвонить ему.

– Именно. Он думает, ты можешь стать профессионалом. Я с ним согласен. Но если собираешься вести себя так каждый раз, когда зол или твое сердце разбито, ты никогда им не станешь.

Тренер Хелси прав. Он распинается еще минут десять, а я слушаю отповедь с низко опущенной головой, вставляя только «да, сэр» и «нет, сэр» во всех нужных местах, пока наконец он не хлопает меня по плечу и не говорит мне прийти завтра днем на тренировку и занятия, а затем покидает мой дом, как будто вообще никогда не приходил.

Да я просто счастливый ублюдок, раз он дает мне еще один шанс. Я этого не заслуживаю.

– Сработало?

Я поворачиваюсь и вижу, как Уэйд рассматривает меня с совершенно непроницаемым выражением лица. Клянусь, Уэйд станет отличным игроком в покер.

– Если ты о том, вправил ли тренер мне мозги, то да. Думаю, сработало.

– Мало думать, надо еще и делать. Еще одна ошибка – и тебе конец. Не облажайся.

– Не облажаюсь, – обещаю я, но знаю, что это почти невозможно. Я же вечно все порчу. Даже Уэйд так сказал.

– Прекрати притворяться и на этот раз действительно приложи

усилия, – невозмутимо продолжает Уэйд. – Думаю, ты сможешь, если постараешься. Ты сильнее, чем думаешь, приятель.

Хотел бы я верить в себя так же, как Уэйд верит в меня.

Глава 20

«Как только перестанешь чего-либо хотеть, сразу это получишь».

– Энди Уорхол[23]

Оуэн

– Не стоит.

Я поднимаю глаза: Уэйд смотрит на меня, прищурившись и сжав челюсти. Он перестал стричь волосы с начала семестра, и теперь они курчавятся вокруг его лица. Уже не раз говорил ему, что он похож на бабенку, с такой-то прической.

Но девицы липнут к нему как мухи. У него больше поклонниц, чем когда-либо было у меня. Большой, лохматый, плохой футболист с симпатичной мордашкой получает всех девчонок, что совершенно непонятно, ну да ладно.

Сейчас не о том. У нас еще одна вечеринка. Но все в рамках приличия. Мы празднуем важную победу, ту, которая выведет нас в плей-офф. Практически вся команда собралась у нас дома, люди заполнили крыльцо, передний и задний дворы. Соседи терпят: большинство домов на нашей улице заселено студентами.

Тут очень шумно. Вечеринка начинает выходить из-под контроля, а ведь нет и полуночи. Повсюду толпятся девчонки. Даже Дез здесь. Уэйд неохотно позволил ему прийти, потому что по какой-то причине решил меня охранять, следить за мной и беречь от неприятностей – прямо «три в одном».

Так-то он и поймал меня, когда я затаился в ванной с косячком и зажигалкой. В целом я доволен, даже в восторге, что мы движемся к плей-офф, но меня одолевают мысли. Дурные мысли.

Я мог бы поклясться, что сегодня на игре видел Челси. Очень похожа: волосы, стиль одежды, длинные соблазнительные ноги; она была с друзьями, девушкой и парнем, и постоянно отвлекала внимание. Особенно когда парень, сидевший рядом, обнял ее за плечи и притянул к себе для поцелуя.

Ревность поглотила меня, и я сорвал шлем, чтобы посмотреть на нее. Посмотреть на него. Неужели она действительно настолько смелая, что пришла на игру и крутит с каким-то придурком прямо у меня под носом?

Оказалось, это вовсе не она, но было слишком поздно. Мозг взорвался. Челси взорвала его. *Черт*, она требовала внимания, такая сладкая, злая и чертовски сексуальная, голая, с улыбкой на лице. Я не мог избавиться от этого видения.

– Ну же, чувак, отдай, – Уэйд протягивает руку и ждет, когда я отдам

косяк, но я не тороплюсь. Наоборот, щелкаю зажигалкой и высекаю пламя. Прикуриваю, медленно, глубоко затягиваюсь, позволяя едкому дыму заполнить легкие, и держу его там, пока могу, а потом выдыхаю.

– Ублюдок, – бормочет Уэйд, когда я наконец отдаю ему косяк после единственной затяжки. Он убирает его в карман джинсов. – Думал, ты уже забросил травку.

– У меня хаос в голове, – говорю я, когда мы вместе выходим из ванной. Три полуголых девчонки стоят в коридоре и смеются, когда мы проталкиваемся мимо них, действуя мне на нервы.

– Из-за чего-то или *кого-то*?

Я пожимаю плечами.

– Не хочу об этом говорить.

– И что, тебе проще перекурить проблему? Хватит уже быть ослом.

– С чего ты взялся судить? Сам-то никогда не отказывался от травки. – Годами был моим партнером по затяжке. Он мой лучший друг. Мы всегда курили вместе. – С каких это пор ты вырос и стал ответственным?

Мы останавливаемся у кухни, нам обоим стоит смириться. Это место – сумасшедший дом. Громкая музыка, шумные люди, море пива, гостиную заволокло табачным дымом, острый запах марихуаны впитался в мебель и стены.

Чертовски здорово. Возможно, устроить вечеринку – не такая уж классная идея.

– Я знаю, как контролировать себя, а ты – нет. Вот и вся разница. – Он хлопает меня по плечу. – Мы больше не дети, Оуэн. Одно дело – тусить, влезать в неприятности и все время курить, когда ты зеленый юнец, но делать то же самое, будучи взрослым, – уже совсем другое дело. Ты попадаешь под арест и ходишь с клеймом всю оставшуюся жизнь.

Разумно. И почему я раньше не думал об этом?!

– Не позволяй травке взять верх над собой. Или чувству вины. Знаю, оно тебя гложет, – чеканит слова Уэйд. – Я собираюсь выбрать девушку, пообжиматься с ней, затащить в свою спальню, а если повезет, то и раздеть. Ты со мной?

Я качаю головой, мне тошно от одной мысли затащить незнакомую девицу в собственную спальню.

– Нет уж, спасибо.

Мне нужна только одна девушка, и ее здесь нет.

– Все еще думаешь о ней? – Голос Уэйда тих, словно он боится, что я разозлюсь, если мы начнем этот разговор, и, вероятно, он прав. Просто думать о ней очень больно. Ему и имя называть необязательно, и так ясно,

о ком речь.

– Из-за нее мне захотелось покурить, – признаюсь я. – Мне показалось, что я видел ее на игре, но это была не она.

– Знаешь, а ведь я видел ее, – спокойно говорит он.

– Где? На игре? – Вот *урод*. Почему мне не сказал? Конечно, я понятия не имел, что бы сделал, если *увидел* бы ее. Но, черт возьми, я ревную.

– В кампусе. Она прошла рядом, словно и не заметила меня, но думаю, все же заметила. – Уэйд почесывает подбородок. – Она выглядела грустной.

Я тяжело дышу, сосредоточиваясь на вечеринке в гостиной. Какая-то девица уже сняла топ, и парни свистят, требуя снять остальное. Меня она ни капли не заводит. Грудь слишком большая, а лифчик неудачный. Хотя никто из парней не жалуется.

– Не говори мне об этом, приятель.

– Как хочешь. Просто подумал, ты должен знать. – С этими словами Уэйд оставляет меня в одиночестве и сливается с толпой, выхватывая красный стаканчик из руки случайной цыпочки и делая глоток, а потом возвращая его с широкой улыбкой.

Вот так девушка попала в его сети. Лохматые вихры и все такое. Я был такой же, за исключением волос. Я входил в комнату, улыбался, произносил несколько слов, и вокруг уже толпились девчонки. Легко и просто. Даже *слишком* легко.

И наконец мне бросили вызов, я запал на девчонку и сам все испортил. Мне не хватает мужества, чтобы прийти к ней и все исправить. Она была лучшим в моей жизни, а я прячусь от нее. Продолжаю прятаться.

Выходя на улицу, иду к бочонку Деза и наливаю пива с огромным количеством пены, затем отправляюсь во двор, подальше от вечеринки, шума и девушек. Во дворе тоже есть парочка, они стоят поблизости, за деревом, но я их игнорирую. Достаю телефон и проверяю сообщения, доходя до имени Челси. Для храбрости одним глотком допиваю стакан, благодарный за то, что одна затяжка не затуманила мой мозг.

Я такой же нервный, неуклюжий кретин, чья голова забита мыслями о Челси.

Бросив пустой стакан на землю, я держу телефон трясущимися руками. Пальцы бегают по клавиатуре, сердце бешено бьется, и я даже вспотел.

Но я сделаю это. Я напишу ей и скажу правду. Расскажу о своих чувствах.

Это меньшее, что я могу сделать.

Челси

Я осталась одна. Не знаю, что и делать. Кэри уехала почти две недели назад, после того как свалилась с тяжелой ангиной. От кого она могла заразиться? Думаю, это все тупоголовый Брэд. В конце концов, болезнь передается через поцелуи.

Ее мать хотела, чтобы она немедленно бросила учебу, Кэри долго сопротивлялась, но так сильно уставала, постоянно температурила, и родители заставили ее вернуться. Она уехала домой, переживая, что я останусь одна в этой дурацкой квартире, которую не могу себе позволить, но что ей было делать? Она больна. Не смертельно, но достаточно сильно, чтобы отказаться от учебы.

Пытаясь решить проблему, я взяла дополнительные смены в закусочной и больше учеников, но мои собственные оценки страдают из-за того, что я постоянно занята другой работой.

Я выдохлась. И совершенно разбита. Даже попыталась найти соседку по комнате, но разве это возможно в конце семестра? Несколько дней назад я виделась с арендодателем, и теперь он хочет, чтобы я выехала побыстрее и он мог сдать квартиру другим людям.

А что я? Мне некуда идти. Возвращаться домой не хочу, хотя мама просит об этом ежечасно.

Сегодня суббота, выходной. Я отработала вечернюю смену в пятницу и едва держусь на ногах. Завтра снова на работу, прямо с утра, но я совсем не жду рассвета.

Жизнь – отстой. Не знаю, как так вышло. Только что все было идеально, ярко: счастье, парень, секс, большие надежды. А теперь ничего, только мрак, пустота и усталость, бесконечная работа и учеба. Бесцветно и уныло, как в тумане.

Телефон зазвонил, я беру трубку, прислушиваясь к маминой болтовне о том, что больше нет денег, она переживает, как же мы будем жить. Не знаю, что ей ответить, какой совет дать. Я всегда была ее опорой, надеждой, лекарством от меланхолии.

Теперь я та, кто потерял надежду, но мама так сосредоточена на своих проблемах, что совсем не замечает, в каком я состоянии. У меня куча проблем, хотя я, разумеется, не говорю о них. Я стала совершенно другой, а она ничего не замечает.

– Я говорила с твоим папой, – наконец произносит она, и я понимаю,

что ради этого она и завела весь разговор.

Я свернулась клубком на кресле в гостиной, осознавая мамины слова. Родители Кэри забрали всю свою мебель, включая диван. У меня почти нет обстановки. Кэри беспокоится об этом, постоянно пишет мне, спрашивая, все ли хорошо и не злюсь ли я.

Но как я могу? Она заболела, и очень заботливые родители увезли ее.

– Почему ты вообще разговариваешь с ним после всего, что он тебе сделал? – Спрашиваю я, хотя и боюсь услышать ответ.

– Он хочет помочь, дорогая. Он понимает наше тяжелое положение и хочет быть полезен своей семье.

Поздновато, на мой взгляд.

– И чем же он может помочь, сидя в тюрьме?

– Челси! Не говори так о папе, – заявляет мама.

Ненавижу, когда она называет его моим «папой». Я не зову его так много лет. Для меня он просто отец. Папой для меня он никогда и не был. Он никогда не заботился обо мне.

– Да все равно, – бормочу я. – Мне не нужна его помощь.

– Он сказал, куда положил деньги перед тем, как попасть в тюрьму. Я собираюсь снять их со счета и придержать для него. Он сказал, я могу взять себе какую-то часть прямо сейчас, – объясняет она, ничуть не смущаясь подобной договоренностью. – Разве это не помощь?

Опасение шевелится в желудке, мне становится дурно.

– Это грязные деньги, мама.

– Вовсе нет, – убежденно отвечает она. Она верит в то, во что хочет верить. Вот такой она и была всегда со своим мужем. Моим отцом. Он ужасный человек. Прямо как мама Оуэна.

Моя же мать, несмотря на вечные предупреждения относительно мужчин, о том, как плохо они станут со мной обходиться, что им нельзя доверять и лучше быть одной, ведет себя прямо противоположно. Мой отец – ее абсолютная слабость. А она даже не замечает этого.

– Вовсе да! Грязные деньги. У него ведь секретный счет, и он хочет, чтобы ты сняла деньги и ему не нужно было напрягаться в поисках работы после того, как выйдет. Он сделает все твоими руками, а сам останется чист. А когда его освободят, ты отдашь деньги и будешь думать, что все наладилось в жизни и между вами в частности, а потом он бросит тебя. Снова.

Она шипит, как закрытый кран перед тем, как его прорвет и вода забрызжет повсюду.

– Как ты *смеешь* так говорить, Челси? Он твой *отец*. Да, за свои

ошибки он сидит в тюрьме, но не тебе его судить. Все совершают ошибки, и сейчас он платит по счетам. Он искупает вину.

– Правильно. Образцовый гражданин. Искупает вину, обращаясь к тебе с просьбой снять украденные деньги с секретного счета. – Я останавливаюсь в ожидании, что мои слова дойдут до нее. – Да он просто подарок, мама. Но я отказываюсь принимать в этом участие.

– Грязные деньги помогут тебе выжить, хочу напомнить тебе, что сама ты едва с этим справляешься.

Спасибо, что напомнила, мама.

– Не нужна мне такая помощь. Он украл эти деньги.

– Мы точно не знаем, – начинает она, но я прерываю ее.

– Знаем. Украл. Не хочу пользоваться ими. – Сколько раз нужно повторить? – Мне ничего от него не нужно. Абсолютно ничего.

– Я не откажусь от мужа в тяжелую минуту, Челси, – говорит она ледяным голосом. – Если ты поставишь меня перед выбором, то подумай дважды. Возможно, решение придется тебе не по вкусу.

Она мне угрожает. Дает знать, что выберет его, а не меня. Я ее не понимаю. Никогда не понимала. Вечно сама себе противоречит, мысли и капризы меняются от дуновения ветра. Папа обидел ее? Мужчины плохие. Папа сейчас крутится ужом, кормит сладкими речами и бесконечными обещаниями? Она должна оставаться рядом со своим мужчиной, несмотря ни на что.

Надоело. Сыта по горло ее изменчивым отношением к человеку, который нас ни в грош не ставит. Это выматывает. Они оба достали меня.

– Не возьму деньги. – Я откидываюсь головой на спинку и закрываю глаза, тяжело сглатывая. – Не хочу, чтобы ты виделась с ним.

– Слишком поздно. Я вижусь с ним, и довольно часто. Мы разговариваем по телефону каждый день. Пишем друг другу письма. В конце года он выйдет из тюрьмы, и мы снова будем вместе.

Она счастлива, ей так легко задурить голову фальшивой надеждой, и мне хочется ее ударить, сказать, что ее ждет еще одно разочарование. Но она уже забыла обо всем. И запросто верит в ложь и пустые обещания. А когда он снова разочарует ее и бросит, что она станет делать? Побежит ко мне!

– Папа сказал, что пытался связаться с тобой, – говорит она, и я слышу неодобрение в ее голосе. – Но ты каждый раз кладешь трубку. Челси, ты не должна так поступать. Он просто хочет поговорить с тобой. Ты же его дочь, его единственный ребенок.

Им больше не придется беспокоиться о звонках, потому что я

отключила домашний телефон, оставив только сотовый. Раньше на наличии обычного телефона настаивали родители Кэри, вроде как из соображений безопасности, что бы это ни значило, мне же стационарный телефон не по карману. Плюс на сотовый, как правило, нельзя звонить за счет принимающего звонок.

– Мама, я не хочу, чтобы он возвращался в мою жизнь. Мне жаль.

Я повесила трубку до того, как она успела сказать еще хоть слово, и теперь смотрю на экран, задаваясь вопросом, перезвонит ли она. Думаю, перезвонит. Или, по крайней мере, напишет. Но она этого не делает. И это ранит больше, чем я готова признать.

Откинувшись на спинку, я смотрю в потолок, ощущая… безнадежность. А в начале семестра я чувствовала, словно у меня есть все и даже больше.

Две работы, отличный учебный график, не общежитие, а квартира, которую делю с лучшей подругой, – не жизнь, а сказка.

А потом я встретилась с Оуэном, и мой мир перевернулся. Все изменилось. Не могу обвинить его во всех произошедших переменах, но он их часть. *Большая* часть. Хотелось бы, чтобы он по-прежнему оставался частью моего мира.

Закрывая глаза, пытаюсь отключить мозг и сверхактивное воображение. Я не могу вернуться домой и не могу остаться в съемной квартире. Жить негде. Ничего нет. Ни друзей, ни возможностей. Может быть, стоит арендовать комнату. Продать всю свою немногочисленную мебель и переехать к кому-то. Это может сработать, и аренда будет дешевле.

Первое, что я сделаю завтра, – это поищу подселение. А сегодня вечером… сегодня я слишком устала и к тому же без настроения.

Телефон гудит, и я открываю глаза. Беру его, пытаясь понять, кто же пишет. Вероятно, Кэри хочет поплакаться о том, что не может пойти на субботнюю вечерку, или о том, что родители ведут себя так, словно она лежит на смертном одре, хотя у нее всего лишь простая ангина. Вчера она жаловалась именно на это, когда писала мне.

Однако сообщения вовсе не от Кэри. Они идут бесконечным потоком, одно за другим. Одно душераздирающее предложение зараз.

– Я скучаю по тебе.

Думаю о тебе все время.

Ты мне снишься.

Я солгал тебе, и мне очень жаль.

Мне было неловко.

И стыдно.

Я хочу заслужить твое прощение, но не знаю, как это сделать.

Держу телефон дрожащими руками, а на глазах наворачиваются слезы. Я не плакала с той ночи, когда убежала от Оуэна. Сказала себе, что буду сильной. Он не сможет сломать меня. Я этого не допущу.

Но теперь, когда поняла правду, я плачу.

Слезы беззвучно льются, текут по щекам, с подбородка стекают на грудь, рубашка становится мокрой. Но мне все равно. Слезы приносят облегчение. Они вымывают все, что накопилось внутри за несколько недель.

Всхлипывая и смаргивая слезы, я пишу в ответ.

Одно жалкое предложение зараз, почти слово в слово.

– Я тоже по тебе скучаю.

И думаю о тебе постоянно.

Во сне ты приходишь ко мне, и я не хочу просыпаться.

Ты солгал мне, но и я солгала тебе.

Потому что мне было неловко.

И точно так же стыдно.

Может быть, когда-нибудь я расскажу тебе об этом.

Жду ответа, и от частого дыхания болит в груди.

Что если он не ответит? Может, он пьян? Может быть… боже, да может, он просто под кайфом и пытается обманом заставить вернуться?

Может быть, я просто хочу обмануться? Хочу вернуться к нему. Я так сильно скучаю. Он мне нужен.

Но нужна ли я ему?

Телефон опять гудит, я смотрю на экран, и сердце застревает в горле.

– Расскажи прямо сейчас.

Потребуется все время мира, чтобы написать ему об этом.

Но раньше, чем успеваю ответить, я получаю еще одно сообщение:

– Приходи. Хочу тебя увидеть.

Смогу ли я? Достанет ли мне храбрости? Не знаю. Я хочу увидеть его. Я отчаянно хочу посмотреть на него, почувствовать запах, ощутить, как его руки обнимают меня и сжимают крепко-крепко.

– Пожалуйста, Челс. Мне нужно увидеть тебя.

Ты так нужна мне.

Последнее сообщение развеивает последние сомнения.

Глава 21

«Будучи глубоко любимым кем-то, ты обретаешь силу, потому как любящий человек придает тебе мужества».

– Лао-цзы

Оуэн

Я жду на улице, стоя рядом с машиной, и в тысячный раз желаю предложить приехать и забрать ее. Вероятно, она отвергнет предложение. Не хочу давить, но я никак не ожидал, что она вообще ответит на мои сообщения.

Но она ответила. Моими же словами, но за ними стояли ее собственные переживания. Секреты, которые она хранила от меня. Я хочу все услышать.

Мне нужно это.

Мне нужно увидеть ее.

Во дворе ко мне подходят девчонки, одна за другой, они все спрашивают, не нужно ли мне чего: может быть, я хочу попить, или перекусить, или отвести их к себе, и они смогут оказать мне помощь иного рода. Здесь так много девчонок, готовых замутить с футболистами, а потом хвастаться подругам, что они подцепили одного из них. Не хочу иметь дело с фанатками и девицами, которые думают лишь о сексе.

Раньше я и сам был таким, мне ничего не было нужно – только секс. Неважно, с кем и где, я был счастлив просто перепихнуться.

Но я больше не тот парень. Мне нужна моя милая, умная девочка. Мне нужна Челси.

Вынимая телефон из кармана, я проверяю, нет ли от нее сообщения, но его нет. Мысли ясные, слабый морок от травки исчез. Я сосредоточен. Предельно собран.

Она где-то близко. Я ощущаю ее незримое присутствие и когда поднимаю взгляд, то вижу, как она идет по улице прямо ко мне. Волосы собраны в небрежный пучок, ни намека на макияж, одета в толстовку, купленную мной еще тогда, на матче с Дрю, и черные легинсы, в которых ноги выглядят неправдоподобно длинными.

Ничего прекрасней я в жизни не видел.

– Привет. – Она останавливается прямо передо мной, руки спрятаны в кармане на передней планке, выражение лица настороженное, но глаза… в них светится надежда.

– Привет. – Мне так сильно хочется прикоснуться к ней, что даже больно. – Ты… ты пришла пешком?

Она пожимает плечами.

– В последнее время со мной случилось столько разной фигни, что я

решила добавить немного остроты к общему потоку ощущений и пройтись. Может ли быть еще хуже?

Проклятье. Обычно она не говорит так. Она позитивна во всех смыслах.

– Что происходит, Челс? – Я уступаю своему желанию, протягиваю руку и заправляю выбившуюся прядь за ухо, поглаживая его указательным пальцем.

Она всхлипывает и закрывает глаза, мягко выдыхая.

– Ты под кайфом?

– Что? Нет. – *Черт.* Мне нужно сказать правду. – Недавно я один раз затянулся. Уэйд поймал меня. И я остановился.

– Оуэн… – Она качает головой, разочарование слышно в голосе, а я так напуган тем, что она вновь покинет меня, и совершенно не знаю, как поступить.

– Мне было так плохо, – признаюсь я. – Показалось, я видел тебя.

– Где? – Она хмурится.

– На игре. Девушка, очень похожая на тебя, обнималась там с парнем. – Я глубоко вздохнул. – Я ревновал.

– Ты думал, это я.

Киваю в ответ.

– И просто хотел забыться, понимаешь? Потому и затянулся. Затем Уэйд увидел и высказал мне все. Я понял: так от своих проблем не убежать. Нужно решать их. – Смотрю на нее, надеясь, что она поймет, о чем я говорю.

Я готов решать наши проблемы и сделать все правильно. Хочу, чтобы это сработало. Хочу, чтобы *у нас* все получилось.

– Я не смогу быть с тобой, если ты продолжишь курить травку, – бормочет она. – Просто… просто не смогу мириться с этим.

– Клянусь, я брошу, Челс. Ради тебя.

– Знаешь, ты должен бросить ради себя, – замечает она.

Черт, а моя девушка умница.

– Да, знаю. Ты права.

Она смотрит на меня одно долгое мгновение, взгляд мрачный и грустный.

– Мне нужно съехать с квартиры, – выдает она.

Черт, она уезжает? Все тело бьется в панике, я задыхаюсь. Не знаю, выдержу ли я новость о ее отъезде.

– Почему?

– Кэри свалилась с сильной ангиной, и родители забрали ее из

колледжа, собрали вещи и увезли домой. Они никогда не хотели, чтобы она уезжала учиться. Это их способ вернуть ее под свою опеку.

Контроль родителей, которые действительно заботятся о собственном ребенке? Понятия не имею, на что это похоже.

– Ты не можешь найти другую соседку?

– Нет. Родители Кэри забрали всю мебель, а у меня осталось совсем немного вещей. Почти две недели я жила совсем одна в крохотной квартирке. – Она тихонько всхлипывает, опускает голову и стучит по бордюру ботинком. – Взялась работать сверхурочно. И… даже пропустила занятия.

– *Что?* – Я, должно быть, показался дико испуганным, потому что она подняла голову, распахнула глаза и уставилась на меня.

– Я сказала, что пропустила занятия.

– Но ты *никогда* не пропускаешь. – Мне просто не верится.

– Выбора не было. Я либо работала, либо лежала почти без сознания в постели после очень долгой смены в закусочной.

– Зачем тебе так много работать, Челс? – Хочу вникнуть в суть дела. Я пригласил бы ее к себе, чтобы обсудить все наедине, но она, вероятно, обвинит меня в попытке соблазнить ее, а я просто… слишком измучен для подобных подвигов. Еще один бой, еще одно поражение. Потому что я точно проиграю.

Всегда проигрываю.

– Мой отец проворовался. Он много лет проматывал денежные фонды на работе. Они доверяли ему. Мы все доверяли ему. – Она говорит так тихо, почти шепотом, и я наклоняюсь, чтобы слышать. – А еще он мошенник и лжец. Сидит в тюрьме. На самом деле в тюрьме. Он вечно использовал маму, всегда обещал, что позаботится о ней, а в действительности растоптал ей душу и бросил. Ненавижу его. А еще я ненавижу то, что она ему верит. Каждый раз она твердит, что мужчины – зло, как она их ненавидит, но потом снова возвращается к отцу и принимает его. Не знаю, почему. Не понимаю.

Мое сердце болит за нее. Я слышу страдание и тоску в голосе, и это убивает меня.

Я хватаю ее за плечи и привлекаю ближе, прижимаю к себе, когда она утыкается лицом в мою рубашку. Чувствовать ее так хорошо, так правильно в своих руках, но я лишь слегка обнимаю ее, не желая напугать или заставить обратиться в бегство.

Она нужна мне здесь. Сейчас.

– Мама всегда говорит: мужчинам нельзя доверять и что она

выбросила отца из своей жизни. А потом снова общается с ним, и он хочет, чтобы она снимала деньги с секретного счета. Вероятно, это еще какие-то украденные деньги. Он присвоил сотни тысяч долларов, Оуэн. Он крал *годами* и обманывал маму, заводя бесконечные романы с другими женщинами. Я так его ненавижу.

Она плачет, рубашка становится влажной, а я позволяю ей. Позволяю выплакать горе, прижимаю к себе, одной рукой глажу волосы, другой – спину. Не могу поверить, что она здесь, стоит со мной на улице у дома, во дворе, а вокруг нас бушует вечеринка.

– Почему она продолжает верить? Почему доверяет ему, когда он только врет, крадет, снова обманывает? Он не любит ее. Он не любит меня. Отец любит только себя.

А вот это я могу понять. Мама моя точно такая же. Самый эгоистичный человек, которого я когда-либо знал.

– Я хочу, чтобы ты доверяла мне, Челс, – мягко говорю я и чуть сильнее веду рукой по спине, подталкивая ее поближе. Хочу, чтобы она почувствовала себя в безопасности и никогда больше во мне не сомневалась. – Клянусь жизнью, я сделаю все, что потребуется, чтобы заслужить твое доверие.

Когда она обнимает меня руками, слегка кивая головой в ответ, хочу закричать от облегчения. Она принадлежит мне, и мне нужно доказать, что я ее достоин, что люблю ее.

Потому что я люблю.

– Пойдем в дом, – шепчу я в ее волосы, крепко обнимая.

– Отличная вечеринка, Оуэн, – говорит она, не скрывая сарказма: здравствуй, прежняя Челси. – Держу пари, в твоей комнате сейчас кто-то есть.

– Дверь заперта. Никого в моей комнате нет. А если есть, то я вышвырну их ко всем чертям. – Я захватываю пальцами волосы на ее затылке и отклоняю голову, поэтому у нее нет выбора, кроме как смотреть на меня. Щеки покрыты слезами, и я вытираю их большим пальцем. – Пойдем, Челси. Мы можем поговорить сейчас или завтра. Как пожелаешь. Мне просто… действительно нужно побыть с тобой сегодня вечером.

Она смотрит на меня и смотрит прямо в душу, но я не пасую. Всем своим существом я хочу быть с ней, и мне важно показать это. Показать, что именно так я чувствую. Я чертовски уязвим сейчас, но мне все равно.

– Хорошо, – наконец говорит она немного нехотя, и я слегка волнуюсь. Не хочу разрушать хрупкое равновесие или опять все испортить. Я должен вести себя осторожно. Мне нужно все сделать правильно. Ради себя и ради

нее.

Мы нужны друг другу. Не знаю, понимает ли это Челси, но в себе я уверен. Когда она здесь, со мной, все становится на свои места. И я чувствую, что снова могу дышать полной грудью.

Эти несколько недель без нее чуть не убили меня.

И теперь я не могу отпустить ее.

Челси

Все на этой вечеринке отвратительны. Я вижу, как девушки смотрят на Оуэна, когда мы проходим мимо, и чувствую себя настоящей собственницей. Мне хочется кричать им: *отойдите, он мой!*

Но я не кричу. Стараюсь контролировать себя.

Я беру его за руку, когда мы входим в дом, и позволяю провести себя через толпу. Девушки одеты так, чтобы произвести максимум впечатления: идеально уложенные волосы, макияж, обтягивающая одежда или ее минимум – все предназначено для флирта и соблазнения.

Я же в легинсах с дыркой на внутреннем шве, в толстовке, подаренной Оуэном, под которой только майка и никакого лифчика. Простой и скучный вид, словно я только что выползла из постели после бессонной ночи. Усталая и печальная, с заплаканным лицом и опухшими глазами. Я особо не думала, что между мной и Оуэном что-то произойдет сегодня вечером, но… никогда не знаешь наперед. Если он предпримет такую попытку, я не стану останавливать его.

Все смотрят на меня так, словно я для него пустое место, но мне известна правда. Мы принадлежим друг другу. Он мой, а я его. И мы собираемся сломать последние преграды между нами и быть честными друг с другом. Я уже так много ему рассказала, почти все, что нужно знать. Что еще я могу сказать о своем отце?

Ничего. Я вообще не хочу говорить о нем. Хочу просто забыть.

В доме пахнет пивом и травкой, я морщу нос и удивленно поднимаю брови, когда мы проходим мимо Деза. На его лице знакомая улыбка, он обнимает двух девчонок, и мне хочется засмеяться. Все это так… странно. Жизнь Оуэна. Моя жизнь. И как они вообще пересеклись? Мы – полные противоположности.

Тем не менее рядом с ним мне так хорошо.

– Ну и ну, посмотрите, кто пришел.

Я оглядываюсь и вижу Уэйда, красивое лицо которого расплывается в усмешке. Волосы взъерошены, на руке висит девчонка с довольной улыбочкой на губах и затуманенным взглядом. Как будто она была той, кто навел беспорядок в его волосах.

– Привет, – говорю я, и пальцы Уэйда сжимают мою руку.

– Оставь ее в покое, – предупреждает Оуэн, а я смотрю на него и не понимаю, о чем он говорит.

– Я просто поздоровался. – Уэйд наклоняется ближе, как будто собирается раскрыть мне страшную тайну. – Все это время он был как размазня. Скучал по тебе.

Мое сердце радостно бьется. Оуэн скучал. Услышав, как это говорит кто-то другой, я ощущаю слова гораздо реальнее.

– Заткнись, – бормочет Оуэн, только укрепив во мне чувство реальности.

Между нами и правда что-то настоящее. Мы оба разделяем некое чувство, это не игра в одни ворота. Мы определенно играем вместе.

– Не испорть все снова, – говорит Уэйд, указывая пальцем в направлении Оуэна, прежде чем опять слегка улыбнуться мне. – Она на самом деле запала на тебя, поэтому не отпускай ее.

Я вынимаю руку из ладони Оуэна и отправляюсь к Уэйду и обнимаю его, но это односторонние объятия, так как девушка не отцепилась от него. Но он не расстроен этим фактом.

– Спасибо, – шепчу я, отрываясь от него.

– Видишь, какая она милая? Ты не заслуживаешь ее, чувак, – говорит Уэйд, указывая на Оуэна, который, похоже, готов разорвать его на части голыми руками. – Она даже обняла меня.

– Считай, что тебе повезло, если бы ты прикоснулся к моей девушке, я бы вырвал тебе руки. – Оуэн кладет руку мне на плечо и отводит от Уэйда. Я слышу, как Уэйд смеется и как девушка спрашивает его, что случилось, но шум в голове нарастает, и скоро я могу сосредоточиться только на Оуэне. Он держит меня, ведет через толпу, ревнует и называет своей девушкой.

И мне нравится. Еще час назад я чувствовала себя опустошенной. Но эта ночь полна гротесков, безумств, все в ней слишком. Мне кажется, я катаюсь на горках в «Диснейленде» или в каком-то нереальном парке развлечений и умоляю отпустить меня. Потому что мне не выдержать больше.

Наконец мы в комнате Оуэна, и он захлопывает дверь. Поворачивает замок. Слабый звук щелчка отдается громким эхом в тихом пространстве комнаты, он поворачивается ко мне лицом и смотрит, прислонившись к двери.

– Моя мама – наркоманка и алкоголичка. – Он чеканит слова, тон абсолютно бесстрастен. Я жду продолжения. – Она никогда не заботилась о нас, а я всегда хотел ее одобрения. Когда мы были одни, она говорила, что я ее любимчик. Ее маленький мальчик. И я хотел быть ее мальчиком. Хотел, чтобы она любила меня. Но не думаю, что она вообще меня любила.

Как больно, и я чувствую, на глазах наворачиваются слезы, но я заставляю себя сдержаться.

– Когда мне было четырнадцать лет, она ушла. В одну ночь собрала все вещи, оставив только нашу с Фэйбл одежду, и испарилась. Мы не слышали от нее вестей около года. – Он глубоко вздыхает, как будто ему нужно собраться с силами. – И вот однажды она позвонила. Внезапно. Просила ничего не рассказывать Фэйбл. Просила уйти вместе с ней. И я хотел. Несмотря на все, что она сделала со мной, очень хотел. Сначала сказала, что хочет жить здесь, в городе, вместе. Затем начала говорить о том, чтобы уехать из штата. Поколесить по стране. Ей хотелось начать новую жизнь. Мысль оставить Фэйбл и Дрю меня напугала. Я пошел к Фэйбл и рассказал все. Они с мамой поскандалили, и та ушла. Через четыре года вновь нашла меня. Не знаю, как, но она появилась какое-то время назад, и я… я помогал ей единственным способом, который знаю.

– Оуэн. – Мой голос дрожит, наши взгляды встречаются; его зеленые глаза сверкают от слез. – Тебе не в чем винить себя. Она сама виновата. Ты не виноват в том, что твоя мама такая эгоистичная и злая.

– Попробуй сказать это моему четырнадцатилетнему «я». – Он упирается затылком в дверь и смотрит в потолок. – Знаешь, сейчас она в тюрьме. Как и твой отец. Ну, в окружном участке. В ту ночь Фэйбл вызвала полицию. Оказывается, она добилась ареста. Я так злился на сестру за это. Она посадила нашу маму в тюрьму.

Их мать сама посадила себя в тюрьму, но я решила не указывать на этот прискорбный факт.

– Ты не общаешься с Фэйбл? – спрашиваю я. Мне было бы больно, если бы я узнала, что он не общается с сестрой. Это просто разбило бы мне сердце.

– Мы говорили. Я писал ей, хотя она заставила меня попереживать несколько дней. Все не идеально, но мы пытаемся. Она все еще злится на меня за то, что я общался с мамой, давал ей травку и деньги.

– Ты делал то, что должен был, по твоему мнению. – Я глубоко вдыхаю, а затем выдыхаю, пытаясь собраться с мыслями. – Ужасно, что ты скрыл это от меня, но и у меня были секреты. Не могу… просто не могу злиться на тебя за это.

Он закрывает глаза, сжимая губы.

– Я не заслуживаю прощения.

– Заслуживаешь. – Мой короткий ответ кажется таким простым и облегчает душу.

Его глаза открываются, и он смотрит на меня.

– Я не заслуживаю тебя.

– Если ты не заслуживаешь меня, я тоже не заслуживаю тебя.

– Челс… – Его голос становится тихим и звучит так грустно, словно он окончательно повержен, и я больше не могу терпеть.

Я встаю посреди комнаты, пока еще размышляя, решиться ли на этот шаг. Последние несколько недель я сильно скучала по нему. Тело мое изнывает от боли, и сейчас стало только хуже. Когда он обнимал меня на улице, колени так дрожали, я думала, что упаду, но это было так хорошо – вновь оказаться в его объятиях.

Сейчас он страдает, и ему кажется, он страдает в одиночку.

Он слишком далеко от меня. Я хочу прикоснуться к нему. Мне *нужно* к нему прикоснуться.

Утвердившись в своем решении, хватаюсь за край толстовки и снимаю ее через голову, потом бросаю на пол.

Я делала так раньше; этот момент напоминает мне вечер в гостиничном номере, нашу первую ночь вместе. Когда мы были обнаженными, уязвимыми и дрожали от страха, но все же были счастливы. Мы были вместе.

Он должен знать, что я по-прежнему принадлежу ему.

Глаза Оуэна широко раскрываются, когда я сбрасываю толстовку, но он не сходит со своего места и не говорит ни слова.

Он просто смотрит и ждет.

Наклонившись, я снимаю ботинки и ставлю их возле кровати. Поднимаюсь, берусь за пояс легинсов, выскальзываю из них, позволяя им упасть к ногам, и их тоже отбрасываю.

– Челс. – Оуэн снова произносит мое имя, затем откашливается, на лице начинает проявляться выражение чистого, ничем не замутненного желания. Он хочет меня. Я вижу это. Я практически чувствую запах. – Тебе необязательно это делать.

– Я скучала по тебе. – И больше ничего не говорю, пусть эти простые слова висят в воздухе, а я пока сниму майку и останусь голой по пояс. Сдавленный звук вырывается из его горла, и пьянящее, всепоглощающее удовольствие охватывает меня, делает колени слабыми.

На мне остались только бирюзовые трусики с маленьким белым бантиком в центре пояса. Когда я их надеваю, то обычно чувствую себя маленькой девочкой. Но сегодня я определенно не такая, стоя посреди спальни Оуэна Макгваера в одних этих трусиках, с отяжелевшей грудью, затвердевшими сосками, чувствуя, как становлюсь горячей и влажной между ног.

– Я тоже скучал по тебе, – наконец говорит он хриплым голосом. – Чертовски сильно.

– Хочу тебя. – Оглянувшись, начинаю двигаться к кровати, и вдруг он возникает прямо передо мной. Большие руки хватаются за талию, пальцы впиваются в кожу, пока он укладывает меня, но прежде шепчет прямо в губы:

– Я тоже тебя хочу. Ты так много для меня значишь. – Слова проникают под кожу, и я закрываю глаза, воздух застревает в горле, когда он целует меня. Полные, восхитительные губы наконец возвращаются на свое место, и мне хочется плакать.

Но я не плачу. Закидываю руки ему на шею и крепко обнимаю. Раскрываю ноги и чувствую, как он втискивается между ними, джинсы царапают кожу, пряжка ремня впивается в нежную плоть чуть выше трусиков.

Я помогаю ему избавиться от одежды, а он снимает трусики, ведет дрожащими пальцами по ногам, ртом прижимается к груди, рука ложится меж бедер. Я такая мокрая, что почти неловко, но раньше, чем я решаю оттолкнуть его руки или сказать что-то глупое, он встает на колени, наклоняется и вытаскивает презерватив из ящика прикроватного столика.

– Не могу ждать. Слишком сильно хочу оказаться внутри. – Он раскатывает презерватив, а затем мгновенно оказывается надо мной, во мне, полностью внутри меня.

Это то, чего я хочу. То, что мне нужно. Ощущать его внутри так хорошо, так правильно. Мы не идеальны, но идеально подходим друг другу. Между нами все или ничего – но для нас это легкая ноша.

Поэтому я хочу всего. С Оуэном.

Он переворачивается вместе со мной, и теперь я сверху, срывает заколку с волос, и они рассыпаются по моим плечам.

– Объезди меня, – шепчет он, глаза пылают, на лице написаны невысказанные эмоции, и я пока не хочу их называть. Пока нет. Слишком рано. И так случилось много чего.

Я делаю так, как он просит, усаживаюсь, положив руки на его горячую твердую грудь, волосы разлетаются, кончики щекочут обнаженную кожу. Я сжимаю губы, облизываю их и начинаю медленно двигаться. Сначала совсем осторожно, но затем Оуэн хватает мои бедра, показывая, как двигаться, помогая установить ритм.

Он поднимается, накрывает ладонями груди, и я выгибаю спину, скользя вверх и вниз по его возбужденному члену с закрытыми глазами. Я растворилась в нем. И в этот самый момент осознаю, что люблю Оуэна так

сильно, что даже страшно.

– Ты чертовски прекрасна, – шепчет он, скользит руками по груди, затем по талии и опускается к бедрам. – Кожа такая гладкая, мягкая.

Я открываю глаза и вижу, как он с обожанием смотрит на меня. Я замедляюсь, крепко прижимаюсь к нему бедрами, медленно насаживаюсь, принимая его так глубоко, как только могу.

Он закрывает глаза, издавая приглушенный стон, и я увеличиваю темп, желая достигнуть оргазма и подарить оргазм ему. Я хочу именно так. Мой оргазм и его оргазм. Вместе. Хочу одновременно.

Насаживаясь сверху, качаю бедрами, прижимаюсь губами к уху и шепчу, как сильно хочу его, как он мне нужен.

– Челси. – Руки крепко сжимают поясницу, и я чувствую, как он напрягается подо мной, поднимая бедра. Я знаю, он близко. Очень-очень близко, и я – тоже, но я хочу еще немного подтолкнуть его.

– Я влюблена в тебя, – сбивчиво шепчу я и целую его в шею, подбородок, щеку. – Я люблю тебя, Оуэн. Сильно.

Он издает сдавленный всхлип, хватается за спину, прижимает так близко, что я кричу сама, потому что оргазм накрывает внезапно, когда клитор трется о его длину в самом идеальном месте. Тело дрожит и пылает, живот сжимается, когда мы цепляемся друг за друга.

Этот момент… я никогда, никогда не хочу забывать. Заниматься любовью с Оуэном в его комнате, когда в доме бушует дикая вечеринка. Мы заперты в нашем маленьком мирке, где существуем только мы: он и я.

Это все, что имеет значение. Оуэн и Челси.

Челси и Оуэн.

Вместе.

Глава 22

«Приняв вызов судьбы, я бы предпочел все потерять с тобой, чем обрести целый мир в одиночку».

– Тайлер Нотт Грегсон

Год спустя

Оуэн

На улице чертовски жарко, а мы сидим прямо на солнцепеке, наблюдая за церемонией выпуска. Отэм топает так быстро, как только может, на пухленьких ножках, испуская радостные вскрики розовыми губками, когда Дрю или Фэйбл гонятся за ней.

А я просто сижу и улыбаюсь: и если она пробегает мимо, то иногда тянусь и подхватываю ее на руки. Она смеется и возится у меня на груди, пытаясь вырваться из объятий, но это просто игра. Она меня любит.

Именно сейчас, в этот самый момент, я чувствую, как окружен любовью. Ничто меня не беспокоит, нет даже чувства вины за то, что я ужасный сын.

Возможно, это неправильно – недолго горевать о смерти матери, скончавшейся в тюрьме. Грустно и печально все это, ведь она могла стать кем-то, но упустила шанс. У нее могли быть любящие дети: я и Фэйбл. Вообще семья, Дрю и Отэм. Черт, даже Челси.

Однако она умерла в одиночестве, сердце отказало: слишком много выпивки, наркотиков и дурных мыслей. Фэйбл довольно сухо сообщила мне о случившемся. Ей позвонили из окружной тюрьмы, а она сразу позвонила мне. Так я из обычного телефонного разговора узнал, что мама умерла в тюрьме и никого не оказалось рядом.

Конечно, больно, но, скорее, я эмоционально оцепенел. Была ли она когда-либо настоящей частью моей жизни? Значимой частью? Не последние годы, а может быть, никогда.

В ту ночь я позволил Челси успокаивать меня. Она поддержала меня и все время говорила, как сильно любит. А потом разделась и показала, насколько сильно.

Я просто счастливый ублюдок.

Люди, сидящие вокруг нас, немного раздражены поведением Отэм, но молчат, потому что здесь суперзвезда. Дрю снова вывел свою команду в финал Суперкубка… И они выиграли. Снова. Два года подряд. Парень просто бог. И он на обложке всех спортивных журналов… Даже не припомню названия, их слишком много. И Фэйбл была рядом с ним.

Чудно. Моя сестра, она же «заноза в заднице», внезапно стала знаменитой, прославилась. Ведущий церемонии продолжает говорить на автопилоте, но он пока на букве Р. Пот заливает шею, волосы намокли, и я дышу глубоко, пытаясь представить себя в тихом прохладном месте, но

ничего не выходит.

На мне застегнутая по горло рубашка и самая классная пара джинсов, и, поморщившись, я вытираю шею. Выглядеть хорошо мне хотелось для Челси. Сегодня особенный день для нее, и я благодарен судьбе за возможность участвовать в этом.

Она – выпускница. Огромный шаг, и я очень горд за нее. Пусть она еще не поступила в магистратуру. Она пропустит летний и осенний семестры, потому что хочет какое-то время посвятить себе, нам, но я знаю, она немного напугана. Сама сказала мне об этом.

А я сказал, что пока мы есть друг у друга, то все будет хорошо.

Ведущий перешел к букве С, я выпрямился и вытянул шею, чтобы видеть над головами впереди сидящих. Трибуны забиты людьми, все ряды на поле заняты, и благодаря связям тренера Хелси у нас отличные места. Я хотел быть поближе, чтобы после церемонии подойти к Челси и обнять ее, поцеловать, поздравить и сказать, как сильно люблю, перед тем как вручить подарок.

Подарок симпатичный и простой, но, думаю, ей понравится.

– Она хочет свести меня с ума, – бормочет Фэйбл себе под нос, примерно в сотый раз возвращаясь на место с уставшей Отэм на руках. Дрю забирает дочь и крепко прижимает к себе, уложив ее голову себе на плечо. У девчушки темные волосы, как у отца, но глаза зеленые, как у меня и Фэйбл. Идеальное сочетание родительских генов: смелая и быстрая, красивая и сильная. – Только подумай, у меня будет еще один ребенок.

– Ты беременна? – громко шепчу я, и на мой шепот поворачивается несколько голов.

Ого. Слова звучат так, словно уже попали на первые полосы новостных изданий.

– *Ш-ш-ш…* – Фэйбл сердито смотрит на меня, но при этом улыбается. – Да, – признается она.

Вот тебе и на, с ума сойти! Похоже, они рьяно взялись за дело строительства собственной маленькой семьи.

– Рад за тебя, Фэйбс, – искренне говорю я.

– Спасибо. – Она улыбается и кладет руку себе на живот.

– Я измучена и часто чувствую себя нехорошо, но в целом абсолютно счастлива.

Согласен. Я тоже. Мы счастливы, Фэйбл и я. В теории наша жизнь должна быть катастрофой. И какое-то время именно так и было. Несносные брат и сестра с испорченной матерью и совсем без отца. Наш удел был – стать неудачниками, оказаться в тюрьме, остаться без работы, без

образования, просто ни с чем. Нам постоянно говорили это, пока мы росли. И теперь посмотрите на нас. Мы доказали: все были неправы.

– Я уже пообещал Фэйбл нанять десять нянь, если второй ребенок будет похож на нашу маленькую девочку.

Дрю щекочет Отэм, заставляя хихикать, а та извивается в его руках и лбом прижимается к плечу, держа большой пальчик во рту.

– Погоди-ка, – Фэйбл закатывает глаза. – Я же говорила, довольно и пяти.

Дрю наклоняется и целует ее, и, клянусь, я только что услышал, как в толпе раздался громкий вздох.

Эти двое и шагу не могут ступить, чтобы не оказаться в центре внимания.

– Кайла Шредер, – продолжает ведущий, и я понимаю: уже скоро. Шикаю в сторону Фэйбл и Дрю, надеясь, что ребенок не решит начать вопить в данный момент, и сосредоточиваюсь на сцене. Я готов увидеть, когда она выйдет.

– Брайан Зиберт… Джон Синьорелли… Джессика Симерсон… Челси Симмонс.

Не в силах остановить себя, встаю, наблюдая, как она идет по сцене. На ней белое торжественное облачение выпускника и та самая глупая шляпа – черт, понятия не имею, как правильно назвать эту штуковину. С момента нашей встречи ее волосы сильно отросли и доходят почти до середины спины, прямые и гладкие. Она пожимает руку декану и принимает диплом, и я кричу, приветствуя ее. Фэйбл и Дрю тоже кричат, как и вся остальная толпа.

Челси с улыбкой смотрит на всех нас. Она выглядит чертовски счастливой. Я хочу обнять ее прямо сейчас, утащить отсюда и сказать, как сильно ею горжусь, как много она значит для меня. И потом показать, что именно значит «много».

Оставшаяся часть церемонии проходит как в тумане. Отэм засыпает на плече у Дрю, обслюнявив все вокруг, чем вызывает его радостный смех. Фэйбл уже очень устала и бледнеет не только от жары, но и оттого, что беременна. Когда церемония завершается, Дрю собирается отвезти их обратно в отель. Фэйбл нужно отдохнуть, а Отэм – поспать.

– Передай Челси наши извинения за то, что не сможем поздравить прямо сейчас, но мне нужно увезти своих девочек отсюда, – серьезным тоном говорит Дрю, подхватывая тяжелую сумку с пеленками одной рукой. Отэм все еще пускает слюни на его плече. Рядом с ним стоит Фэйбл, она уже не улыбается и почти спит. – Вечером мы увидимся с ней в ресторане,

хорошо?

Мы устраиваем для нее выпускную вечеринку в «Квартале».

– Конечно. Я передам твои слова. Она поймет.

И будет рада услышать новость о Фэйбл.

Дрю уходит с Фэйбл и Отэм, а я жду, стоя на тротуаре, когда закончится церемония. Выпускники одновременно бросают шляпы в воздух, кричат и визжат, их громкие голоса слышны по всей округе.

Они сделали это. Окончили колледж.

Еще год назад от подобной мысли Челси впала бы в панику, но теперь, думаю, она испытывает облегчение. И я – тоже. Наша жизнь изменится к лучшему.

Не могу дождаться счастливых перемен.

Челси

Я оглядываюсь вокруг, пытаясь отыскать Оуэна, но нигде не вижу. Очень жарко, в середине мая уже с утра невыносимо душно, и я обмахиваюсь шапочкой выпускника, сжимая в другой руке диплом. Больше со мной никого нет. Я позвонила маме и назвала дату и время. Даже выслала приглашение и попросила приехать. Когда она сообщила, что приедет на мой выпуск только в одном случае, то есть вместе с папой, я категорически отказалась и велела не беспокоиться. Не желаю, чтобы он приезжал. Не хочу его видеть.

Таков мой выбор, и, как бы ни было больно, я должна оставаться сильной. Оуэн сказал, что я поступила правильно, и мне нужно было это услышать, потому что сомнения все равно оставались.

Поэтому мамы нет здесь сегодня, и мне грустно. Она прислала подарок и подписала карточку «от мамы и папы», что невероятно раздражает, но нужно держать себя в руках и смириться с тем, что мама всегда будет ставить папу на первое место. Такое поведение меня разочаровывает, но я не могу поменять маму и папу – тоже. Уж какие есть.

По крайней мере, у меня появилась новая семья. Оуэн и Фэйбл, Дрю и Отэм. Они приняли меня в свой круг, и я безоговорочно обожаю каждого из них. Они всегда рядом, несмотря ни на что, они мне ближе, чем родители. Мы все так сроднились, особенно я и Фэйбл.

Она словно старшая сестра, которой у меня никогда не было. У нее много дел: карьера Дрю, его слава, собственная известность – но она бросает все, чтобы поговорить со мной и Оуэном.

Она, безусловно, любит нас.

В прошлом году им тоже пришлось нелегко: мать Фэйбл и Оуэна умерла в тюрьме сразу после Нового года. Сердечный приступ, вызванный многолетним злоупотреблением наркотиками и алкоголем.

Никто не удивился случившемуся, они не выказывали большой скорби, но я знаю: им было тяжело, особенно Оуэну, который чувствовал свою вину за то, что вытворяла его мать. Ей отлично удавалось манипулировать им, Фэйбл подобным фокусам не поддавалась.

А с Оуэном срабатывало. Он продолжал угождать своей матери, и неважно, правильные это были поступки или нет. Все оказалось пустой тратой времени. Поэтому, когда он узнал о ее смерти, мне пришлось помогать ему справиться с потерей, позволяя выговориться или, наоборот,

побыть в одиночестве – так, как ему было нужно, я старалась быть лучшей девушкой.

Кроме того, все хотят, чтобы он после учебы начал играть на профессиональном уровне, но Оуэн колеблется, словно хочет отказаться от мечты. Он не уверен, что обладает мастерством и дисциплиной, которые есть у Дрю. Оуэн легко отвлекается и признается в этом. Я приму любой выбор, но беспокоюсь за него, хотя и тщательно скрываю это. Стараюсь сделать все, чтобы он не отказался от мечты.

Фэйбл как его сестра также предлагает ему пересмотреть свое отношение к карьере. Он говорит ей, что все возможно. Но, думаю, он боится потерпеть неудачу, затеряться в тени Дрю и каким-то образом разочаровать всех нас. Я надеюсь, летом смогу убедить его в том, что он способен достичь всего, чего только пожелает. Он очень сильный, умный и невероятно упрямый. Подобная решимость вкупе с природной харизмой могут горы свернуть, здесь нет места неудаче. Хочу помочь ему осознать это, хотя, думаю, Оуэн просто не уверен в том, какой выбор сделать.

Он просто живет сегодняшним днем. Раньше меня такое отношение напугало бы до полусмерти. А сейчас – нет. В последнее время я тоже живу настоящим моментом. И это можно назвать свободой.

Я ненадолго откладываю магистратуру, потому что мне нужно время для себя. Я всегда делала то, чего хотели остальные: экстерном окончила школу, старшие классы, а теперь и колледж. Постоянно работаю, всегда поступаю правильно. И вот теперь хочу пожить для себя: работать, проводить время с Оуэном, могу даже найти себе хобби.

Меня прельщают любые неизведанные возможности. Я буду в порядке, пока Оуэн рядом со мной.

– Вот ты где. – Теплая сильная рука скользит по пояснице и притягивает меня. На краткий миг я склоняю голову к груди Оуэна, перед тем как повернуться в объятиях и посмотреть в красивое лицо.

Он ласково улыбается, волосы слегка взлохмачены, словно он снова и снова ерошил их пальцами. Наклоняясь, он нежно целует меня и сразу отстраняется.

– Поздравляю, Челс. И так горжусь тобой.

– Спасибо. – Теперь и я улыбаюсь, готовая лопнуть от счастья. Я никак не могу поверить, что он мой и что мы вместе. Этот красивый, милый, забавный, раздражающий, сексуальный парень любит меня так же сильно, как и я его. – Готов уйти отсюда?

Он поднимает брови.

– А ты?

– Вполне. Здесь так жарко. – Киваю я, оглядываясь вокруг: все начинают покидать площадку. – Да все просто страсть как хотят убраться восвояси.

– Но сначала подарок. – В руках он держит букет розовых роз, они того же оттенка, что и самая первая подаренная роза, и мое сердце тает. Он вручает их мне, и я беру букет в прозрачной упаковке, подношу цветы к лицу и глубоко вздыхаю знакомый аромат.

– Они всегда напоминают мне… ну, ты знаешь. – Он широко улыбается, и от любви у меня перехватывает дыхание.

– Они мне нравятся, – шепчу я, слезы наворачиваются на глазах, и это значит, что я на самом деле люблю *его*. Со мной он всегда милый и хороший. И я помню, как однажды чувствовала себя совершенно запутавшейся во «все или ничего». Я вечно переживала о том, чтобы поступать правильно, быть хорошей девочкой, выполнять работу и учебные задания, непременно держать все под контролем, но при этом была не очень-то счастливой.

Я даже жила понарошку.

Оуэн разрубил все узлы, сгладил углы и заставил увидеть радость жизни, которая происходит за рамками порядка и контроля, стремления угодить и добиться всеобщего одобрения. Оказывается, в жизни есть красота и боль, любовь и секс, счастье и гнев. И чувствовать это совершенно нормально. *Он* заставляет меня чувствовать.

И я знаю, что любима.

– Куда пойдем? – спрашивает он, его взгляд теплеет, когда он смотрит, как я снимаю торжественную одежду и набрасываю ее на руку. На мне бледно-желтый сарафан, и его глаза буквально впились в узенькие лямки на плечах. Думаю, он воображает, как развязывает их и медленно раздевает меня.

Я представляю то же самое.

– Не знаю, – говорю я, когда он обнимает меня за плечи, и мы идем по полю в кампус, где припаркована машина.

– Это ведь отлично звучит. Ты так не думаешь? – Он трогает лямку на плече, поглаживает петельку пальцем, и меня пробирает дрожь.

– Что отлично звучит? – Он отвлекает меня. Я просто не могу сконцентрироваться, когда он трогает меня, даже в огромной толпе, как сейчас, мне кажется, что мы одни.

Не знаю, почему, но существуем только мы: я и он.

– Само «не знаю». Мы не знаем, что делаем дальше, ведь так? Этим летом мы можем делать все, что захотим. – Он улыбается мне, от этой

улыбки у меня кружится голова, и я внезапно останавливаюсь, заставляя и его сделать это. Люди проталкиваются мимо нас, некоторые раздраженно ворчат, потому что мы стоим посреди дороги, но мне все равно.

Думаю, Оуэну тоже наплевать на это.

– Я бы предпочла не знать, что делаю рядом с тобой, Оуэн, чем иметь самый подробный план на жизнь, но с кем-то другим. – Именно так я и думаю. Он единственный, кого я хочу. Единственный, кто мне нужен.

– Я чувствую то же самое, Челс. То же самое. – Его голос такой же мягкий, как и прикосновение к моему лицу, пальцы скользят по щеке, и я закрываю глаза, безвозвратно теряясь в нем в этот самый момент…

И совершенно безоговорочно обретая себя.

Благодарности

Это был самый волнующий, замечательный и напряженный год в моей жизни. То, что начиналось как маленькая идея о сломленном юноше и сломленной девушке, превратилось в серию романов, полностью изменив мою писательскую карьеру. Я так благодарна всем, кто постоянно поддерживал меня. Я хочу отметить и поблагодарить многих людей, поэтому приступим.

Первое спасибо моему агенту Кимберли Уэлен за веру в серию и помощь в выпуске в издательстве Bantam. Редактору Шоне Саммерс, которая помогает мне погружаться в сюжет каждой книги и просто дарит надежду и желание продолжать работать. Работать с тобой – одно удовольствие. Сью Гримшоу, очень полезной и отзывчивой девушке. Каждому в Bantam/Random House за то, что помогли справиться с бесконечным потоком вопросов и писем, а также за поддержку.

Большое спасибо Кэти Родригес за помощь… во всем. KP Simmon спасибо за огромную работу, которую вы выполняете ежедневно и вкладываете в выпуск каждой новой книги, и вообще за дружбу.

Я обрела много новых друзей в процессе самопубликации, превратившейся в традиционное издательское предприятие с января 2013 года. Это замечательная группа женщин, готовых оказать всестороннюю поддержку, с которыми я встречалась и которых мне повезло назвать друзьями. Дополнительное огромное спасибо Лорен Блейкли за веселые электронные письма и пугающе точные прогнозы – ты потрясающий человек.

Спасибо моему критику Кэти Эванс, как и я, она трудится как пчелка, так что, слава богу, мы есть друг у друга. Мы предприняли отважное путешествие и получили невероятное удовольствие оттого, что прошли весь путь вместе.

Также хочется упомянуть моих старых друзей, тех, кто знал меня всегда и поддерживал, несмотря ни на что, кто знает настоящую меня (и мою иную писательскую ипостась – Карен Эриксон). Шелли Стивенс, Кейт Пирс, Лорибель Хант, Стефани Дравен, Лиза Рене Джонс, Гвен Хейс, Стейси Джей и Трейси Вольф, спасибо вам.

Я благодарю свою семью, потому что, эй, они мирятся со мной такой, вечно отсутствующей, или все время сидящей за письменным столом, или ушедшей с головой в облака, где я работаю над новой сюжетной линией.

Выражаю искреннюю благодарность своему мужу за его бесконечную поддержку – без тебя я абсолютно точно не смогла бы сделать все, что сделала в прошлом году. Спасибо детям, которые очень гордятся тем фактом, что мамины книги продаются в «Таргет», их любимом магазине. Спасибо родителям, бабушке, брату и невестке за то, что подбадривали меня.

Наконец, я должна поблагодарить читателей, блогеров и рецензентов. Ребята, а вы знаете, какие вы на самом деле молодцы? Без вас меня просто не было бы, словом своим вы оказываете огромную поддержку (мне и вообще всем авторам!). Спасибо, что нашли время сделать графику (удивительную!), написать отзывы и вести беседы о моих книгах и персонажах, словно они реальные люди. Знаю, вы долго ждали эту книгу. Я ценю ваше терпение и надеюсь, что вам безумно понравилось читать об Оуэне и Челси, так же как и мне писать о них.

Я никогда не планировала написать про Оуэна отдельную книгу. Он был просто братом Фэйбл, второстепенным персонажем, которого она любит и о ком заботится, прежде чем повстречать Дрю. Он для нее заноза в заднице, но бесконечно любимая заноза. Я относилась к нему аналогично.

Затем он превратился… в самостоятельного героя. Он стал подросшим мальчишкой, ударившим Дрю в челюсть, потому что любил свою сестру так же сильно, как и она его, а еще у него было огромное чувство вины по отношению к матери. Он *потребовал* истории. И вот она. Можно ли сказать, что я люблю Оуэна так же сильно, как люблю Дрю? Да, конечно, ничуть не меньше.

Надеюсь, и вы тоже.

---

notes

Сноски

1

Bay Area. Район залива в Сан-Франциско, Калифорния.

2

49ers, Сан-Франциско – профессиональная команда по американскому футболу. С 1988 года базируется в Санта-Кларе.

З

Сильвия Плат (27 октября 1932 г., Джамейка-Плейн, Бостон, Массачусетс, США – 11 февраля 1963 г., Лондон, Великобритания) – американская поэтесса и писательница, считающаяся одной из основательниц жанра «исповедальной поэзии» в англоязычной литературе.

4

Уолнат-Крик – город в округе Контра-Коста. Область залива Сан-Франциско штата Калифорния, США. Уолнат-Крик находится в 37 км (23 миль) на восток от Сан-Франциско и в 26 км (16 милях) от города Окленда.

5

Конкорд – самый крупный город в округе Контра-Коста, штат Калифорния, США.

6

Уэйн Даейер, д-р (10 мая 1940 г., Детройт, Мичиган, США – 29 августа 2015 г., Мауи-Кантри, Гавайи, США) – американский писатель, преподаватель, лектор, пропагандист саморазвития.

7

Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммад Руми (30 сентября 1207 г., Балх, Государство Хорезмшахов – 17 декабря 1273 г., Конья, Конийский султанат), известный более как Руми или Мевляна, – выдающийся персидский поэт-суфий.

8

Альберт Эйнштейн (14 марта 1879 г., Ульм, Вюртемберг, Германия – 18 апреля 1955 г., Принстон, Нью-Джерси, США) – физик-теоретик, один из основателей современной теоретической физики, лауреат Нобелевской премии по физике 1921 года, общественный деятель-гуманист, автор более чем 300 научных работ по физике, а также около 150 книг и статей в области истории и философии науки, публицистики и др.

9

Фридрих Максимилиан Мюллер (6 декабря 1823 г., Дессау – 28 октября 1900 г., Оксфорд) – немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

10

Джебран Халиль Джебран (6 января 1883 г., Бишари, Ливан – 10 апреля 1931 г., Нью-Йорк, США) – выдающийся ливанский и американский философ, художник, поэт и писатель.

11

Древнегреческий философ.

12

Джон Леннон (9 октября 1940 г., Ливерпуль, Великобритания – 8 декабря 1980 г., Нью-Йорк, США) – британский рок-музыкант, певец, поэт, композитор, художник, писатель, один из основателей и участник группы The Beatles.

13

Один из главных героев романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

14

Американская постгранж-группа, в основе творчества которой лежит направление неохард-рок. Образована в декабре 1991 г.

15

Candlebox. Blossom.

16

Виктор Мари Гюго (26 февраля 1802 г., Безансон – 22 мая 1885 г., Париж) – французский писатель, одна из главных фигур французского романтизма, член Французской академии.

17

«Грин-Бей Пэкерс» – профессиональный клуб по американскому футболу из города Грин-Бей, штат Висконсин. Команда выступает в Северном дивизионе Национальной футбольной конференции Национальной футбольной лиги. Команда основана в 1919 г.

18

Джуди Гарленд (10 июня 1922 г. – 22 июня 1969 г.) – американская актриса и певица, лауреат премий «Золотой глобус», «Грэмми», «Тони» и Молодежной награды киноакадемии, дважды номинировалась на премию «Оскар»; мать актрис Лайзы Минелли и Лорны Лафт; а еще та самая девочка Элли, затерявшаяся в стране Оз.

19

Чандра Мохан Джеин (11 декабря 1931 г. – 19 января 1990 г.) – индийский духовный лидер и мистик; проповедник новой санньясы, выраженной в погружении в мир без привязанности к нему, жизнеутверждении, отказе от эго и медитации и ведущей к тотальному освобождению и просветлению.

20

Тайлер Нотт Грегсон (род. 6 июля 1981 г.) – американский поэт и профессиональный фотограф. Получил известность как поэт на социальных медиаплатформах, таких как Tumblr, Instagram и Twitter, с 2009 г.

21

Экхарт Толле (16 февраля 1948 г., Люнен, Германия) – немецкий писатель и духовный оратор.

22

Лао-цзы (604–531 гг. до н. э.) – древнекитайский философ VI–V вв. до н. э., которому приписывают авторство классического даосского философского трактата «Дао Дэ Цзин».

23

Энди Уорхол (6 августа 1928 г. – 22 февраля 1987 г.) – американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссер, заметная персона в истории поп-арт-движения и современного искусства в целом.